Геннадий Синицын

18+

Талисман

Книга первая

Ретроспектива

Генадий Синицын

Талисман. Книга первая. Ретроспектива

«Издательские решения»

Синицын Г.

Талисман. Книга первая. Ретроспектива / Г. Синицын — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747039-5

Роман «Талисман» в двух книгах («Ретроспектива» и «Излом»). Жанр — художественный реализм. Идея романа заключается в том, что только сам человек определяет свою судьбу, какие бы внешние факторы ни оказывали на него давление.Главный герой романа — Снегирёв Дмитрий. Прозу повествования жизни в стране с 1952 по 2010 год, трагические и комические истории органично дополняют лирические мотивы — это стихи главного героя, письма бывшей его одноклассницы Светланы к нему на протяжении четверти века.

ISBN 978-5-44-747039-5

© Синицын Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 36
Глава 3 60
Глава 4 86
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Талисман
Книга первая. Ретроспектива
Генадий Синицын

© Генадий Синицын, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Дорогою жизни сложно пройти,
Верстами её не измерить.
Лишь вехами жизненного пути
Можно её отметить.
Есть вехи казённой величины,
Они знаменуют историю,
Те, что помельче – не так видны
Их ставит каждый по-своему

По накатанной колее подходил к своему завершению 1952 високосный год. Вот уже почти тридцать лет, несмотря на крутые подъёмы и затяжные спуски, дорога жизни Великой страны в своём, казалось, нескончаемом беге, словно подчинялась особым установленным правилам. Они, наподобие свода законов на базальтовой стеле древневавилонского царя Хаммурапи, предопределяли её дальнейший путь. Главная магистраль притягивала к себе великое множество второстепенных дорог, которые, примкнув к ней, растворялись, признавая её направление непререкаемой сущностью. Уже совсем скоро, казалось бы, незыблемость предписанного направления подвергнется серьёзным испытаниям и потрясениям, но об этом ещё никто даже не задумывался. Столь же великий, сколь и ужасный верховный правитель страны пока ещё зорко следил за малейшими отклонениями от генерального курса. При малейших подозрениях на возможность любого инакомыслия, они в корне жестоко пресекались суровыми карами. Его тень, даже спустя многие годы после смерти всесильного диктатора, будет незримо довлеть над умами и поступками приемников его верховной власти. Да что там преемников власти, над умами и поступками многих десятков миллионов рядовых граждан страны, которые на протяжении всего его правления в большинстве своём всегда были послушными винтиками созданной им репрессивной государственной машины и, как те второстепенные дороги, послушно следовали в «фарватере» главной магистрали. Если же некоторые из них неожиданно вырывались и, виляя, стремительно убегали в стороны, то неизбежно добегали до своего последнего верстового столба и тихо умирали.

В стране разворачивалась третья по счёту волна репрессий и расправ. Тоталитарная система достигла своего апогея и только со смертью отца всех народов тяжело начнёт рушиться, погребая под обломками своих созидателей. А пока…

***

В ту ночь небо, казалось, разверзлось над землёй и обрушило на неё потоки воды и огня. Тайга угрожающе гудела, встречая косматой грудью разбушевавшуюся стихию.

Не выдержав изнурительной борьбы, с треском падал могучий кедр, увлекая за собой ещё неокрепших молодых собратьев, тогда на студёные воды падал тяжёлый стон. Он ещё некоторое время метался среди вспенившихся волн Телецкого озера, но затем терялся в общем гуле. Чёрное небо неожиданно раскалывалось, и от ослепительной вспышки всё вокруг на мгновение озарялось мёртвым светом. В этот миг, казалось, что всё замерло, затем прокатывался оглушительный гром, и свирепый ветер с новой силой хлестал ледяными жгутами тайгу, как будто задался целью сломить и пригнуть её к земле, в бессильной ярости ломал сучья и, выдохнувшись, на время затихал, чтобы, набравшись сил, неожиданно наброситься вновь. Всё живое, забившись в самые глухие места, с безумным страхом и трепетом ожидало конца безудержного разгула стихии и наступления рассвета.

Ближе к утру буря улеглась. В это время в поселковой больнице, расположившейся в живописном месте на берегу Телецкого озера, в наступившей тишине раздался пронзительный крик, известивший Мир о рождении нового, ещё пока совсем маленького человека, перед которым только что открылась неизведанная, полная предстоящих событий дорога жизни. Пусть в не й тебе сопутствует удача, в добрый путь, малыш!

– Катенька, поздравляю с сыночком! Как назовём? – показав молодой матери крохотное тельце, сучащего ножками младенца, с участием обратилась к ней пожилая женщина-акушерка.

– Пусть будет Дима, – с нежностью, тихим, уставшим голосом ответила молодая мать.

Глава 1

В начале марта 1953 года, после почти тридцатилетнего безраздельного и сурового правления, умер Иосиф Сталин. Кровавое колесо разворачивающихся с новой силой репрессий разом остановилось. Берия, одно упоминание имени которого наводило на окружающих животный страх, в развернувшейся борьбе за власть, стремясь приобрести популярность в стране, объявил о невиновности «врагов народа» и провёл широкую амнистию, в том числе и среди уголовников. Однако это уже не могло помочь столь одиозной, ненавистной всем политической фигуре, спустя три месяца он был обвинен в заговоре с целью установления личной власти и в конце года расстрелян.

Между тем, неурожай 1953 года поставил страну на край голода, было объявлено о пересмотре экономической, в том числе аграрной политики, заявлено, что повысить благосостояние народа можно только через аграрную реформу и увеличение товаров народного потребления. В сентябре 1953 года Никита Хрущев был избран Первым секретарем ЦК КПСС, было принято решение об освоении целинных и залежных земель в Заволжье, Сибири и Казахстане.

***

Отшумела ненастьем поздняя осень, оттрещала лютыми морозами многоснежная зима, унеслась вместе с бурным половодьем быстротечная весна, наступило долгожданное, полное ярких красок и жарких солнечных дней, но, увы, короткое сибирское лето.

Изумительно прозрачные воды красивейшего Телецкого озера так и манят любого, оказавшегося на его берегу, окунуться, освежиться в них от палящего полуденного зноя. Только вот обманчива красота этих вод. Если же кто и отважится попасть в их объятия, то совсем ненадолго. Больно колючие эти объятия, дух от них захватывает, а то и судорога сведёт быстро закоченевшие конечности. Быстрее, быстрее на спасительный берег! Выскочишь, зуб на зуб не попадает, всё тело покроется «гусиной кожей» с синеватым отливом. Ну, да ничего, побегаешь по берегу, энергично размахивая руками, и согреешься, зато какой заряд бодрости получишь!

Наступившее лето не согревало душу Кати, вот уже несколько месяцев она вместе с малюткой – Димой лежала в больнице. На её глазах жизненные силы с каждым уходящим днём покидали ребёнка. Проклятая диспепсия своими костлявыми пальцами отнимала беззащитного, любимого сыночка. При этом материнское сердце болело ещё и за старшенького, трёхгодовалого сына Коленьку, надолго оставшегося дома без её заботы, доброты и ласки. А тут ещё на утреннем обходе врач, видимо полагая, что она спит, остановившись около них и посмотрев на безнадёжного ребёнка, тихо сказал рядом стоявшей медсестре: «Да-а, видно, не жилец».

Эти слова весь день раскалённым гвоздём сидели в голове Кати. Нахлынувшие горькие мысли почти до самого утра не позволяли ей уснуть.

На следующий день она внезапно проснулась от какого-то щемящего внутреннего беспокойства. Солнце уже ярко светило в окно, сына рядом не было. Мать взволнованно закричала: «Где мой ребёнок!»

На её крик, спустя некоторое время, зашёл врач с медсестрой. Увидев пациентку, ставшую с кровати, врач подошёл к ней и спросил:

– В чём дело, почему шумим?

– Где мой сын! – повторила она вопрос.

Врач, на мгновение замешкавшись, ответил:

– Успокойтесь, пожалуйста, – затем, выждав паузу, выдал ужасное известие: – Он умер.

– Что значит – умер, когда, где он сейчас? Немедленно покажите его мне!

Оставив вопросы без ответа, врач возразил:

– К сожалению, не могу вам сейчас показать ребёнка. Его увезли в районный морг.

Катя медленно опустилась на край кровати и упавшим голосом, сквозь обильно хлынувшие слёзы жалобно попросила, оседая на кровать:

– Отвезите меня к нему, пожалуйста, – и зарыдала.

Врач присел рядом и, стараясь её успокоить, стал уговаривать:

– Вы пока прилягте, отдохните. До Турочака восемьдесят вёрст, машина у нас одна, вот вернётся, завтра мы вас и отправим.

Катя совсем сникла и снова попросила:

– Позвоните, пожалуйста, мужу в контору леспромхоза. Его зовут Николай Дмитриевич, прорабом работает, его найдут.

– Хорошо. Обязательно позвоним, ждите.

***

Узнав о случившемся несчастье, Николай кинулся искать свободную машину, но только к концу рабочего дня ему удалось буквально выцарапать освободившуюся на время полуторку, сам сел за руль, заехал в больницу за Катей, и они поспешили в районный центр.

К моргу подъехали поздно вечером, затемно. Это было старое бревенчатое здание мрачной наружности, с двумя подслеповатыми окнами и массивной деревянной дверью, над которой сиротливо и тускло светила лампочка, прикрытая сверху полукруглым козырьком из жести. Они долго стучали в дверь, затем в окна. Наконец, за дверью глухо звякнуло, она открылась вовнутрь, и на пороге выросла, как бы нависла над ними крупная фигура мужчины неопределённого возраста, в неопрятном халате, непонятно какого цвета. Голова лохматая, лицо заспанное, изрядно заросшее рыжей щетиной. Судя по его виду, это был здешний санитар и сторож в одном лице.

– Кого тут леший носит по ночам! – недовольно проворчал он, прищурился, пытаясь разглядеть незваных посетителей. От него резко пахнуло перегаром самогона.

Николай невольно отшатнулся в сторону и ответил:

– Сына нам надо увидеть, сегодня должны были его привезти.

– Чего-о-о …?! Вы совсем свихнулись, что ли? По ночам на покойников глазеть. Приходите завтра, никуда он отсюда не убежит. Ходят тут всякие, ненормальные…, – пробурчал он недовольно заплетающимся языком, пытаясь захлопнуть дверь.

Николай едва успел вставить в дверной проём ногу и торопливо проговорить:

– Подождите, выслушайте. Понимаете, мы только что приехали из Артыбаша. После того, как сын умер, его сразу увезли сюда, и мы его ещё не видели.

– Может, он ещё живой …, – неожиданно, с надрывом в голосе вставила из-за его спины супруга.

После её слов санитар на некоторое время оторопел, по-видимому, переваривал услышанное, затем тряхнул головой и уже более трезвым голосом проговорил:

– Вы сумасшедшие, что ли? Здесь морг, а не больница, сюда живых не привозят, ступайте отсюда.

– Мужик! – обратился к нему Николай и продолжил. – Не бери грех на душу. Ты не видишь, что ли? Жена на грани срыва! Пропусти нас, посмотрим и уйдём.

Санитар почесал затылок, потом махнул рукой и в сердцах бросил:

– Ладно, проходите, а то я тут, похоже, всю ночь с вами пробалакаю.

Переступив порог, супруги пошли следом за санитаром. Пройдя по небольшому коридору, тот остановился у одной из дверей, щёлкнул выключателем и толкнул от себя дверь. Вошли в просторное, весьма прохладное помещение, тускло освещённое двумя лампочками. В глубине его, на каменном полу стояло десятка полтора – два топчанов в виде широких лавок, покрытых сероватыми от многократных стирок простынями. Вдруг из дальнего угла послышалось плаксивое детское всхлипывание. Катя стремительно рванулась на этот звук. Подбежав к одному из топчанов, она подняла простынь и увидела своего ребёнка. Он лежал на спине, на поверхности, слишком просторной для его маленького детского тельца, и сучил мокрыми ножками, синеватыми от холода. Мать лихорадочно, досуха протёрла тельце ребёнка, завернула его в простыню, сверху ещё укутала снятым с себя плащом и прижала свёрток к груди. Выбежав из помещения, она быстро направилась к выходу из морга. Николай последовал, было, за ней. Санитар, начисто протрезвевший от необычного зрелища, первое время пытался сообразить – не привиделось ли ему всё это спьяну в каком—то кошмарном сне. Спохватившись, он успел ухватить за руку удаляющегося Николая со словами:

– Постойте! Расписаться надо за то, что забрали пок …, – не закончив, запнулся и поправился, – ну, это-о-о… ребёнка.

Они зашли в соседнюю небольшую комнатку. Санитар открыл лежащую на столе тетрадь в твёрдой картонной обложке и спросил:

– Как его фамилия?

– Снегирёв, – ответил Николай.

Санитар повёл заскорузлым указательным пальцем по списку и, наткнувшись на нужную фамилию, не поднимая головы, уточнил:

– Дмитрий Николаевич?

– Да-да, – нетерпеливо подтвердил Николай, переживая за ушедшую супругу с ребёнком.

Санитар, помусолив во рту химический карандаш, поднятый со стола, продолжил:

– А как ваше имя и отчество?

– Николай Дмитриевич, – теряя терпение, резко ответил тот.

Санитар, не торопясь, старательно вывел в соответствующей графе тетради фамилию и инициалы. Закончив писать, он выпрямился и, протянув руку с карандашом в сторону Николая, попросил:

– Распишитесь.

Тот быстро, размашисто расписался и, не попрощавшись, быстро выскочил из избы.

***

На улице в кромешной темноте было ветрено, упругими струями хлестал дождь. Катя с ребёнком ожидала мужа в кабине машины. Усевшись рядом, Николай направил полуторку в сторону ближайшей избы. Подъехав к изгороди и выйдя из машины, они в нерешительности остановились у калитки. Во дворе раздался надрывный лай собаки. Томительно, под аккомпанемент непрекращающегося дождя тянулись минуты. Наконец, дверь в избе отворилась, на крыльце в тусклом свете лампочки показалась мужская фигура. Хозяин цыкнул на собаку и, заметив людей у калитки, пробормотал:

– Кого там нелёгкая принесла?

– Хозяин! – воскликнул Николай. – Пусти переночевать, пожалуйста.

Подойдя к калитке, тот окинул взглядом супружескую пару с ребёнком, стоявшую перед ним, и промолвил:

– Добрый вечер, проходите.

– Кабы добрый …, – пробурчал на приветствие нежданный гость.

Все направились к избе.

Пройдя небольшие сени, вошли в просторную переднюю комнату. На стороне, противоположной от входа, у стены по центру стоял добротный обеденный стол, вдоль него с двух сторон такие же деревянные лавки. В углу, справа от стола висели на стене образа с лампадкой. Справа от входной двери умостилась на стене вешалка для верхней одежды, слева возвышалась свежевыбеленная, характерная для этих мест, громоздкая русская печь. Рядом с ней, вдоль стены стояла широкая деревянная лавка со жбаном воды, на боку которого висел деревянный ковш. Над лавкой, на стене – несколько полок с нехитрой хозяйской утварью. Немного поодаль от скамьи висел рукомойник и около него – полотенце. Под рукомойником стояла ёмкость для слива воды, далее – дверь в другую комнату. У камелька хлопотала хозяйка средних лет, дородная женщина.

– Глафира! – войдя в комнату, пробасил хозяин. – Принимай гостей.

– Господи, – засуетилась та, вытирая руки о фартук.

– Да, – протянув заскорузлую ладонь гостю, промолвил хозяин, – меня кличут Иваном, будем знакомы.

– Меня Николаем называй, супругу – Катериной, – представился тот.

– Ну, вот и познакомились, вы тут пока располагайтесь, – распорядился хозяин и, обратившись уже к хозяйке, промолвил: – Глафира, подсоби им тут, да собери на стол, поснедаем.

Та уже приняла с рук матери ребёнка, сюсюкая, что-то понятное только ей одной, и прошла с ним в соседнюю комнату.

Гости, тем временем, уже сняли верхнюю одежду, стряхнули с неё сырость дождя, повесили на вешалку, разулись и прошли вглубь комнаты по свежевыскобленному деревянному полу. Катя направилась вслед за Глафирой. Вскоре хозяйка вернулась и стала хлопотать у печи. Покормив и уложив спать ребёнка, Катя присоединилась к ней, и они вместе стали накрывать на стол. Постепенно он наполнялся. В центре его уже стояли: вместительный чугунок с картошкой, отварной в мундире; по бокам от него, в широких блюдах – медвежье мясо, порезанное кусками, и хлеб; глубокие деревянные миски с квашеной капустой, солёными огурцами; по краям – два глиняных кувшина с брусничным напитком. Ближе к лавкам с обеих сторон стола – деревянные миски, ложки по числу персон и чашки для напитка. Комната наполнилась дразнящим аппетитным духом. Иван, по-хозяйски окинув взглядом накрытый стол, крякнул и вышел в сени.

Вернулся он с запотевшей четвертью первача. Глафира поставила на стол для мужчин два гранёных стакана и пропела:

– Прошу к столу.

Все, не спеша, расположились на лавках. Хозяин наполнил стаканы, поднял свой и со словами:

– Будем здоровы! – разом опрокинул его, крякнул и захрустел ядреным солёным огурцом.

Во время еды завязалась нехитрая беседа на житейские темы.

– Откуда вы будете? – спросил хозяин.

– С леспромхоза мы, – ответил Николай, – приехали за сыном в морг…

– Боже ж ты мой, – перекрестилась Глафира. – Это ж как, вроде, живой и вдруг – в морг.

Катя, вновь переживая всё происшедшее в последнее время, со слезами на глазах поведала о перипетиях несчастья.

– Да-а-а …, – выждав некоторую паузу после рассказа, протянул Иван, решительно наполнил стаканы и продолжил. – Долго, значит, жить будет, за второе рождение вашего сыночка!

За размеренной беседой стол постепенно опустел. Хозяин стал с лавки и обратился к Николаю:

– Ну, пусть женщины здесь займутся своими делами, а мы выйдем давай-ка во двор, покурим да погуторим.

На дворе после дождя посвежело, на просветлевшем небосклоне холодным мерцающим светом ослепительно сверкали звёзды. Устроившись на завалинке, Иван достал из кармана холщёвый кисет, аккуратно вынул газету, сложенную в несколько приёмов, и предложил: «Угощайся, Николай. Табак доморощенный, ядрёный!» Они, не торопясь, смастерили добротные самокрутки и с удовольствием затянулись, выпуская терпкий, неуловимо сладковатый сизый дымок. Как водится, обменялись житейскими проблемами, своими видами на предстоящую зиму и перешли на политику.

– Это ж на-а-до…, – задумчиво протянул Иван. – Всё шло своим чередом, было ясно и понятно, казалось, что время Сталина нескончаемо, и вдруг на тебе – нету его. Что дальше-то будет? Этот Берия ещё уголовников выпустил. Сколько разбоев через это, людей сколько погубили. Уже и его, этого шпиона порешили, а до сих пор амнистия его аукается. Что дальше-то будет? Пока там наверху всё утрясётся…

– Да, уж …, – откликнулся Николай. – Действительно, голова кругом идёт от всех этих событий, свалившихся, как снег на голову. Такую войну прошли, вспоминать страшно. Я, считай, с первых дней в эту мясорубку попал. Не успел военное училище закончить, как война началась. Так нам младших лейтенантов присвоили и на фронт отправили. С таким воодушевлением мы рвались в бой. Нас ведь чему учили? Если война, то непременно на чужой территории, скоротечная и победоносная. Какое там …, на своей-то земле долго в себя прийти не могли. Хаос, паника, боеприпасов в обрез, жрать почти нечего, связи никакой, помощи ждать не приходится. Я-то сам в артиллерии воевал, фашисты прут, танки, хоть зубами их грызи, ну и грызли, как могли. Сколько народу полегло, а те, кто живые после боя оставались, одно думают, как до своих прорваться, а куда направиться? Как бы в плен не попасть! Кругом немцы. В общем, так и драпали, огрызались, как могли. Когда немного опомнились, оглянулись, бежать-то уже и некуда, позади Москва. Вот такие дела тогда были. Помню, на нашем участке немецкий танковый прорыв случился. Мне приказ: «Стоять насмерть, не пропустить!» Я тогда уже батареей командовал. Легко сказать – стоять, когда прямо на тебя лавина танков прёт, а за ними автоматчики. Благо, что к этому времени с боеприпасами легче стало. Завязался бой. Когда в расположении батареи начали рваться немецкие снаряды, с позиции один боец побежал, другой, а следом целая группа. Кричу: «Назад!» Пытаюсь остановить панику. Куда там…, хватаю автомат и по головной группе очередь, несколько человек упало, остальные повернули обратно. В общем, продержались мы, пока наши танки из резерва подошли. Больше половины бойцов полегло в том бою, а ведь могло быть и значительно хуже, если бы не удалось остановить паникёров. И фашистов бы не сдержали, и батареи бы не стало, а тех, кто драпанул, всё равно расстреляли бы.

– Да, сурово, однако, своих-то стрелять, – отозвался собеседник.

– А что было делать? Выбирать не приходилось. У меня самого потом ещё долго кошки на душе скребли, но бойцы всё правильно поняли. В этом я убедился под Сталинградом. Ранило меня там тяжело осколком мины, упал, в глазах туман от потери крови. Осколок-то вошёл в правое предплечье, как уж он там двигался, а в итоге застрял где-то, аж у позвоночника, в районе шейных позвонков. Вот так-то. Тут подползает ко мне боец, один из тех, кто в том памятном бою под Москвой среди паникёров был. «Товарищ майор, – говорит, – вам в медсанбат надо». «Какой медсанбат, здесь каждый боец на счету, немедленно на позицию!» – отвечаю, пытаясь в бессилии направить на него пистолет. В общем, тащил он меня несколько километров до медсанбата, а ведь мог бы и бросить, не рисковать.

Иван тяжело вздохнул, поднялся с завалинки.

– Пойдём, что-ли, в избу, холодновато, однако, – поёжившись, буркнул он.

Войдя в переднюю комнату хозяин, обратился к супруге, хлопотавшей у печи:

– Ну что, мать, ты определила гостей на ночлег?

– А что тут определять? Они с ребёночком в спальне разместятся, а мы на печи, чай, не впервой, – пропела Глафира.

– Добре, вот и определились, – согласился Иван.

***

Очередной раз, уже ближе к утру, подойдя к сыну, Катя застала его в сильном жару, разбудила мужа и запричитала:

– Коля, ребёнок весь горит, умоляю, сделай что-нибудь!

– Чёрт возьми! Видимо, морг даром не прошёл, много ли ему, такому малому нужно. Надо немедленно в больницу, пока ещё не поздно. Собирайся, сейчас поедем.

Наскоро одевшись, Николай выскочил из спальни. У печи, как будто с вечера и не отходила от неё вовсе, хлопотала хозяйка. Обернувшись на звук открывшейся двери, она увидела Николая и певуче проговорила:

– Уже проснулись, вот и славненько, я тут уже и завтрак приготовила.

– Ой, Глафира, – перебил её Николай, – не до завтрака тут, сын наш в горячке, в больницу мы едем.

– Господи, – всплеснув руками, воскликнула Глафира…, – да что же это за наказание такое!

Николай в спешке умылся под рукомойником, схватил с вешалки верхнюю одежду и скрылся снова в спальне. Глафира, возбуждённо причитая, засуетилась у печи. Когда гости, уже одетые, вышли в переднюю комнату, она протянула им свёрток, наспех собранный, и со словами: «Я вам тут припасла кое-что на дорожку, а то, что же это – с утра не евши, господь вас храни», – и осенила их крестным знамением. На крыльце они столкнулись с возвращавшимся со двора хозяином.

– Куда же это вы с утра пораньше, Глафира, небось, уже и завтрак собрала, куда спешить-то?

– Иван, в больницу нам срочно надо, сына спасать, горит он весь, времени нет, спасибо за гостеприимство.

– Ну, коль такое дело, давайте я вас провожу до калитки.

На выходе со двора они попрощались, хозяин пожелал им всего хорошего и пригласил при случае, заглядывать к ним на огонёк.

****

Вскоре машина остановилась у двухэтажного здания районной больницы. Сразу за входной дверью находилась небольшая проходная комната ожидания с окошком регистратуры. Получив направление, Катя с ребенком, пройдя через комнату, попали в длинный неширокий коридор, по обе стороны которого располагались приёмные кабинеты. Найдя номер, указанный в направлении, Катя, постучавшись, вошла.

В небольшом кабинете всё было предельно просто, казённо, но чисто и аккуратно. Слева вдоль стены стояла небольшая, аккуратно застеленная льняной простынкой кушетка, в углу приютилась деревянная вешалка для верхней одежды посетителей. На противоположной стене расположились навесные шкафчики со стеклянными дверками, за которыми на полочках разместились различные лекарства и медицинские принадлежности. Под ними на полу стоял небольшой деревянный столик, накрытый простенькой скатертью, на которой на небольшом круглом стеклянном подносе стоял графин с водой и граненый стакан. Напротив входа, у окна стоял широкий добротный стол, по обе стороны которого на стульях сидели две женщины в белых халатах. У стола, со стороны от двери сиротливо стояла табуретка для посетителей. «Проходите, присаживайтесь», – не поворачивая головы, что-то быстро записывая на бумаге, промолвила пожилая женщина в очках, сидевшая слева от входа, по всей видимости, врач. Катя

прошла к столу, осторожно присела на табуретку и протянула направление предполагаемому врачу. Женщина в очках, именно она и оказалась врачом, оторвала свой взгляд от записей и внимательно посмотрела на молодую женщину с ребёнком.

Катя сбивчиво объяснила, что случилось, и сквозь слёзы, опять проступившие на глазах, умоляла спасти её маленького сыночка. Врач и медсестра на некоторое время оцепенели от её сумбурного и просто невероятного по своей дикости рассказа. Встряхнув головой, как бы избавляясь от наваждения, врач, наконец, проговорила, обращаясь одновременно и к медсестре, и к матери ребёнка: «Термометр и фонендоскоп быстро! Ребёнка на кушетку, расстегните и снимите с него одежду». Катя осторожно положила ребёнка на кушетку и оголила его. Врач поставила термометр и начала прослушивать ребёнка. Тот закапризничал, Катя и врач успокаивали его, продолжая обследование. Наконец, доктор, закончив процедуру, вынула термометр и распорядилась: «Одевайте ребёнка, – посмотрела на показания термометра, села за стол и принялась писать. Закончив, она протянула посетительнице направление. – У ребёнка, по всей вероятности, двухстороннее воспаление легких, его необходимо немедленно положить в стационар. Поднимитесь на второй этаж, там вас с ребёнком и разместят, будем надеяться на благополучный исход, хотя положение очень серьёзное, не теряйте времени. До свидания». Та, поблагодарив врача, вышла из кабинета, прошла по коридору. У дверей в комнату ожидания её поджидал муж. Она ему всё рассказала, они вместе поднялись на второй этаж. У входной двери в коридор, за столиком сидела дежурная медсестра. Катя протянула ей направление, та, внимательно прочитав его, распорядилась:

– Пройдёмте со мной, – и обратилась уже к Николаю: – Вам можно уже уходить, здесь никому, кроме больных, находиться не разрешается.

– Может быть, ещё что-нибудь понадобится, я подожду, – возразил тот.

– Всё что необходимо, здесь есть, ничего больше не надо. Их сейчас разместят в больничной палате и начнут курс лечения ребёнка. Возвращайтесь домой. С обратной стороны двери висит график посещений больных. До свидания.

– Ну что, Катя, тогда до встречи, по возможности, буду вас навещать. Выздоравливайте тут, не скучайте, – он поцеловал супругу на прощание, и она пошла вслед за медсестрой.

***

Очередной раз, когда Николай навещал Катю в больнице, та сказала ему, что назад домой не поедет ни под каким предлогом. Как ни пытался он отговорить её, она была непреклонна. Николай не мог ума приложить, куда можно с двумя малыми детьми срываться, где жить, где найти работу. Он долго мучился в непростых размышлениях, помог непредвиденный случай.

Как-то, зайдя в контору, он неожиданно нос к носу столкнулся со своим бывшим однополчанином, которого узнал сразу, как, впрочем, и тот его.

– Какими судьбами?! Николай! – воскликнул Степан. – Кто бы мог подумать. Встретиться в такой глуши после стольких лет, невероятно!

– Да я-то здесь живу и работаю, а вот ты откуда взялся? Надо же!

– В командировке я, из Барнаула приехал стройматериалы пробивать.

– Славненько, а когда приехал, где остановился?

– Часа полтора, как здесь огибаюсь, с проживанием ещё не определялся, сразу в контору пошёл.

– С проживанием, считай, всё в порядке, я тут временно холостякую, жена в районной больнице с младшим сынком лежит, так что милости просим, отметим встречу, есть о чём и поговорить.

– Вот и лады, дело уже к вечеру, если ты свободен, то сейчас и двинем.

– Принято, только сначала забежим в магазин, прихватим горючего – и ко мне.

– В магазин не обязательно, – Степан многозначительно похлопал по балетке и промолвил заговорщицки: – Здесь всё необходимое есть, я же, как-никак – толкач, положение обязывает!

– Баба с возу, кобыле легче, – отшутился Николай, и они отправились домой.

Вскоре бывшие однополчане уже входили в небольшую, но добротно срубленную избушку. Почти четверть передней комнаты занимала русская печь. Всё нехитрое убранство составляли: небольшой обеденный стол, несколько табуреток вокруг него, умывальник с ёмкостью под ним, скамья возле неё с ведром воды. Над скамьёй деревянные полки со столовой утварью, вешалка для верхней одежды у входа. На некотором отдалении от печки – вход в смежную комнату, из которой, услышав пришедших, выбежал босоногий малыш лет трёх от роду.

– Знакомься, – обратился Николай к гостю…, – это старшенький – тёзка мой, Николаем кличут.

– Ну, здорово, Николай младший! – подхватив босоногого сорванца и подняв вверх на вытянутых руках, задорно воскликнул Степан. – Зеленоглазый, как папка, и кудрявый такой же.

Малыш залился звонким смехом, подпрыгивая на руках Степана. Тот, опустив на пол ребёнка, положил на широкую лавку свою балетку, открыл её и извлёк несколько конфет, завёрнутых в яркие фантики, протянул их ребёнку: «Держи, атаман, угощайся и помни мою доброту!» Малыш, не заставляя ждать, прижал к груди подарок, что-то буркнул неразборчиво в знак благодарности и скрылся в соседней комнате.

Хозяин, тем временем, поспешно собирая на стол, бросил фронтовому другу: «Хозяйки временно нет, так что, если что не так, извини, хотя чего там, не девицы красные, как-нибудь разберёмся и по-холостяцки».

Наконец, кое-как управившись с хлопотами, они уселись за стол. Степан извлёк бутылку коньяка, баночку с красной икрой из неиссякаемой балетки.

– Ну, ты даёшь! – с восхищением произнёс Николай. – Давненько я не прикладывался к коньячку.

– А ты как думал, я сюда с пустыми руками должен был ехать, что ли? Тут, брат, не подмажешь и уедешь ни с чем, вот так-то.

– За встречу, Степан! – поднимая наполненный стакан, произнёс Николай. – Будем здоровы!

– За встречу, дружище, будем!

Звякнув стаканами, они разом опрокинули их содержимое и захрустели солёными огурчиками.

– А я ведь, Степан, после того ранения так до конца войны по госпиталям и провалялся, всё не решались врачи осколок от мины извлечь, он у меня где-то рядом с позвоночником застрял. Вроде бы, особо не беспокоил, но как война закончилась, комиссовали меня вчистую. Теперь вот на гражданке, окончил строительный институт, работаю здесь уже больше года. Женат, двое детей. Вообще-то, если точно сказать, детей трое, все пацаны.

– Постой, а где третий-то?

– А третий в Москве живёт с первой моей женой.

– Ну, ты даёшь, я до сих пор холостякую, а он уже две семьи успел завести и в обеих детьми обзавестись, шустрый, однако.

– Да, Степан, такая история получилась. Я ведь когда в Москве в госпитале лежал, нас раненых там разные шефские коллективы навещали. То пионеры, то артисты, то представители трудовых коллективов от предприятий и организаций. Сам понимаешь, постылый госпиталь, я молодой, а тут дивчины приходят, подбадривают нас, не без кокетства, конечно. Приглянулась мне одна из них – Шура. Ребята надо мной подтрунивали, мол: «Что ты, как девица красная, если нравится, делай предложение, отказа, что ли, боишься?» Разозлился я и заявил им,

что на спор женюсь на ней, ну, и… женился. Через год родился первенец. Когда после окончания института собрался по распределению ехать в Казахстан, там у меня, кстати, родители жили, Шура наотрез отказалась уезжать из Москвы, вплоть до развода, как я её не уговаривал, бесполезно. Развелись мы, уехал в Казахстан один. Поезд стучал колёсами дней десять, за это время познакомился с молоденькой проводницей. За продолжительную дорогу о многом с ней наговорились. Она сама родом из Казахстана, с раннего детства полной сиротой осталась, до совершеннолетия у какой-то дальней родственницы жила. В общем, влюбился я, пока доехали, решили пожениться. Вскоре родила она Кольку. Помыкались мы в Казахстане, тяжело, денег не хватает. В прошлом году похоронили моих родителей и приехали сюда на заработки. Уже здесь родился младшенький, Дима назвали. Всё бы ничего, да вот заболел он. Вкратце и вся моя история.

– А жена-то с сынишкой в больнице давно?

– Уже третий месяц в районной, а до этого, два месяца в здешней больнице лежали.

– А что же такое случилось?

– Слушай, и говорить об этом даже не хочется. Сам уже извёлся, а про жену и говорить нечего. Давай ещё выпьем, потом расскажу. Молча опрокинули ещё по полстакана, закусили, и Николай продолжил: – Болезнь у сына какая-то ненормальная, диспепсия, что ли, называется. В общем: желудок, кишечник, не знаю, что там ещё, но жуткая болезнь. Врачи, вроде как, уже и не надеялись на выздоровление, а тут и вовсе кошмар приключился. Жена проснулась, а ребенка нет. Спрашивает: «Где мой ребёнок?» Ей отвечают, что умер, и отвезли в морг, который в районном центре. Жена, конечно, в истерику и потребовала отвезти её к сыну. В общем, с горем пополам, к ночи добрались мы до этого морга, а младенец среди мертвецов в диком холоде живой лежит, кричит, надрывается. Жена чуть умом не тронулась. Да что там она, мне самому жутко стало. Так он в этом морге ещё и двухстороннее воспаление лёгких схватил. Вот сейчас и лежат в районной больнице. Недавно навещал их, вроде кризис миновал, дело на поправку пошло, даже по этой диспепсии чёртовой. Всё, вроде бы, в норму вошло, так теперь жена ни в какую не хочет возвращаться домой. Чего только не придумает. И место проклятое, и врачи убийцы… Вот теперь и думаю, что же делать и куда податься?

– Да-а, ну, и страсти ты наговорил. Давай-ка ещё, что ли, выпьем. За благополучный исход с сыном, далеко не с каждым такое случается. Выпили ещё, закусили. – Николай, – вдруг предложил Степан, – давай-ка к нам в Барнаул. А что? Специальность у тебя по нынешним временам востребованная. У нас в стройтресте как раз прорабов не хватает, к тому же, жильё строим, скоро вводим очередной жилой дом, комнату получишь, всё-таки специалист, двое малых детей. Барнаул – краевой центр, не захолустье какое-нибудь, как здесь, например. Пора из медвежьего угла выбираться, заработки у нас неплохие, премиальные при вводе жилья дают. Короче, пиши заявление на имя нашего управляющего, я отвезу, заказным письмом ответ получишь.

– А что? Действительно, за спрос деньги не берут, а вдруг выгорит, тем более, ситуация у меня патовая. В следующий мой приезд жену с ребенком уже выписывать будут, а ехать некуда. Николай сбегал в смежную комнату, принёс бумагу и ручку, сел за стол и приготовился писать: – Диктуй – куда, кому?

Написав заявление и свои данные, он отдал листы другу. Тот открыл балетку и положил их туда, предварительно аккуратно сложив вдвое. Закончив с бумажными хлопотами, друзья продолжили разговор.

– Вот, Степан, вкратце и вся моя послевоенная история. Давай теперь ты рассказывай.

– Ну, после твоих остро закрученных сюжетов, мой рассказ будет обыденным и пресным. Войну я закончил под Кёнигсбергом. До этого, как говорится, бог миловал, ни одной царапины, а тут так зацепило, что чуть, было, ноги не лишился. Спасибо хирургу, казалось бы, в безнадёжной ситуации мою ногу сохранил. Правда видишь, прихрамываю до сих пор, но это

ерунда, всё-таки своя нога, не чужая, – с теплотой проговорил Степан, поглаживая ногу, и продолжил: – В общем, после госпиталя война уже закончилась, комиссовали меня, и махнул я на свою малую родину – в Барнаул. Погулял немного, напраздновался до одурения. Думаю, пора и честь знать, обустраиваться надо, мирную жизнь налаживать. Подвернулось место в стройтресте, снабженцем определили, учитывая моё интендантское прошлое. Закрутился, постоянные командировки. Вроде бы, и девчат свободных много. Нашего-то брата после войны шибко поубавилось. Да всё холостякую, может, перебираю чересчур, а может, и характер работы сказывается. Ну, да какие мои годы, успею ещё наверстать, на наш век невест хватит.

– Оно, конечно, невест предостаточно, да смотри, не прогуляй свой семейный берег. Всё-таки домашний уют, поверь мне, дорогого стоит, опять же дети. Я вот смотрю на своих сорванцов, и знаешь, как-то тепло и светло на душе становится, хотя, конечно, и забот полон рот да ещё с моими приключениями, но всё неприятное перемелется, а семейное тепло, дети останутся.

– Это ты, наверно, правильно говоришь. Чего-то теплого, душевного мне, конечно, не хватает. Иной раз с работы, особенно из командировки, домой возвращаешься, и знаешь, иной раз ощущение пустоты, какой-то неустроенности. Хочется тепла душевного, чтобы кто-то ждал тебя дома. Да что там говорит, посмотрел я на сынишку твоего и по-хорошему завидно стало.

– Степан, ты возвращаться-то, когда собираешься?

– Думаю, в понедельник в конторе ещё некоторые дела завершить надо, а во вторник уже, наверно, уеду.

– Слушай, завтра воскресенье, давай махнём на рыбалку, здесь такие места, рыба непуганая. Развеешься, отдохнёшь, приятные эмоции гарантирую!

– А что? Идея мне нравится, я уже и не помню, когда последний раз на рыбалке был.

– Ну, на такой рыбалке ты ещё ни разу не был, убедишься завтра, я не преувеличиваю. Так, сколько сейчас времени? Ничего себе мы посидели, уже первый час ночи! Всё, на сегодня закругляемся, а то завтра, тьфу, какое завтра, уже сегодня наступило, а нам рано утром вставать, не упустить бы утреннюю зорьку.

***

Проснувшись, Николай глянул на светящийся циферблат командирских часов, было без десяти минут пять утра. Вставать не очень хотелось. После вчерашнего застолья чувствовал себя немного разобранным. По опыту зная, что, проснувшись, лучше сразу встать, решительно поднялся с постели. Степан безмятежно спал, слегка похрапывая. Николай с трудом растолкал его.

– Что такое? – наконец, открыв и протерев глаза, каким-то тревожным голосом воскликнул тот.

– Вставай, соня, а то всю рыбу проспишь, – насмешливо ответил Николай.

– Какую рыбу? Отстань, дай поспать.

– Ну, ты даёшь, мы же с тобой договорились, что с утречка на рыбалку двинем. Вставай давай, нам ещё до места километра три топать. Я сейчас быстренько яичницу с колбаской сварганю, слегка перекусим и вперёд.

– А-а-а-а…, – окончательно проснувшись, протянул Степан. – Посмотрим, что у тебя здесь за рыбалка.

С удовольствием потянувшись, Степан резко соскочил с кровати.

– Как самочувствие? – спросил Николай.

– Пространственное …, – глубоко зевнув, ответил друг.

– Так, ладно, пойдём во двор, там освежимся колодезной водичкой, – предложил Николай и направился к выходу, захватив с собой полотенце. Друг пошёл следом за ним.

Уже светало, несмотря на середину июля, было достаточно прохладно. В середине двора возвышался колодезный сруб, на углу которого сиротливо стоял деревянный жбан, стянутый металлическими обручами, закреплённый цепью, намотанной на колодезный барабан. Николай, подойдя к колодцу, привычным движением столкнул жбан в зияющую пустоту колодца. Утреннюю тишину прорезал металлический грохот разматывающейся цепи, затем из колодца раздался приглушённый всплеск. Размеренно стал крутить ворот барабана, наконец, показался жбан, Николай сноровисто водрузил его на привычное место. Зачерпнув воду вместительным деревянным ковшом, скомандовал Степану.

– Подставляй ладони!

Нагнувшись и широко расставив ноги, тот, пофыркивая и покряхтывая от студёной колодезной воды, с удовольствием умывался. Николай, зачерпнув очередной раз ковшом, опрокинул из него воду на согнутую спину друга. Тот от неожиданности резко выпрямился и, вытаращив на него глаза, вскрикнул с придыханием:

– Ты очумел, что ли? Так и кондратий хватить может!

– Ничего, от этого ещё никто не умирал. Для поднятия тонуса самое верное средство, – заливисто засмеявшись, ответил Николай.

– Мать твою, яти, а ну, дай-ка сюда ковш, я тебе сейчас этот самый тонус до небес подниму!

– Возьми сначала полотенце, разотрись хорошенько, а уж потом поменяемся местами. Степан, схватив полотенце, растёрся им до красноты.

– Ну, как самочувствие? – поинтересовался Николай.

– Знаешь, прямо блаженство, как заново родился!

– Совсем другое дело, а то сразу про кондратия вспомнил.

Поменявшись местами и повторив процедуру, друзья, ободрённые и довольные, вернулись в избу. «Так, – сказал Николай, – я сейчас сначала побреюсь, а потом, пока буду готовить яичницу, займёшься брадобрейством и ты. Лады?» Не дожидаясь ответа, подошёл к зеркалу у рукомойника, достал с полки опасную бритву, раскрыл и принялся сосредоточенно править о широкий армейский ремень из натуральной кожи, висевший на стене рядом с рукомойником.

Побрившись, Николай уступил место другу, а сам принялся готовить завтрак. Вскоре яичница была готова, друзья уселись за стол. Не спеша, позавтракали. Николай вышел в прихожую, вскоре вернулся с изрядно полинявшей военно-полевой формой, и со словами: «Возьми вот, приоденься, чай, не в контору собрались», – протянул её другу. Пока тот облачался в униформу, собрал на рыбалку нехитрый тормозок, и оба направились к выходу. В прихожей хозяин прихватил небольшую брезентовую сумку, рыболовный подсак с мелкой сеткой, небольшой самодельный багор, и они вышли во двор.

– А где же удочки? – спросил Степан, усмехнувшись.

– Ну, удочки здесь не в почёте, необходимые снасти тут, – похлопал Николай по вместительной брезентовой сумке, – а багор на всякий случай.

– Подожди, Николай, а как же сынишка-то, один, что ли, останется? Его же и покормить, наверно, надо?

– Не беспокойся, скоро Татьяна – подруга Катерины подойдёт. Они, перед отъездом супруги, договорились, что пока её здесь не будет, Татьяна заботы о сыне на себя возьмёт. Я-то целыми днями на работе. Так что всё в порядке, пошли.

Николай взглянул на часы, они показывали без пяти минут шесть часов. Солнце уже встало, но ещё было совсем низко над горизонтом.

***

Минут через десять посёлок, если его можно было таковым назвать, остался позади, друзья вышли к обрывистому берегу Телецкого озера. Их взору открылась необыкновенная красота. Поверхность воды была покрыта серебристой дымкой. Берега озера, насколько хватает взгляда, окаймлены высокими горами, большинство которых покрыто хвойными и лиственными лесами с буйными зарослями кустарника. В прибрежных кустах слышался разноголосый хор птиц. Степан заворожено смотрел на открывшуюся перед ним живую картину, затем, как будто стряхнув с себя приятное наваждение, произнёс, обращаясь к другу:

– Слушай, а как мы до воды доберёмся? Здесь же крутизна такая, что чёрт ногу сломит.

– Видишь тропа, она нас и выведет, здесь действительно не так уж много удобных мест для выхода к озеру, иди за мной.

Они шли уже около часа, местами с трудом пробираясь сквозь густые заросли черной и красной смородины, малины и крыжовника. Внезапно заросли закончились, под ногами захрустела мелкая галька, и перед ними оказался небольшой залив озера с устьем горного ручья, который с шумом скатывался из расщелины скалы в озеро. Степан, подойдя к кромке воды, был поражён, она была до того прозрачна, что трудно было определить грань между поверхностью озера и воздухом. В лучах восходящего солнца на мелководье пригрелись стайки молоди, услышав посторонний шум, они стремительными молниями метнулись от берега, но через некоторое время, успокоившись, а может быть, уже и другие стайки вновь появились у берега. Николай, подойдя к Степану, обратился к нему:

– Значит так, ты давай лови кузнечиков, а я пока разберусь со снастями.

– А кого ты собираешься ловить? – с удивлением спросил Степан.

– Вот поймаем, и увидишь, – ответил Николай и вручил ему небольшой мешочек, похожий на кисет. Степан, пожав плечами, взял его и отправился на промысел.

Николай, тем временем, достал из брезентовой сумки литровую банку, подхватил подсак и отправился вдоль берега добывать молодь. Минут через десять в банке уже плавали мальки, подходящие для насадки. Затем он, не торопясь, срезал с кустарника ветку, смастерил из неё хлыст для крепления лески, достал из сумки самодельный спиннинг, представлявший собой катушку, закреплённую на полуметровой ореховой палке с металлическим кольцом на её конце для прохождения лески. Насадив на крючки молодь, он закинул снасть в залив метров на тридцать и прикрепил леску к хлысту, повесив на неё колокольчик. К этому времени, наконец, вернулся со своего промысла Степан.

– Ну, задал ты мне задачку. Прямо, как пацан, за этими кузнечиками ползал. Хорошо, что их тут хоть пруд пруди.

– Ну, вот и славненько, – ответил Николай, доставая из сумки очередную рыболовную снасть.

Степан, наблюдая за другом, с недоумением увидел, как тот извлёк нечто похожее на детский деревянный кораблик, разве что без мачты и паруса, и с любопытством спросил:

– Что это за кораблики такие?

– Они так и называются, это рыболовная снасть местная. Занимательная штука, должен тебе сказать. Сейчас увидишь, как с ней обращаться надо. Я их две прихватил, на одну из них и будешь ловить.

Степан стал с интересом наблюдать за действиями друга. Тот, не торопясь, стал разматывать леску, которая одним концом закреплена за кораблик, остальная намотана на простенькую катушку. Где-то в метре от кораблика на леске начали появляться полуметровые поводки с крючками, их было около десятка. Один за другим Николай наживил их кузнечиками. Затем он под углом к берегу запустил кораблик в воду, течение подхватило его и по мере того, как

Николай отпускал с катушки леску, относило его всё дальше от берега. Когда кораблик отошёл метров на двадцать, плывшие на поверхности кузнечики стали исчезать после легких всплесков. Когда пропали из виду все наживки, Николай потянул кораблик к себе. Тот приблизился к берегу, Степан с удивлением увидел, что почти на всех крючках трепетала рыба с завораживающими спинными плавниками, на которых необыкновенно красивые круглые разноцветные пятна, делали их похожими на хвост павлина. Каждая из рыбок весила граммов по двести – триста.

– Вот это да! – с восторгом воскликнул Степан. – Надо же, так быстро и сколько сразу их, что это за красавцы такие?

– Хариусы, – ответил снисходительно Николай, насаживая рыбу на кукан. – Бывает, попадаются экземпляры по килограмму, а то и больше. Если такой попадётся, то так легко, как этих, его не вытащишь, необходимо вываживать, вовремя подтягивать или наоборот – отпускать немного. Он с норовом, может и над водой выпрыгнуть, так что если попадётся крупный, зови меня, а то можешь и упустить его. В общем, забирай кораблик и удачи тебе.

Друг, заражённый азартом, схватил предложенную снасть и стал торопливо насаживать кузнечиков на крючки. «Степан, ты метров на тридцать отойди и там спускай свой кораблик, чтобы не мешать друг другу, и умерь свой пыл, а то всю рыбу распугаешь», – посоветовал Николай. Тот подхватил снасть и торопливо пошёл вдоль берега. Отойдя метров на сорок, он пустил на воду свой кораблик, вскоре его отнесло метров на тридцать, поклёвки всё не было. Степан перестал отпускать леску, она натянулась, кораблик потихоньку стало относить ближе к берегу, Он пошёл за ним вниз по течению и тот перестал приближаться к берегу, прошёл метров тридцать – сорок и вдруг недалеко от кораблика раздался всплеск. На его месте появились круги, и тут Степан почувствовал по леске сильный удар, кораблик потянуло к берегу, леску – вниз, он стал её потихоньку сдавать, почувствовал ещё несколько энергичных, но все же слабеющих ударов и рывков, затем послабление. Начал подматывать леску, вдруг достаточно крупная рыбина вылетела вверх, блестя бронзой своих боков и фиолетовыми плавниками, вновь ушла под воду, снова выпрыгнула, закувыркалась в радуге брызг. Рыбак, ошалев от необычного зрелища, истошно закричал: «Николай, помоги, а то уйдёт!» Тот в это время, прихватив подсак, уже спешил к другу на помощь. Подбежав, он бросил снасть и, перехватив леску у друга, осторожно стал вытягивать её из воды, она шла натужно, но без ударов и рывков. Взглянув в сторону кораблика, он заметил, что метра за полтора перед корабликом поверху, разрезая воду краями белеющей пасти, тянется крупный хариус, и крикнул: «Бери подсак и, как только скажу, постарайся подхватить рыбу, но без команды не дёргайся». Тот, схватив снасть, приблизился к кромке воды и застыл в напряжении, глаза горели неподдельным азартом. Хариус, между тем, видимо, уже устав от борьбы, не предпринимал никаких резких движений, как будто уже и не живой вовсе. Однако метрах в двух от берега, когда уже казалось, что вытащить его не составит труда, вдруг резко встрепенулся и начал извиваться, с остервенением хлестать хвостом по воде. Степан в азарте с сачком наперевес кинулся, было, к нему, сразу оказавшись по колено в воде. Николай истошным криком: «Не лезь!» – остановил его, продолжая ускоренно вытаскивать леску.

Уже на берегу, у самой кромки воды, хариус неожиданно соскочил с крючка и неумолимо соскальзывал в озеро. Степан, находившийся ещё в воде, кинулся к нему и самоотверженно накрыл своим телом. Друг поспешил ему на помощь, общими усилиями они сохранили добычу. Степан, предварительно удалившись с рыбой подальше от берега, крепко держа двумя руками упругую, сильную, килограмма на полтора добычу, с восхищением рассматривал красавца. Николай, тем временем, одного за другим снимал с крючков и насаживал на кукан ещё трёх, значительно меньших по размерам, хариусов.

Постепенно возбуждение прошло, и Степан почувствовал, что в пылу самоотверженности изрядно промок и продрог, что было немудрено, вода в озере в самое жаркое время года

выше пятнадцати градусов практически не поднималась. Сняв и выжав одежду, он развесил её на кустах и делал пробежки, согреваясь. Благо, что утро выдалось солнечное и через некоторое время, разогревшись, надел немного подсохшую на солнце амуницию. Рыбалка возобновилась.

Часам к десяти клёв практически прекратился, к этому времени друзья уже наловили более четырёх десятков хариусов. В основном это были особи по двести – триста граммов, некоторые тянули и по полкилограмма, ну, а самым большим оказался спасённый полуторакилограммовый экземпляр. Друзья уже сворачивали свои кораблики, как вдруг услышали звон колокольчика, который до этого ни разу не подавал признаков поклёвки. Они разом взглянули в сторону хлыста, за который была закреплена леска, он угрожающе изогнулся. Рыбаки, не сговариваясь, кинулись к нему. Подбежав к хлысту, Николай сделал резкую подсечку, затем быстрым привычным движением освободил его от лески и едва успел схватить спиннинг. Леска стремительно сматывалась с катушки, увлекая её за собой в воду. Николай, зная, что это бесполезно, даже не пытался приостановить вращение барабана. «Только бы хватило лески!» – лихорадочно стучало в висках, внезапно она остановилась. Николай переключил на трещотку и осторожно подтянул ослабевшую леску. Через некоторое время последовал второй рывок, катушка заверещала, но ненадолго, леска опять остановилась. Он отключил трещотку и осторожно стал подматывать, затем ускорил движение, сопротивление почти не ощущалось. Вдруг последовал третий рывок, барабан стремительно набирал обороты, его ручки больно били по пальцам, Николай с трудом переключил катушку, раздался сплошной металлический треск, которому, казалось, не будет конца. Борьба шла с переменным успехом, возбуждённый рыбак, то наматывал леску, то вновь отпускал её после очередного рывка. Постепенно они становились всё слабее и менее продолжительными. Наконец, в метрах десяти от берега в прозрачной воде показалось длинное, несколько сжатое с боков тело крупной рыбины, красивой, зеленовато-коричневой окраски с розовыми плавниками. «Таймень да крупный какой, надо же!» – мелькнула мысль, и сердце забилось учащённо, его удары, казалось, отдавались в голове.

– Степан! – проговорил он голосом, неожиданно вдруг осевшим от волнения. – Бери багор и, как только подведу, бей крюком ему под хвост, смотри не промахнись!

– А зачем под хвост, я его за голову зацеплю, – с недоумением возразил тот.

– Делай, как тебе говорят, такой удар парализует хвост. Это же таймень, Степа, да ещё какой, нам здорово повезло, осталось только его не упустить.

Между тем, он уже подвёл рыбину на расстояние чуть больше метра к берегу. Неожиданно, видимо почувствовав опасность, таймень буйно вылетел из воды, ударом своего могучего хвоста, он, казалось, был намерен перешибить леску. Степан, изловчившись, нанёс сильный удар багром, остриё которого вонзилось здоровенной рыбине под хвост. После такого удара таймень, утомленный борьбой и лишенный силы, выглядел беззащитным, друзья с трудом вытащили его на берег подальше от воды. Некоторое время, молча, тяжело дыша от физического и нервного напряжения, сидели рядом со своим сказочным уловом. Николай тупо рассматривал свои дрожащие пальцы, побитые катушкой в кровь. Успокоившись, Степан пытался поднять упругое, скользкое тело тайменя, друг помог ему.

– Ничего себе, наверно, целый пуд будет! – взвешивая его на своих руках, с распирающей гордостью в голосе, констатировал Степан.

Николай, глядя на часы, произнёс:

– Минут сорок мы его вываживали, но, как говорят, овчинка выделки стоит.

– Да, Николай, классную ты мне рыбалку устроил, отродясь, такой не видел.

– Собираемся, Степан, пора домой, похоже, скоро низовка начнётся, неприятный такой ветер в здешних местах называется, так что пора сматывать удочки и в прямом, и переносном смысле.

– Да нам и без ветра пора уже закругляться, нам бы этот улов до дому донести, килограммов сорок пять, а то и все пятьдесят, наверно, будет. А дорога не близкая.

Сложив снасти и разложив рыбу по двум мешкам, извлечённым из сумки запасливым Николаем, друзья перекусили на дорожку и отправились в обратный путь.

Когда прошли около половины пути, подул северный, неприятно холодный ветер. Скорость его быстро росла, на озере началось слабое волнение, постепенно увеличивалась высота и крутизна волн. Когда друзья поднялись наверх, поверхность воды в озере уже приняла грозный вид, вскипали барашки на гребнях волн, которые разбивались о прибрежные скалы.

– Надо же, как быстро всё изменилось, совсем недавно была такая благодать, а тут гляди, что делается! Кто бы мог совсем недавно о таком подумать? – с удивлением произнёс Степан.

– Я же тебе говорил, что ничего хорошего от низовки ждать не приходится, она разом погоду меняет.

***

Добравшись, наконец-то, до дома, рыбаки с облегчением сложили мешки с уловом в прихожей и прошли в переднюю комнату. Радостный малыш кинулся навстречу отцу. За столом сидела женщина лет тридцати, перед ней лежала раскрытая детская книга с иллюстрациями. Приход друзей, скорее всего, прервал увлекательное её чтение и рассмотрение картинок.

– Добрый день, Татьяна, – поприветствовал Николай. – Мы вот с моим фронтовым товарищем Степаном с утра на рыбалке были. Кстати, в сенях рыба в мешках, ты с ней разберись, пожалуйста. Сделай милость, пожарь сейчас нам немного, а то с устатку и свежего воздуха проголодались. С нами за одним свежей рыбки откушаешь, да и Колька её уважает.

– Давайте я вам сначала щей поставлю, недавно только приготовила, ещё остыть не успели, а там, глядишь, и рыбка подоспеет.

– И то верно, не откажемся. Как ты, Степан, думаешь?

– А что тут думать, с превеликим удовольствием.

Пока они приводили себя в порядок после рыбалки, Татьяна накрыла стол и обратилась к малышу:

– Пойдем, Коленька, посмотрим, что там за рыбку твой папа поймал.

– Пойдём посмотрим, тёть Тань, – согласился мальчик, и они вместе пошли к выходу.

Ну что, Николай, думаю не грех отметить нашу удачную рыбалку, как думаешь?» – промолвил Степан после их ухода, вытаскивая из заветной балетки очередную бутылку коньяка.

Друзья, не торопясь, за разговором управились со щами, Татьяна поставила на стол большое блюдо с аппетитно зажаренной рыбой, заправленной пассированным луком. Прибежал Коля, резво забрался на скамейку у стола и, с восторгом рассказывая про огромную зубастую рыбину, с завидным аппетитом уплетал свою порцию. Вскоре, управившись с хлопотами, ко всем присоединилась и женщина.

– Татьяна, ты себе свежей рыбки домой отбери, не стесняйся, а из той, что останется, часть, наверно, в погребок на ледник положи, а остальную засоли да завяль потом, – распорядился хозяин.

– Хорошо, рыбы вы сегодня прилично наловили, а из тайменя балычок сделаю, знатный получится, – ответила та.

– Ну, вот и договорились, Степану в дорогу рыбки жареной будет, да и часть балыка надо дать, пусть дома похвастается. В Барнауле-то, небось, такой рыбки и нет? – обратился он уже к Степану.

– Побалую я знакомых балычком! – отозвался тот.

За разговорами да под коньячок обед затянулся. Друзья расслабились, незаметно навалилась накопившаяся усталость.

Понедельник прошёл в хлопотах на работе. Вечером друзья за ужином ещё раз переговорили о житейских проблемах, уточнили свои действия по возможному переезду Николая с семьёй в Барнаул. Утром Степан уехал.

***

Прошло недели полторы. Забежав однажды в контору, Николай получил в канцелярии заказное письмо, пришедшее из Барнаула на его имя. Вскрыв, он обнаружил в конверте приглашение на работу в строительный трест на должность прораба, при этом, гарантировали предоставление жилья для семьи. Начались хлопоты, связанные с урегулированием вопросов по увольнению с места работы и предстоящим отъездом.

Недели через три Николай, договорившись с руководством леспромхоза о выделении для переезда полуторки, погрузив в неё нехитрый домашний скарб, поехал вместе со старшим сыном в районную больницу, откуда супругу с младшим сыном к его приезду должны были выписать. От Артыбаша до Турочака дорога почти все время бежала вдоль берега реки Бии. С нее хорошо были видны время от времени появлявшиеся бурлящие пороги на реке. Часа через два машина уже подъезжала к районному центру. Турочак расположился в живописной местности, на высоком берегу Бии, в окружении соснового бора. В тёплый летний день, воздух, настоянный на сосновой хвое, приятно кружил голову. Наконец, полуторка остановилась у здания районной больницы.

Минут через сорок, уладив все формальности по выписке жены с сыном из стационара, Николай усадил супругу с младшим сыном в кабину, сам со старшим сыном разместился в кузове на мягких узлах, и машина тронулась в дальний путь. Километрах в десяти от Турочака дорога пересекла небольшую речку Лебедь, вскоре за ней огромная скала прижала дорогу к самому руслу Бии. Отвесная стена этой скалы уходила ввысь метров на восемьдесят. В центре скалы был высечен огромный барельеф В. И. Ленина – достопримечательность здешних мест, который в простонародье прозвали почему-то иконостасом. Вскоре за ближайшим селом машина достигла перевала Ажи. С его высоты на востоке перед взором открылись выходы скал, которые чем-то ассоциировались со знаменитыми красноярскими столбами. Внизу во всей красе раскинулась многоводная голубая Бия, со своими многочисленными протоками и старицами. С перевала дорога устремилась вниз. Спустившись с него, машина покатилась по дороге, которая достаточно долгое время бежала в основном по сосновому бору, временами она вдруг прорывалась к берегу Бии. Наконец, спустя несколько часов пути, после однообразного дикого пейзажа, показалось селение Сайдып. По преданию, ещё лет двести назад здесь стоял русский форпост. До Бийска оставалось ещё более сотни километров. Отъехав недалеко от селения, остановились отдохнуть от дороги и перекусить. Облюбовав подходящее место на небольшой полянке у опушки соснового леса, расположились на отдых. Расстелив грубую домотканую скатерть, Катя, не спеша, разложила на ней заранее припасённую в дорогу нехитрую снедь. Старший сын, тем временем, осваивал окружающую местность и с увлечением ловил кузнечиков. Водитель – мужчина средних лет деловито осматривал машину. Обойдя вокруг, постучал ногой по скатам, затем открыл капот, осмотрел двигатель. Оставшись довольным результатами осмотра, деловито крякнул, достал из кармана кисет и, присев рядом с Николаем, задымил самокруткой. Через некоторое время Катя позвала всех к импровизированному столу, а сама занялась малышом.

Подкрепившись, после непродолжительного отдыха путешественники отправились дальше. Местность, прилегающая к дороге, разнообразилась. Дорога бежала то степью, то лесами, порой гигантские выходы скал прижимали ее к самому берегу Бии. Чаще стали попадаться селения. На выезде одного из них недалеко от дороги возвышался памятник на братской могиле времён гражданской войны. Сразу за селом дорога, как по волнам, устремилась

по всхолмлённой степи. За следующим селом она снова вошла в сосновый бор, густо поросший травами и подлеском из кустарников. Затем дорога в основном побежала правым берегом Бии. Вокруг виднелись поля золотистой пшеницы, местами зеленели березовые колки. Это раскинулись просторы Бийско-Чумышской лесостепи.

К вечеру, изрядно утомлённые дорогой, путешественники, наконец, приехали в Бийск и решили здесь переночевать. Вскоре они уже расположились в небольшом доме гостеприимных хозяев. Поужинав вместе с ними и недолго побеседовав на житейские темы, легли спать.

***

Утром, посвежевшие после ночного отдыха, сытно позавтракав и поблагодарив хозяев за гостеприимство, путники отправились дальше. Проехали Бийск, который уютно расположился в широкой живописной долине нижнего течения Бии. Город остался далеко позади, рельеф местности сильно изменился. На слабовсхолмленной равнине раскинулись бескрайние поля с перемежением берёзовых колок и сосновых рощиц. Попадались небольшие речушки, нередко встречались болотистые места. Так почти на протяжении всего пути до Барнаула. Ближе к нему по обе стороны дороги всё чаще стали появляться старицы и лиманы обской поймы. В одном из живописных мест, на берегу небольшого озера решили остановиться, передохнуть и перекусить. Пока Катя хлопотала со съестными припасами, а водитель осматривал машину, Николай со старшим сыном прогуливались по берегу озера. Стоял полуденный зной, встречавшиеся у кромки воды рыбаки сосредоточенно наблюдали за поплавками, как будто пытались загипнотизировать их, но тщетно. Поплавки не шевелились, клёва не было. Внимание Николая привлекла группа подростков, которые неторопливо что-то вытягивали из воды за капроновые шнуры. Он остановился и с любопытством стал наблюдать за ними. Один за другим мальчишки вытягивали из воды обыкновенные трёхлитровые стеклянные банки, в каждой из них было полно какой-то, мелкой рыбёшки. Николай подошёл ближе, подростки, тем временем, вытряхивали содержимое из банок, горловины которых были перекрыты обыкновенной материей, прорезанной посередине.

– Зачем это вы мальков-то ловите? – обратился он к ним.

– Вы что, дядя, какие же это мальки? Гольяны не бывают большими, – со смехом ответили те.

Вытряхнув из банок содержимое, ребята покидали в банки куски хлеба и каши, выпавшие из них вместе рыбой, наполнили банки водой и закинули их опять в озеро. Через некоторое время они снова вытащили их, уже наполненные рыбой. Николай ещё некоторое время понаблюдал за этим нехитрым процессом, который и рыбалкой-то назвать язык не поворачивался, и повернул назад к машине.

Подкрепившись и немного отдохнув, заняв уже привычные места в машине, путешественники отправились дальше. Через полчаса машина въехала на мост через Обь, по ту сторону которого начинался уже город Барнаул. По его улицам они плутали достаточно долго, временами останавливались, расспрашивали у прохожих и подвернувшихся водителей дальнейший свой маршрут к стройтресту. Наконец, часам к двум дня машина остановилась у ворот огороженной площадки, на территории которой были сосредоточены обшарпанные деревянные вагончики и небольшие бараки. На отдельной площадке сиротливо ютилась строительная техника.

***

Оставив остальных в машине, Николай отправился на поиски конторы треста. Впрочем, искать её долго не пришлось, минут через пять он уже входил в деревянный барак, в котором

размещалась контора. Уверенно открыв дверь с надписью на табличке – Приёмная, Николай вошёл в небольшое помещение. Слева по ходу, у окна за небольшим конторским столом сидела средних лет женщина, по всей вероятности, секретарь. Она, сосредоточено и ловко манипулируя пальцами, что-то печатала на пишущей машинке. Услышав скрип двери, не отрываясь от своего занятия и даже не повернув голову в сторону входящего посетителя, бросила дежурную реплику:

– Николай Иванович занят.

Посетитель от неожиданности растерялся, но, быстро овладев собой, подошёл к столу, поздоровался, достал приглашение и протянул его женщине со словами:

– Извините, доложите, пожалуйста, обо мне Николаю Ивановичу.

Секретарь, прекратив печатать, подняла голову, запоздало ответив на приветствие, бегло прочитала переданное приглашение и обратилась к посетителю:

– Подождите, присядьте, пожалуйста.

Затем стала из-за стола, повернулась к висящему рядом на стене небольшому зеркалу, привычными движениями поправила не существующие огрехи в причёске и верхней части одежды, постучала в дверь начальника, выждав пару секунд, открыла её и изящно проскользнула в кабинет. Минуты через две она вернулась и со словами:

– Пройдите, пожалуйста, – и вернулась на своё привычное место.

– Спасибо, – поблагодарил Николай Дмитриевич и, открыв дверь, вошёл в кабинет.

В просторном помещении, напротив входа у противоположной стены, за внушительным конторским столом сидел мужчина средних лет, крепкого телосложения, с массивными очками на переносице. К его столу, образуя букву «Т», был приставлен длинный стол для совещаний с жёсткими деревянными стульями по обе его стороны. У продольных стен стояли длинные скамьи. За приставным столом, обложившись бумагами, какими-то чертежами и схемами, сидел мужчина лет двадцати пяти. Увидев вошедшего посетителя, управляющий стал из-за стола, поздоровался с ним, протянув для рукопожатия руку. Жестом пригласил его за стол, напротив молодого человека. Сам, не присаживаясь, мельком бросив короткий взгляд на лежавшее на его столе приглашение, спросил:

– Когда прибыли, Николай Дмитриевич, как доехали?

– Только что, машина у ворот стоит. Добрались нормально, без приключений. Устали, правда, с дороги, я имею в виду супругу и детей, – уточнил Николай.

– Да-да, конечно. Опять же дети. Мы сейчас попросим… Да, кстати, познакомьтесь, – спохватившись, управляющий указал в сторону сидевшего молодого человека, – Андрей Николаевич – прораб седьмого участка, так сказать, ваш будущий коллега. Вам, Николай Дмитриевич, предстоит трудиться на втором участке, – и, обращаясь уже к Андрею Николаевичу, сделал поручение: – Мы попозже с вами продолжим, а сейчас отправляйтесь вместе с Николаем Дмитриевичем на двадцать третий дом. Подберите подходящую комнату и отдайте от неё ключи новосёлам. Да, ещё выделите пару рабочих, пусть помогут им разгрузиться. Как освободитесь, сразу ко мне. А вам, Николай Дмитриевич, даю пару дней на обустройство, и давайте оформляйтесь, чтобы, без промедления, приняли участок и за работу. Всё, более не задерживаю, до встречи.

***

Николай с сопровождающим его Андреем вышли из конторы. Тот предложил: «Пойдёмте к вашей машине, Николай Дмитриевич, нам недалеко проехать надо, там всё и решим». Когда они подошли к автомобилю, сопровождающий объяснил водителю, как проехать до места. Вскоре машина остановилась во дворе, который находился в окружении нескольких домов в разной степени строительной готовности. Один из них выглядел вполне законченным, если

не считать ещё не убранный строительный мусор около него и практически полное отсутствие благоустройства, в том числе в части подъездной дороги и тротуаров.

Спустившись на землю, Андрей и Николай направились к дому. В дверях они столкнулись с пожилым мужчиной – сторожем, вышедшим на шум подъехавшей машины. Судя по завязавшемуся разговору, Николай понял, что Андрей с ним знаком. Втроём они, не теряя времени, вошли в дом, за входной дверью попали в небольшой тамбур. За второй дверью, слева от неё находилась ниша деревянного марша лестницы, убегающей на второй этаж. Сделав несколько шагов вперёд и поднявшись на три ступеньки выше, они оказались в просторном вестибюле с бетонным полом, тускло отсвечивающим матовым отливом. На противоположной стороне вестибюля по его краям находилось два окна, а между ними ещё одна дверь с выходом на противоположную сторону дома. Слева и справа от вестибюля, примыкая к убегающим коридорам с многочисленными дверями по обе стороны, находились небольшие площадки с парой противостоящих помещений. В одно из них, оказавшееся временным пристанищем сторожа, и вошли все трое. Охранник извлёк из ящика стола связку ключей и вручил их прорабу, вместе с Николаем они пошли выбирать подходящее жилое помещение. «В принципе, комнаты здесь почти все одинаковые, но некоторые отличаются, их я и предлагаю посмотреть в первую очередь, – обратился к новосёлу Андрей. – В одной из таких мы уже побывали, их всего восемь, по четыре на первом и втором этажах, одна из тех, что на первом, оборудована под общедомовую кухню. Думаю, что они вам не подойдут по двум причинам. Во-первых, они несколько меньше. Во-вторых, скорее всего, в них будет достаточно шумно, так как в вестибюле, наверняка, постоянно будет резвиться детвора, а в-третьих, зимой будет прохладнее, чем в тех, которые находятся по обе стороны коридоров. Пройдёмте теперь на второй этаж».

Поднявшись по ступеням двух пролётов лестницы, они попали в вестибюль с деревянными полами, который оказался значительно меньшим по площади, чем на первом этаже, из-за дополнительного жилого помещения. Оно было меньше других, но в то же время и единственной в доме комнатой, которая имела балкон. Причем, он был весьма просторный, в форме полукруга, по внешнему периметру обрамлённый цилиндрическими каменными колоннами с перекрытием сверху. Нижняя часть колонн опускалась на парадное крыльцо выхода из дома. Осмотрев комнату с балконом, они спустились вниз. Жилые помещения, расположенные по обе стороны коридора, имели, как и на верхнем этаже, площадь порядка двадцати квадратных метров каждая, с одним окном напротив входной двери. Исключение составляли две комнаты, по одной в конце каждого коридора со стороны парадного подъезда. Площадь составляла порядка двадцати пяти квадратных метров с двумя окнами по торцевой стороне дома. В конце концов, одну из таких комнат на первом этаже Николай и выбрал. Пока он показывал супруге выбранное жильё, прораб привёл из соседнего, строящегося ещё дома двух рабочих в помощь новосёлам и, попрощавшись, отправился в контору.

***

Прошло два месяца, тёплые летние дни остались лишь в воспоминаниях. Всё реже баловали солнечные лучи, которым уже было не под силу пробиться сквозь сплошные хмурые облака и тучи, серой пеленой затянувшие весь небосвод. Зарядили нудные холодные дожди. Наступила осень – самая тоскливая пора. В районе новостройки, где жила семья Снегирёвых, хронически стояла теперь непролазная грязь, преодолеть которую было проблематично даже в резиновых сапогах, ставших повседневным атрибутом. Серые будни ещё больше омрачали болезни, следовавшие чередом, они изводили и без того подорванное, хрупкое здоровье Димы. К тому же, обострились рецидивы диспепсии, казалось ушедшей, было, в прошлое. В ноябре его с мамой положили в городскую больницу. Лечение затянулось на долгие месяцы.

***

Отдождила слякотная осень, отступила зима с трескучими морозами и колючими метелями, схлынула бурными половодьями весна, наступило долгожданное лето.

Николай разрывался между работой и необходимостью, в отсутствии жены, постоянной заботы о старшем сыне. От неустроенности семейного быта он всё чаще и больше стал прикладываться к спиртному. В один из таких дней он, однажды остро ощутив приступ тоски, написал и отправил письмо в Москву своей первой супруге. В нём извещал о навалившихся на него семейных проблемах, упомянул и о том, что сильно соскучился по своему первенцу, в общем, что называется, излил всё, что накопилось у него на душе.

Прошло больше месяца. Николай Дмитриевич уже и забыл про отправленную весточку, как однажды вечером почтальон вручил ему телеграмму из Москвы от Шуры. В телеграмме она сообщала, что приезжает с сыном в Барнаул поездом, просила встретить. Бывший её муж от неожиданной новости разволновался, на лбу выступила испарина, мысли путались. Он ещё раз прочитал телеграмму, задумался. Мысленно рассудил, что встречать надо в любом случае, а там будет видно.

В день, обозначенный в телеграмме, Николай Дмитриевич приехал на железнодорожный вокзал встречать Шуру со Славкой. Мысленно он пытался представить их себе. Сыну было уже одиннадцать лет, последний раз он его видел, когда тому не было ещё и пяти, да и супругу бывшую он не видел более шести лет, узнает ли он их. Его охватило необычное возбуждение, он нервно ходил по перрону из стороны в сторону. Неожиданно прозвучал металлический голос железнодорожного диспетчера: «На второй путь прибывает пассажирский поезд Москва – Барнаул, нумерация вагонов начинается с головы поезда…» Николай поспешил на платформу, ко второму пути. Раздался пронзительный гудок, и вскоре мимо него, скрепя тормозными колодками, замедляясь, стали пробегать вагоны поезда. Наконец, состав остановился, проводники стали один за другим открывать двери, опускать ступени и, стоя на платформе, выпускать из вагонов пассажиров. Николай остановился у седьмого вагона, из него должны были выйти Шура с сыном. От волнения, в ожидании встречи, сердце бешено заколотилось, казалось, что оно стремится выскочить из груди. Минуты тянулись, казалось, бесконечно.

Она появилась в проёме двери вагона неожиданно, он узнал её сразу, несмотря на то, что бывшая супруга заметно погрузнела да и повзрослела, превратившись в степенную московскую даму. Весь облик и фасон одежды заметно выделяли её среди других, провинциальных женщин. Николай, окликнув её, поспешил к ней на помощь. Приняв из женских рук два довольно больших и увесистых чемодана, уже опуская их на платформу, он вдруг увидел, как из-под руки матери по ступеням подножки вагона резво прошмыгнул долговязый подросток с чёрными кудряшками на голове. «Вот вымахал!» – промелькнуло в голове отца. Помог Шуре спуститься на платформу. «Здравствуйте, с приездом, – поприветствовал Николай, потрепав сына за шевелюру, – Ну что, поехали до дому? Там наговоримся ещё», – подхватил чемоданы и направился в сторону привокзальной площади, к автобусной остановке. Мать с сыном последовали за ним.

По пути следования, прикупив в продовольственном магазине продукты, уже через час после прибытия поезда они входили в дом. Прошли по коридору, хозяин, открыв дверь в комнату, пропустил вперёд Шуру с сыном. Та окинула взором помещение. Комната была разделена на две половины лёгкой самодельной перегородкой. Её каркас из тонких брусьев, окрашенных белой краской был перетянут белой хлопчатобумажной тканью, посередине каркаса оставлен проём для прохода. Слева, задней стороной вплотную к перегородке стоял самодельный, но очень добротно и красиво сработанный из дерева, покрытый светлым лаком сервант. Верхняя его часть по бокам была забрана полукругом гранёных полос из стекла. Рядом с сервантом

стоял обеденный стол, с приставленными вплотную к нему табуретами. В левом ближнем углу разместился тумбовый умывальник с раковиной. Следом за ним, на небольшой лавке, приставленной к стене, разместились керогаз и ведро с водой. Справа от входной двери, вдоль стены, дальней спинкой вплотную к перегородке стояла металлическая кровать. Перед ней расположился громоздкий деревянный комод, накрытый цветастой тканью. В ближнем правом углу на стене разместилась вешалка с рядом крючков для верхней одежды и полкой для головных уборов. В дальней половине комнаты, задней стенкой к серванту, стоял самодельный платяной шкаф из дерева. За ним виднелась часть круглого стола, покрытого светлой скатертью. Справа вдоль стены, вплотную к перегородке разместилась двуспальная кровать. В дальнем правом углу стояла ажурная, выше человеческого роста, этажерка с книгами. Над ней висел репродуктор – «тарелка» чёрного цвета. За дальним столом, забравшись коленями на табурет и облокотившись, что-то увлеченно рисовал на листе бумаги мальчик. Оглянувшись на шум входящих людей, он резво спрыгнул со стула, подбежал к отцу и, прижавшись к его ноге, противоположной от пришедших с ним незнакомых людей, вопросительно переводил взгляд с него на гостей.

– Это твой брат Слава, а это тётя Шура, его мама, – поспешил удовлетворить его любопытство отец.

– Неправда, это вовсе не мой брат! Мой братик Дима в больнице с мамой, – с абсолютным убеждением в голосе возразил тот.

Шура улыбнулась, присела к нему и спросила:

– Как тебя зовут?

– Николай младший, – немножко напыжившись, ответил тот.

– Ну, тогда, Николай младший, держи и расти большой! – с пафосом, подражая малышу, произнесла гостья, протянув ему батончик гематогена.

– Спасибо, – опустив длинные ресницы и зажав в ладони подарок, поблагодарил тот.

– Мама, я кушать хочу, – вдруг вклинился в разговор Слава.

– Потерпи немножко, – с укоризной взглянув на сына, ответила мать. – Вот сейчас разберёмся немного и покушаем все вместе.

– Слава, – предложил отец, – давай-ка с братиком на улице погуляйте немного, а мы тут с мамой пока придумаем что-нибудь и кликнем вас. Идёт?

– Погуляем! – запрыгал в восторге Коля, истомившийся за день сидеть взаперти.

– Ну ладно, погуляем, – без энтузиазма согласился Слава.

Когда братья вышли из комнаты, Шура, выкладывая продукты из сумки предложила:

– Приготовлю сейчас чего-нибудь горячего и пообедаем. Ты, Николай, пока воду в кастрюльке поставь вскипятить. Где тут у вас готовят-то?

– Вот здесь и готовим на керогазе. Вообще-то, в доме есть общая кухня, там плита, но не очень удобно. Если никто сейчас не готовит, то надо сначала печь затопить. Вот так и живём, – ответил Николай и, не теряя времени, разжёг керогаз.

Пока готовился обед, завязался разговор о том, как жили после развода. Из которого Николай узнал, что отец Шуры с войны так и не вернулся, долго о нём не было никакой информации и только в 1949 году пришло официальное извещение, о том, что он погиб в мае 1945 года под Прагой. Все эти годы Шура жила с сыном и своей матерью. Получив письмо от бывшего мужа, она, прочитав его, долго плакала, вспоминая совместно прожитые годы и нелепый, как теперь уже казалось, развод. Терзаясь, всё сомневалась и в один из таких дней решила приехать, прояснить ситуацию на месте. Сын, к тому же, замучил своими вопросами о папе.

Нагулявшись, вернулись дети. Шура накрыла стол и все, наконец-то, поели. После сытного обеда дети вновь убежали на улицу, взрослые остались вдвоём и продолжили разговор.

– Ну что, Коля, – промолвила Шура, – разговор, конечно, непростой, но нам необходимо серьёзно всё обсудить, принять какое-то решение. Принимать его, прежде всего, тебе.

– Обсуждать-то есть чего, а вот принимать какое-то решение пока не готов. Я вообще-то не предполагал, что ты вдруг вот так возьмёшь и объявишься. Как-то всё неожиданно, согласись. Договоримся таким образом, вы пока у меня поживёте. Осмотримся, что ли, а уже потом всё равно решать придётся.

– Может быть, ты и прав, давай так и сделаем. Кстати, давай сразу договоримся – как ночевать-то будем?

– А что тут договариваться? Две кровати есть. На одной я с Колькой, на другой ты со Славкой.

– Мне кажется, что лучше будет, если сразу дети будут спать на одной, а мы с тобой – на другой. Не чужие мы, в конце концов, а то потом переиначивать неловко будет, а, скорее всего, придётся.

– У меня возражений нет, – согласился он.

– Вот и хорошо. Значит, определились, – с удовлетворением подвела итог Шура.

***

Вечером улеглись спать, как договорились. Дети долго о чем-то шептались, наконец, угомонились. Николай от близости горячего женского тела чувствовал себя несколько напряжённо. Желание предательски охватывало его. Чтобы как-то охладить его, он повернулся лицом к стене и потихоньку засопел, притворившись заснувшим. Томительно тянулось время, сон не приходил. Николай кожей чувствовал, Шура тоже не спит, что было вполне естественно. Внутренний голос издевательски подтрунивал над ним в сложившейся ситуации. Не выдержав, он перевернулся на другой бок. Сквозь тонкую ткань женской ночной рубашки передавалось тепло притягательного тела. Неожиданно на руку осторожно легла ладонь её руки, пальцы переплелись. Вскоре он почувствовал у лица томное женское дыхание и уже больше не пытался совладать с собой. Кровать предательски заскрипела. «Тише, ты, дети услышат», – с беспокойством прошептала Шура. Николай буркнул ей на ухо что-то невнятное, проклиная в душе и скрипучую кровать, и стеснённые условия, однако, чувствуя необыкновенный прилив сил, он и не помышлял умерить пыл охватившей его страсти…

Интимная ночная разрядка восстановила душевное равновесие бывших супругов. Последующие дни потекли своим чередом, истосковавшиеся по теплу и ласке, они уже, без стеснения, по ночам предавались любовным утехам. Дети вскоре свыклись с новыми обстоятельствами их жизни, женская повседневная забота сказалась и на взаимоотношениях Коли с тётей Шурой.

***

Незаметно прошёл почти месяц. Как-то, придя из больницы после очередного посещения жены с младшим сыном, Николай завёл с Шурой прерванный ранее разговор о дальнейших их взаимоотношениях.

– Катю, в связи с достижением сыном установленного возраста, скоро выписывают из больницы. Пора мне определяться. Я принял решение и возвращаюсь к тебе. Колю забираю с собой, сама понимаешь, что Катя двоих одна не вытянет. Жить будем в Барнауле, жильё для нас я на работе пробью. Если тебя такой вариант устраивает, завтра же буду решать вопрос с жилплощадью.

– Я согласна! – решительно, даже не взяв паузу на обдумывание предложения, ответила она.

Несмотря на заботы, свалившиеся на голову по обустройству нового семейного очага, Николай почувствовал облегчение. Решение было принято, и он теперь уже знал, что необ-

ходимо делать. На работе ему предложили полуподвальное помещение в двухэтажном доме, находившемся в соседнем квартале. Эта комната до того использовалась в качестве подсобного помещения для хранения материальных ценностей.

Уже через неделю Николай получил ключи от предложенной ему комнаты, и вместе с Шурой отправились её смотреть.

Выделенное помещение имело отдельный вход, находящийся с противоположной стороны дома с общим подъездом. Недалеко от входа, на расстоянии метров полутора друг от друга, в лучах яркого летнего солнца поблёскивали стёкла двух окон. Они наполовину уходили ниже уровня отмостки, в приоконные небольшие приямки, забранные, как и сами окна, металлическими решётками. Николай открыл входную металлическую дверь, по каменным ступеням они вместе спустились в небольшой, но достаточно просторный тамбур. С правой его стороны находилась ещё одна, но уже стандартная деревянная дверь. Открыв её, они вошли в просторную, метров шесть в длину и четыре шириной, комнату с дощатыми свежеокрашенными полами, стены и потолок были побелены известью, с едва уловимым голубоватым оттенком.

– Ну, как тебе наше гнёздышко? – обратился он к своей спутнице.

– Немного мрачновато, конечно, но, в общем, достаточно уютно. Главное, что вход отдельный, тихо, никто не мешает, – ответила она и с благодарностью поцеловала его.

***

Через две недели Катю выписали из больницы, Диме теперь уже в одиночестве предстояло ещё долгие месяцы проходить курс лечения до полного выздоровления.

Вернувшись домой из больницы, она почувствовала себя неуютно. С одной стороны, в комнате было всё аккуратно прибрано, чисто. С другой стороны, это было не совсем понятно, всё-таки долгое время здесь жили без хозяйки мужчина с ребёнком. Не было дома и старшего сына, непонятно, где он мог быть, если отец ещё на работе. Катя присела на край кровати и на некоторое время задумалась. Так ничего и не придумав, она решила приготовить ужин, время уже близилось к концу рабочего дня. Открыла одну за другой кастрюли, все они были тщательно вымыты и даже совсем сухие, как впрочем, и сковородка, и все тарелки. Выдвинув ящик серванта, поверх ложек и вилок она обнаружила небольшую пачку денег. Никаких продуктов, кроме соли и сахара, в доме не было. Это уже совсем озадачило хозяйку, возникло ещё до конца непонятное, но неприятное предчувствие, она опять задумалась. В конце концов, решила времени на бесплодные раздумья зря не терять, а сходить в магазин за продуктами, благо, что хоть деньги были. Ближайшие магазины находились в соседнем квартале, куда она и направилась.

Возвращаясь с покупками, она вдруг увидела, что навстречу ей быстро приближается муж, явно не замечая её. Катя остановилась, опустила на тротуар увесистые сумки и окликнула его. Он резко остановился, не дойдя до неё метров десять, увидел, затем торопливо подошёл и подхватил стоявшие на тротуаре сумки.

– Тебя уже выписали? – не давая ей опомниться, спросил он.

– А что же я здесь делаю? – вопросом на вопрос ответила та с недоумением и продолжила. – А ты, куда спешишь?

– Я … – на мгновение замешкался он, но, быстро совладав с растерянностью, продолжил невозмутимым голосом, – домой.

– Странно, дом, вроде, в противоположной стороне, что-то ты не договариваешь. Кстати, где сын?

Явно смущённый вопросом, Николай торопливо произнёс:

– Ладно, что мы тут стоим? Пойдём домой, там и поговорим, – не дожидаясь ответа, развернулся в противоположную сторону и, ссутулившись, быстро зашагал.

Супруге ничего не оставалось делать, как пойти следом. Когда вошли в комнату, она снова спросила:

– Где же всё-таки Коля?

– Ну, как тебе это сказать … – начал, было, говорить муж.

– Что значит, как сказать? – перебила жена с явным недоумением, и переспросила настойчиво, уже заметно волнуясь: – Ответь мне, в конце-то концов, где сын?

– У Шуры…

– У какого Шуры, и что он у него делает?

– Подожди, успокойся. Сейчас всё по порядку объясню, – и, выдержав небольшую паузу, продолжил решительно. – Значит так, Катя, всё сильно изменилось, я вернулся к своей первой жене…

– Постой, – перебила его Катя, тряхнув головой и разведя руки в стороны ладонями вниз, – ничего не понимаю. Как вернулся, куда вернулся, кто вернулся? Насколько я знаю, она живёт в Москве, так?

– Так. Тьфу, ты… нет, не так, вернее, не совсем так…

– Что ты мне голову морочишь? Так не так. Говори толком и конкретно, – ничего не понимая и почувствовав тяжёлую усталость, внезапно свалившуюся на неё, она медленно присела на край кровати, зажав ладонями свою голову. Затем попыталась заглянуть мужу в глаза.

Он избегал её взгляда, лоб покрылся испариной. Попытавшись сосредоточиться, продолжил:

– Она приехала в Барнаул с нашим … – немного замешкавшись, поправился, – ну, нашим с ней сыном – Славкой. Они здесь уже полтора месяца. Ты уже скоро почти год, как в больнице. Мне очень тяжело, я устал так жить. Вот и решил, что нам нужно расстаться. Конечно, буду помогать, Колю заберу с собой, вернее, уже забрал.

– Так, кажется, начинает проясняться. Ты бедный замучался, устал, а мне легко, по курортам разъезжаю! В опостылевшей больнице с ребенком ночей не сплю, глаза все выплакала. А ты, тем временем, вызвал эту стерву, пригрелся под её бочком на нашей постели. Расслабился кобель, спасибо за заботу! Сына он, видите ли, забрал, а ты о детях подумал? Я уже про себя не говорю и так всё понятно. Колю тебе не отдам, как-нибудь прокормимся, чтобы сегодня же его привёл! Кстати, где же вы все жить собираетесь, в Москве, что ли?

– Нет, никуда мы не собираемся, здесь остаёмся. Не беспокойся, комнату эту со всем содержимым я оставляю тебе, а нам уже есть, где жить. Насчёт Кольки не горячись, подумай хорошо. Полагаю, если он уйдёт со мной, и ему, и тебе будет лучше. В конце концов, устроились мы совсем недалеко от этого дома, так что видеться с ним будешь часто, когда захочешь. А тебе всё-таки с одним ребёнком будет легче.

– Ой, спасибо, заботливый ты наш, пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву! Уматывай отсюда к своей сучке под юбку, коли с ней тебе краше и теплее! Глаза твои бесстыжие больше видеть не могу! Колю сегодня же приведи, а там видно будет.

Закончив свою гневную тираду, она стала с кровати и прошла в дальнюю половину, давая понять, что разговор между ними окончен. Николай немного потоптался на месте и вышел из комнаты, словно побитая собака. Всю дорогу до нового своего дома перед его мысленным взором, как бы, застыло гневное лицо Катерины. Её испепеляющие, абсолютно сухие глаза, из обычно светло-зелёных, превратившиеся в колючие, стального цвета, преследовали до самого порога его нового дома.

***

Первые две недели после того, как маму выписали из больницы, Дима очень скучал по ней. Но вскоре его перевели в палату, где находились на излечении подростки, которые были, в большинстве своём, значительно старше его. Большие, светлые, но всегда грустные глаза малыша, невольно вызывали у них сочувствие, постепенно они окружили его вниманием и заботой. Мастерили из, как правило, обыкновенных газет, различные поделки: кораблики, гармошки, пилотки и тюбетейки, другие незамысловатые игрушки. Они постоянно обновлялись и заполняли его прикроватную тумбочку. Конечно же, и мама не забывала и не упускала удобного случая навестить его.

В однообразной больничной атмосфере пролетело ещё несколько месяцев, прошло полгода. Наконец, после долгой зимы наступила весна. Всё сильнее пригревало солнце.

В один из тёплых солнечных дней Диму навестил папа. Выйдя к отцу в больничной пижаме и тапочках, он увидел, что папа пришёл не один. Вместе с ним было ещё трое. В младшем, из стоящих рядом подростков, он признал своего брата, хотя давно уже не видел его, но смутно помнил. Второго – долговязого с чёрной кудрявой шевелюрой, как у папы, он никогда до этого не видел, как и полноватую, с добрыми, тёплыми глазами женщину.

Подняв сына на руки, отец поцеловал его и, опустив обратно на пол просторного больничного зала ожидания, стал знакомить Диму с пришедшими с ним.

«Это, – похлопав по плечу незнакомого ему подростка, – мой старший сын Слава, стало быть, твой брат». Дима, ничего не понимая, перевёл свой вопросительный взгляд с неожиданно приобретённого ещё одного брата на отца. «А это, – продолжил тот, положив свою руку на плечо женщины, стоявшую рядом, – его мама, зовут тётя Шура».

Та, тем временем, достав из своей белой кожаной сумочки шоколадку, присела и протянула её малышу, обращаясь к нему ласковым, слегка картавым голосом: «Возьми, Димочка, кушай на здоровье и быстрее поправляйся». Тот со смущением принял шоколадку, опустив глаза, сбивчиво поблагодарил. До детского сознания никак не могло дойти, как этот, неожиданно объявившийся брат мог быть одновременно сыном незнакомой ему тёти и его родного папы. Отец, прервав путаные мысли сына, взял его на руки и предложил всем прогуляться на улице. Они вышли во двор больницы, яркие лучи весеннего солнца на миг ослепили после умеренного освещения в помещении, ноздри слегка защекотало от свежего воздуха, настоянного ароматами цветения по-весеннему буйной растительности. Они, не торопясь, гуляли по цветущим аллеям. В основном молчаливую их прогулку иногда прерывали попытки тёти Шуры разговорить Диму, но разговор, как-то не завязывался. Задумчивый мальчик отвечал односложно, создавалось впечатление, что он был отвлечён от происходящего какими-то иными мыслями. Погуляв, они вернулись в здание больницы, посетители попрощались с Димой, пожелав ему скорого выздоровления, и, вручив при расставании бумажный пакет с фруктами, вышли из больницы.

***

Прошло ещё два месяца. Дима внешне сильно изменился в лучшую сторону. Он заметно поправился, на его пухлых щёчках заиграл здоровый румянец, а в глазах появился жизнерадостный блеск. Вскоре его выписали из больницы, порядком ему надоевшей за это долгое время.

Вот и наступил долгожданный день, мама пришла забирать его домой. Когда она стала надевать на него его любимый матросский костюмчик, выяснилось, что рукава оказались слишком тесными для его пополневших ручек, пришлось разрезать рукава. На ножках засвер-

кали ботиночки, приятно пахнущие новенькой кожей, и, в довершение, голову восторженного ребёнка украсила лихая бескозырка с якорями на лентах.

Мальчик с гордостью шёл рядом с мамой по улице под улыбающимися взглядами встречных прохожих, затем с удовольствием проехался в трамвае. Под его звенящие сигналы, он представлял и ощущал себя настоящим матросом на корабле. Вскоре мать с сыном добрались до дому.

Вечером в комнату решительно постучали. Когда Катерина открыла дверь, на пороге возникла фигура высокого мужчины, широко улыбающегося, в длинном светлом плаще и с небольшим чемоданчиком в руке.

– Здравствуй, Катя! – продолжая улыбаться, густым басом промолвил он.

Та, всплеснув руками, радостно воскликнула:

– Здравствуй, Борис! Какими судьбами? Столько лет, столько лет! – вдруг опомнившись, она продолжила. – Ой, что же это я держу тебя на пороге, проходи, раздевайся, – закрывая за ним дверь, засуетилась она. Приняв от него плащ, повесила на вешалку и пригласила нежданного гостя к столу: – Как раз вовремя пришёл, мы только собрались поужинать. Ты, Боря, гляжу, с дальней дороги. Наверно, устал, проголодался, – не давая ему вклиниться в разговор, беспрерывно тараторила она, собирая на стол. – Вот только извини, мяса сегодня нет, нам-то оно, вроде бы, и не очень нужно. Кто бы мог подумать, что ты, как снег на голову свалишься?

Воспользовавшись предлогом, Борис перебил её монолог:

– Как это, нет мяса? У нас всё с собой!

С этими словами он поставил на широкий обеденный стол свой небольшой чемоданчик, скромно стоявший до этого у стены, и, открыв его, достал два свертка. Один из них был довольно внушительных размеров, другой – поменьше. Не торопясь, развернул большой прямоугольный свёрток, в котором оказался добротный кусок солёного сала, перемежавшегося прослойками аппетитного мяса.

– Давай нарезай, не жалей, – распорядился он и подвинул сало ближе к Кате, которая быстро нарезала изрядное количество аккуратных, аппетитно пахнущих ломтиков, разложив их на мелкой, но широкой тарелке. – Налетай! – подмигнув мальчугану, уже пускающему слюну, весело скомандовал гость. Тот, не дожидаясь повторного приглашения, с упоением стал поглощать ломтики сала, приятно тающие во рту. – Вкусно? – глядя на ребёнка, увлечённого едой, поинтересовался Борис.

– Угу, – промычал тот, не переставая жевать.

– А всё сможешь съесть? – подзадоривая малыша, еле-еле сдерживая накатывающийся смех и делая серьёзное лицо, спросил он.

– Всё съем, – ответил малыш, кивая головой, попытался ещё что-то сказать и вдруг внезапно замер с полным ртом и испуганными глазами.

Через несколько мгновений из его раскрытого рта выпали не дожёванные ломтики сала, он закашлялся до слёз, пытаясь избавиться от застрявшей в горле пищи, но безрезультатно. Мать в испуге быстро подступилась к сыну и стала сначала осторожно, а затем уже и достаточно сильно хлопать своей ладонью по его спине. К счастью, эта неприятная процедура вскоре возымела своё воздействие, из раскрытого рта ребёнка, вылетел на стол ломтик сала, застрявший у него в горле. Мальчик расслабился и облегчённо вздохнул. Взрослые тоже вздохнули с облегчением. Дима, потеряв всякий интерес к салу, стал из-за стола, направился к стоявшей у противоположной стены кровати и, опустошённый только что пережитыми неприятностями, прилёг на неё. В наступившей разом тишине, Борис развернул, лежащий на столе, другой свёрток – кулёк, в котором находились свежие, иссиня-чёрные сливы, и тихо сказал, обращаясь к Кате: «Дай ему полакомиться». Та положила несколько слив на блюдце, поставила его на табурет

и направилась к сыну. Поставив табурет рядом с кроватью, у его изголовья, присела и, положив свою руку на плечико, отвернувшегося к стенке ребёнка, тихо промолвила:

– Детка, погляди, что дядя Боря тебе привёз.

Тот из любопытства повернулся к матери и увидел рядом на табурете диковинные, никогда ранее невиданные крупные ягоды в блюдце, протянул, было, к ним руку, но, несмотря на соблазн, убрал назад и, видимо, не отойдя ещё от испытанного недавно страха, буркнул:

– Я потом … – и снова отвернулся к стенке.

Мать, тяжело вздохнув, погладила его по голове и вернулась за стол.

– Сейчас, я ему подниму настроение, – заговорщически прошептал Борис, стал с места и направился кровати. Подойдя, он присел на её край и, наклонившись к ребёнку, таинственно спросил его: – А настоящий пистолет ты видел?

Дима, услышав магическое слово, резко повернулся к дяде и увидел у него в руке боевое оружие, только что вынутое им из-под пиджака. Пистолет отливал тускловатым вороненым цветом, Мальчик, с замирающим сердцем от предвкушения обладания таким сокровищем, протянул к нему руку. Борис вынул из пистолета обойму, передёрнул затвор, поднял оружие стволом вверх и на всякий случай нажал спусковой крючок. Раздался металлический щелчок, пистолет перекочевал в руки ребёнка. Тот внимательно разглядывал, гладил его и, подняв на дядю полные надежды глаза, тихо спросил:

– А ты мне подаришь его?

– Конечно, он уже твой, – великодушно ответил тот.

– Спасибо! – с восторгом поблагодарил Дима и тут же забрался с пистолетом под одеяло, накрылся с головой, пряча от посторонних взоров своё сокровище.

Он ещё долго под одеялом ощупывал и гладил оружие. До него долетали обрывки негромкого разговора между взрослыми, из которых он сделал вывод, что дядя Боря является маме близким родственником, что едет он по каким-то служебным делам, в Барнауле оказался проездом и решил заскочить к ней, чтобы проведать после столь долгих лет, которые они не виделись. О чём-то ещё они говорили, голоса становились всё отдалённее и отдалённее, малыш засыпал…

***

Утром, проснувшись и вынырнув из-под одеяла, Дима увидел, что мама хлопочет у обеденного стола. Комнату заливали лучи утреннего солнца, в которых она в лёгком домашнем халате, с ниспадавшими поверх него длинными светло-русыми волосами, казалась настоящей феей. Он невольно залюбовался, представшей перед ним сказочным видением, лицо озарилось неподдельной детской улыбкой. Вдруг что-то ёкнуло в груди, он вспомнил о подаренном вчера оружии, начал лихорадочно шарить под одеялом, заглянул под подушку, пистолета не было.

– Мама, а где дядя Боря? – упавшим голосом спросил Дима.

Та повернула голову на голос сына и, улыбнувшись, ответила:

– Детка, он уже уехал. Ты так сладко спал, что он не решился тебя разбудить, чтобы попрощаться.

– А пистолет …, он забрал его? – с грустью, почувствовав невосполнимую утрату, но ещё, цепляясь за ускользающую надежду, спросил расстроенный мальчуган.

– Детка, – с лёгкой укоризной начала мама и продолжила, – он не мог его оставить. Пистолет служебный, и, вообще, пойми сам – это не игрушка, а опасное оружие. Не обижайся и успокойся, я тебе куплю красивый, но безопасный пистолет или ружьё, или даже автомат. Хорошо, договорились?

Мальчик обречённо вздохнул, но, уже смирившись с невосполнимой утратой, торопливо заговорил:

– Только самый лучший пистолет! – мгновение подумал и добавил. – И автомат тоже.
Мама, улыбнувшись маленькой хитрости сына, пообещала:
– Хорошо, и пистолет, и автомат.

Глава 2

Шёл 1959 год. Далеко позади в прошлом остались годы сталинских репрессий. С лёгкой руки, а вернее, после знаменитого доклада на двадцатом съезде ЦК КПСС Первого секретаря – Никиты Хрущёва, вся страна, да что там страна – весь мир, несмотря на то, что доклад был секретным, прослышал о культе личности Сталина, приведшего к страшным репрессиям, в мясорубке которых были перемолоты судьбы и жизни многих миллионов людей.

Теперь страна купалась в лучах наступившей политической оттепели. Освобождались незаконно осужденные, им возвращались утерянные права. Население страны превысило довоенный уровень. Продовольственное снабжение в городах заметно улучшилось. Это стало возможным благодаря освоению целинных и залежных земель. Страна первой в мире вступила в космическую эру, запустив на орбиту искусственный спутник Земли, стала могучей ядерной державой. Жизнь налаживалась.

***

В детском саду стояла тишина. Дима, как и все дети, в этот тихий час отдыхал на раскладушке. Он не спал, лежал с открытыми глазами и время от времени, засунув руку под подушку, с внутренним восторгом поглаживал лежащий новенький ученический портфель из мягкой и гладкой на ощупь кожи, запах которой приятно щекотал ноздри. Подросток снова и снова переживал приятную церемонию проводов воспитанников детского сада в школу.

После торжественных речей заведующей детским садом – полной, всегда строгой женщины и нескольких воспитательниц – молодых, стройных и куда добрее заведующей, всем выпускникам вручили подарки. Это были чёрные блестящие портфели из кожи со школьными принадлежностями в них. Дима чувствовал себя счастливым обладателем такой красивой и, как ему казалось, безумно дорогой вещи. Лежал и представлял, как уже в этом году, первого сентября вместе со своей любимой и самой красивой в мире мамой, он в строгой школьной форме с железными блестящими пуговицами и с чёрным, новеньким портфелем в руке первый раз войдёт в школьный двор полноправным учеником. Затем переступит порог школы и, наконец, сядет за парту в классе, где ему предстоит учиться. А ещё он думал о том, что уже через неделю в последний раз поедет на всё лето на детсадовскую летнюю дачу, где привычно будет ловить на заветном дереве больших стрекоз – громовиков. Это дерево перед отъездом с дачи он великодушно передаст во владение кому-нибудь из пацанов, остающихся в детсаде. Вот, если бы его лучший друг Петька не уходил вместе с ним в школу, то, конечно же, это дерево он передал бы ему. Неожиданно его мысли прервал громкий голос вошедшей в комнату воспитательницы: «Дети, подъём, тихий час закончился!» Никто в это время уже не спал, все дружно и с радостью повыскакивали из раскладушек и, по установленному в старших группах порядку, стали убирать спальные места. Сначала аккуратно сняли с подушек белые наволочки, сложили простыни и отнесли на стол, стоявший у окна. Затем матрасы, одеяла и подушки поместили в боковую комнату, которую в обиходе называли боковушкой. После этого сложили раскладушки, которые также вскоре исчезли там же. После незатейливой перестановки спальня превратилась в большой игровой зал.

***

Сегодня была суббота, Дима очень любил этот день недели. Во-первых, по субботам мама забирала его домой и до понедельника заканчивалась ненавистная для него продлёнка,

то есть круглосуточное его пребывание в детском саду. Во-вторых, хоть один день в неделю он не будет видеть эту противную манную кашу и не менее противный кисель. А в-третьих, вместе с пацанами он сегодня вечером, по сложившейся традиции, пойдёт за овраг, на пустырь, где все вместе будут жечь костры и печь в горячей золе картошку. Она такая душистая, вкусная получается! Проглотив, слюну, образовавшуюся от почти физического ощущения дымящейся печёной картошки, он вприпрыжку побежал из помещения во двор детского сада.

Стоял солнечный тёплый день на излёте поздней весны, в преддверии лета. Воздух настоян душистым и нежным ароматом молодой ярко зелёной листвы и пёстрых ранних цветов, обильно распустивших свои бутоны на многочисленных, заботливо ухоженных клумбах. Над ними в изобилии трепетали бабочки, как будто, невесомые, различных цветов и оттенков. Они беспрерывно то садились на лакомые бутоны, сложив свои крылышки миниатюрными парусами, трепещущими от малейшего движения воздуха, то, насытившись божественным нектаром, вновь взмывали и парили над клумбами, подыскивая очередную, ещё нераспечатанную кладовую. Временами эту уравновешенную идиллию вдруг нарушало резкое жужжание. Это, словно тяжёлый бомбардировщик среди лёгких бесшумных планеров, появлялся грозный шмель. Сделав пару кругов над клумбой, он стремительно снижался, также резко прекратив движение, зависал несколько мгновений над раскрывшимся бутоном, и вдруг неожиданно, сменив объект внимания, садился совсем на другой цветок. Жужжание внезапно обрывалось, воцарялась неуловимо звенящая тишина.

На голубом небосводе, в ещё наполненном весенней влагой воздухе, разворачивалась своя карусель. Зависнув высоко над землёй, вдохновенно выводят свою песнь жаворонки. В нижнем ярусе нарезают круги с крутыми разворотами стремительные ласточки. Время от времени, одна из них резко меняет курс и неожиданно влетает под свод крыши к своему глиняному гнезду, прилепленному под стрехой, там её уже встречают с открытыми клювиками жадные до пищи птенцы.

Вдруг раздалось отчаянное чириканье. Это уже на земле разыгралась маленькая драма. Из гнезда по какой-то неосторожности выпал воробышек. Это он, раскрыв желторотый клюв, поднял истошную панику. К нему на выручку, оторвавшись от каких-то повседневных забот, поспешила воробьиха. Вся взъерошенная, опустив до земли свои крылья, она бестолково бегает вокруг птенца, сидящего на земле, и своим беспокойным чириканием усиливает суматоху. Хорошо, если этот шумный концерт не привлечёт кошку, прогуливающуюся, может быть, поблизости, а то ведь вся эта история может закончиться трагически для беспомощного птенца. Иногда, правда, бывает, что в порыве отчаяния стайка воробьёв, объединив свои усилия, устроят такую решительную карусель, приблудившейся кошке, что та сочтёт за благо поискать поживу в другом, более безопасном месте.

Дима, пробегая по игровой площадке, остановился у песочницы, где у бесформенной влажной кучи песка, с жалкими остатками разрушенной детской фантазии, сидела и плакала Танька – девочка из их общей группы.

– Чего ноешь-то? – снисходительно поинтересовался он.

– Сашка из второй группы … – не закончив фразу, снова заревела девочка, размазывая по щекам не очень чистыми ладонями обильно стекающие слёзы.

– Что Сашка-то? Говори толком, – нетерпеливо переспросил Дима, уже входя в роль защитника.

– Я строила, строила, а он всё разруши-и-и-л, – не прекращая реветь, наконец, выдавила она.

Сердце подростка стало наполняться негодованием. Уже давно, когда он ходил ещё в среднюю группу, после многочисленных стычек, между мальчиками установилось негласное соглашение, чужих (из других групп) девочек не задирать! Тогда ещё Димка с Петькой были в параллельных группах и между ними постоянно происходили нешуточные потасовки.

Крепко сбитый Петька был, конечно, сильнее худощавого Димки, как правило, последнему в стычках доставалось больше. Однако по характеру он был очень упрямый, никогда во время потасовки не признавал своего поражения, схватка вследствие этого заканчивалась всегда принудительно, при активном вмешательстве воспитателей. Чего только не предпринимали они и даже сама заведующая, но стычки не прекращались. Испробовав все возможные меры воздействия к непримиримым драчунам, заведующая приняла, как оказалось впоследствии, «соломоново решение», она их просто свела в одну группу. Потасовки между ними практически сразу прекратились, больше того, вскоре они стали лучшими друзьями. В результате произошедшего, больше всего выиграли девочки их общей группы. Вскоре, после нескольких стычек, в которых друзья всегда выступали вместе, связываться с ними перестали даже мальчики из старших групп. И вот теперь, когда они уже сами были в выпускной группе, кто-то посмел бросить им вызов!

Дима воинственно оглядел игровую площадку. В дальнем её углу, у деревянного паровозика он увидел стайку мальчиков из параллельной группы и, не торопясь, сохраняя собственное достоинство, направился к ним. Подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что среди них находился и долговязый, с рыжей шевелюрой Сашка, а также и Петька, что было не лишним аргументом в этой ситуации. Приблизившись вплотную, он коршуном налетел на Сашку. Упав на землю, они сцепились, награждая друг друга тумаками. Бросая косые взгляды на Петьку, и, понимая, что может последовать, никто не решался вмешиваться в поединок. Петька тоже напряжённо наблюдал за ними, готовый в любое мгновение, при необходимости, вступиться за друга, пока таковой ситуации не наблюдалось. Изловчившись, Дима оседлал поверженного противника, но в этот момент со словами: «Снегирёв, ты опять хулиганишь!» – его руку перехватила подоспевшая заведующая детским садом, которая в момент нападения проходила недалеко от этого места и поспешила в зародыше остановить драку.

***

Дима вынуждено отдыхал на стопе матрасов в боковушке. Это было привычное для него место, где он нередко оказывался в качестве наказанного за свои провинности. Лёжа на спине и блуждая рассеянным взглядом по еле заметным узорам известковой побелки на потолке, уже давно им изученных до мельчайших подробностей во время довольно частых «отсидок», он по-детски обострённо рассуждал о поступках взрослых: «Вот ведь сегодня я хотел восстановить справедливость, наказать этого рыжего Сашку за ту обиду, которую он причинил беззащитной девочке, а в результате сам оказался наказанным. Обидно, конечно! Дело даже не в том, что нахожусь сейчас в закрытой боковушке, здесь совсем неплохо. Лежишь себе на горе мягких матрасов и подушек, можно даже при желании покувыркаться, но ведь факт, что всё-таки несправедливо. Тот, кто действительно виноват, прогуливается во дворе и ещё при этом, поди, злорадствует, что меня ни за что ни про что наказали». Он представлял себе, как ещё поквитается с Сашкой за эту несправедливость. На этом месте его мысли были прерваны характерными металлическими щелчками открываемого замка. Дверь открылась, в боковушку вошла воспитательница их группы – миловидная девушка лет девятнадцати, с ниспадающими по её хрупким плечам локонами вьющихся светлых волос.

– Дима, – с укоризной обратилась она к нему, – что же ты опять руки распускаешь? Такой день сегодня, все на солнышке, а ты здесь «загораешь». Прямо беда с тобой!

– Инесса Павловна, – возразил он и в запальчивости продолжил, – а что он наших девчонок обижает и вообще…

– Да знаю, знаю я, Таня мне всё рассказала, – перебила она его и с укоризной продолжила. – Надо было ко мне обратиться, он бы своё получил.

– Вот ещё! Ябедничать, что ли, я должен? Нет, лучше здесь посижу, выйду, он ещё получит! – с негодованием ответил он.

– Ну вот, ты опять за своё, ладно, слезай. Пойдём постригаться, а то гляжу, заро-о-с ты …, – и, улыбнувшись, потрепала его белокурую шевелюру.

Он, не дожидаясь повторного приглашения, вприпрыжку выбежал из боковушки, по ходу обратившись к воспитательнице:

– Только, чур, постригай наголо!

Едва закончилась стрижка, как Дима заметил свою маму, входившую в калитку детского сада, она была одета в фирменную синюю форму железнодорожной проводницы. Берет с металлической блестящей кокардой кокетливо красовался на её голове. Мать спешила к сыну после окончания очередного рейса.

– Мама пришла! – радостно воскликнул он, спрыгнул с табурета и, стремглав, рванулся навстречу, сверкая на солнце остриженной головой.

Увидев подбегающего сына, мать всплеснула руками и воскликнула:

– Боже ж ты мой! Опять налысо постригся! Ну, что мне с тобой, таким упрямым делать?

– Ой, мамочка, я сейчас, – вспомнив про школьный подарок, он круто развернулся, быстро добежал до крыльца и скрылся в помещении детского сада.

Минуты через две, вылетел обратно, широко размахивая чёрным портфелем, сияя при этом, как именинник.

– Откуда у тебя портфель? – с удивлением спросила мама.

– Это мне в школу подарили! – с восторгом ответил он и всю дорогу до дома взахлёб рассказывал про то, как их торжественно провожали в школу и какие ещё подарки лежат в портфеле.

Катерина терпеливо слушала его нескончаемую, торопливую речь, и за его рассказом они вскоре уже пришли домой. Впрочем, детский сад находился от их дома совсем недалеко, через дорогу, минутах в десяти ходьбы.

***

Ближе к вечеру, стянув из кухонного выдвижного ящика коробку спичек и выпросив у матери несколько сырых картофелин, Дима, в предвкушении предстоящего мероприятия, вприпрыжку выскочил из дома. На улице уже кучковались ребята из примыкающих к их общему двору, однообразных, двухэтажных жилых домов, кто-то из ребят был на пару лет постарше, а некоторые и помладше его. Постояв и поболтав между собой ещё некоторое время в ожидании ещё не подошедших друзей, они, наконец, собравшись, гурьбой направились на пустырь, который начинался за довольно глубоким и широким оврагом. Ближний край его почти вплотную, недотянув всего метров двадцать, подходил к дому, в котором жил Дима. Вблизи дома, практически по самому краю оврага, почти без просветов, прилепившись друг другу, расположились приземистые деревянные, хозяйственные постройки жильцов дома, в обиходе именовавшиеся сараями. Шумная, босоногая ватага, устремившись в обход их, стремительно спустилась по достаточно крутому склону оврага, оказавшись на его дне, покрытом вязкой глиняной массой, образовавшейся после спада вешних вод, ещё совсем недавно проносившихся здесь бурным мутным потоком. Лишившись обильной подпитки, поток воды иссяк, и только небольшие ручьи разрозненными, а порой вновь объединявшимися рукавами, продолжали свой уже ленивый, с лёгким журчанием бег.

Оставив позади вязкий участок пути, мальчишки продолжали преодолевать естественную полосу препятствий, уже карабкаясь вверх по крутому склону противоположной стороны оврага, изнашивая по пути глиняные чулки, приобретённые на его вязком дне. Один за другим они уже, запыхавшись, выскакивают из оврага и, рассыпавшись по пустырю, собирают хворост

из прошлогодней травы и картофельной ботвы, находящейся здесь в изобилии. В дело идут и попадающиеся обломанные ветки редкого кустарника, одиноких деревьев. Вскоре из многочисленных охапок вырастают несколько огромных куч. Начинает темнеть. Мальчишки, разделившись на группы, обступают возведённые ими творения, из которых вскоре сначала поднимается густой, едкий дым, затем появляются робкие языки пламени. Окрепнув, они захватывают всё большие участки хвороста, и вот, уже внезапно разорвав только что сгустившиеся сумерки, вырастают огненные столбы, сопровождаемые характерным гулом и треском. Высоко вверх мириадами и, в меньшей степени, в стороны от костров разлетаются искры.

Мальчишки, обдаваемые нестерпимым жаром и донимаемые искрами, нехотя, но вынуждено отступают подальше от огня. Побушевав некоторое время, он постепенно спадает, окружение костров вновь постепенно сужается. Время от времени, желая хотя бы ненадолго продлить удовольствие, в прожорливое лоно огня, задавая ему порцию пищи, летит очередная охапка хвороста. Кто-то из мальчишек, самый нетерпеливый бросает в слабеющий огонь клубни картошки. Наконец, открытые языки пламени, слизав последнюю пищу, исчезают. Почти до самого костра, вернее, до осевшей на его месте кучи тёмно бордовой золы, опускается темнота. Уже дружно, до полного исчезновения запасов, в золу летят многочисленные клубни картошки. Все сосредоточено и заботливо, заранее припасёнными палками из суковатых веток, стараются полностью прикрыть горячей золой картошку. Кто-то выцарапал палкой картофелину, чёрную, обгоревшую до неузнаваемости, брошенную ранее в открытый огонь. Перекидывая её, жутко горячую с ладони на ладонь, сильно обжегшись, вскрикивает от резкой боли. Роняет на землю, наконец, немного остывшую картофелину пытается разломить надвое, ан, нет, не получается. Кусками отваливается толстая, верхняя, горелая её часть, а оставшаяся в руках сердцевина, хотя и горячая, но почти сырая. Сгорая от нетерпения, хочется её попробовать и укусить, но на поверку она слабо поддаётся и хрустит на зубах. Никакого удовольствия, остаётся только выбросить. Приходится терпеливо ждать, когда истомится до готовности та картошка, которая ещё печётся. Нетерпение уже перехлёстывает через край, хочется попробовать на зуб хотя бы одну из картофелин, ещё томящихся в золе. Кто-то не выдерживает, но быстро разочаровывается и ждёт дальше. Наконец-то, терпение вознаграждено. Одна за другой картофелины, под воздействием управляемых палок, выкатываются из золы, уже выгоревшей до белизны.

Какое удовольствие иметь дело с картошкой, доведённой до полной готовности, испечённой в золе! К этому времени то, что осталось от костра, уже не излучает ощутимого тепла. С наступлением темноты становится прохладно. Тогда особенно приятно, даже обжигая пальцы, без особых усилий разломить картофелину пополам, она слегка сверкает на рваном изломе. От обеих её половинок поднимается и доходит до вдыхающих ноздрей пахучий, смешанный с дымком и ещё непонятно с чем, парок. Подсасывая прохладный воздух, чтобы не так сильно было горячо насладиться рыхловатой мякотью, поглощаешь её вместе с обгорелой кожурой, даже без соли она вкусна неповторимо и кажется слегка сладковатой. Если к тому же ты ещё и запасливо прихватил с собой в спичечном коробке немного соли, то, конечно же, не пожалеешь об этом.

Пиршество, ради которого всё затевалось изначально, закончилось. Развороченная зола заметно осела и практически уже остыла. Ощутимее становится опускающаяся на ночь прохлада. Особенно это чувствуют босые ноги, пора домой.

Обратный путь в темноте через овраг дался значительно труднее, хотя об этом никто и не задумывался. Перебравшись через овраг, все разбежались по своим домам, немного уставшие, но вполне довольные, доставив мамам хлопоты по отмыванию чумазых лиц от костровой сажи и конечностей, заляпанных рыжей глиной.

***

Вот и наступило долгожданное лето. Возле детского сада многолюдно и шумно. В приподнятом настроении резвятся дети, за ними присматривают родители, в ожидании отправки неугомонных отпрысков на загородную летнюю дачу. В основном это молодые женщины с вещмешками в руках, поношенными армейскими или собственного пошива. К всеобщему ликованию детворы, один за другим подъезжают и останавливаются несколько автобусов, совсем ещё новеньких, с предупреждающими табличками на лобовых и задних стёклах – «Осторожно дети!» Автобусы не просто новые, а ещё и весьма диковинные – большие, светлые, разительно отличающиеся от привычных собратьев, бегающих по городу, небольших и носатых. Вот и двери у необычных автобусов открываются особенным образом, с непривычным шипением складываются и раздвигаются двумя половинками в разные стороны. Не дожидаясь приглашения, дети наперегонки устремились к ним, буквально врываясь, кто в передние, кто в задние двери. Первые из них, попав в просторный пустой салон, бегают по нему, перескакивают с одного на другое сидение, выбирая лучшее место. Наконец, все дети расселись по местам, двери закрылись, автобусы, предупредительно просигналив, один за другим тронулись с места. Детсадовцы, прильнув к широким окнам, отчаянно машут руками, прощаясь с родителями, которые машут в ответ, что-то говорят, спеша дать последние наставления, но в автобусах их практически никто не слышит.

Пока ехали на железнодорожный вокзал, детвора под руководством воспитателей не очень стройными, но звонкими голосами пропела несколько задорных песен. Автобусы остановились на привокзальной площади. Дети вышли, воспитатели построили их в колонну по трое, возглавив и замкнув её на небольшом расстоянии с красными флажками в руках. Тем временем, голос из громкоговорителя извещал о прибытии на перрон пригородного поезда, к нему и поспешила направиться детская колонна.

На первом пути у перрона уже стоял пригородный поезд. На окнах нескольких вагонов, кроме традиционных с наименованиями пунктов отправления и назначения, висели таблички с надписью «Дети», в них воспитатели с предосторожностями стали заводить своих подопечных, помогая им подниматься по ступеням подножки. Вагоны оборудованы скамейками со спинками. К металлическим их каркасам прикреплены гранёные деревянные бруски, покрытые лаком жёлтого цвета. Дети, входившие в вагон, занимали места, в первую очередь, у окон.

Минут через десять после завершения посадки, раздался паровозный гудок. Состав, лязгнув сцепками, тронулся с места и, набирая ход, отправился в путь. За окнами всё быстрее и быстрее стали пробегать городские здания и деревья. Скоро многоквартирные двух и трёхэтажные кирпичные дома стали уступать место приземистым деревянным домам частного сектора, когда поезд приблизился к мосту через реку Обь, дома исчезли и вовсе, город закончился. При въезде на мост раздался протяжный гудок, от эха металлических конструкций моста многократно усилился стук вагонных колёс поезда и также неожиданно он стих, когда мост остался позади. За окнами проплывали пойменные луга, многочисленные небольшие озёра и старицы с невысокими деревьями и кустарниками на их берегах. Вслед за лугами внезапно возникла стена высокого соснового бора, недалеко отступившая от полотна железной дороги. Поезд стал замедлять свой ход, приближаясь к полустанку. «Дети, приготовьтесь, подъезжаем, сейчас будем сходить!» – раздался голос воспитательницы.

В вагоне наступило оживление, воспитанники засуетились, вытаскивая из-под сидений вещмешки, кто-то уже складывал в них вынутые ранее игрушки или просто безделушки. Раздался паровозный гудок, за ним последовал резкий металлический скрежет тормозных колодок, от вагона к вагону пробежал грохот прицепных устройств, поезд ещё прокатился, посте-

пенно теряя инерцию, и, наконец, остановился. Две воспитательницы направились к выходу из вагона, открыли дверь и спустились на перрон, встав по обе стороны подножки вагона. Остальные воспитатели помогали собираться детям в вагоне.

Высадив подопечных с поезда, сопровождающие построили их в колонну и повели по дороге в направлении к летней даче. Песчаная, усыпанная хвойными иглами дорога петляла по сосновому бору. Прохладный лесной воздух, настоянный хвоей, приятно освежал в этот знойный летний день. Под разноголосый птичий гомон, сопровождавший всю дорогу, сосновый бор внезапно расступился, и детсадовцы вошли на огороженную территорию с разбросанными на ней аккуратными деревянными строениями. Все свежеокрашенные домики были разрисованы изображениями известных сказочных персонажей.

После размещения воспитанников по заранее определённым местам, жизнь в сказочном детском городке вошла в своё привычное русло и день за днём проходила по установленному распорядку. Огороженная территория занимала довольно большую площадь, преимущественно открытой местности, покрытой зелёным ковром сочной растительности, на которой местами возвышались небольшими группами стройные сосны. Несколько игровых площадок были оборудованы незатейливыми горками, качелями, песочницами, где и проводили основное время дети под наблюдением воспитателей. Впрочем, этот надзор не всегда помогал предотвратить регулярные вылазки отчаянных мальчиков за пределы территории в манящий сосновый бор, окружавший ограждение по всему периметру. Периодически проводились и организованные коллективные прогулки за пределы городка, в тот же сосновый бор и даже в небольшой посёлок, расположенный на расстоянии немногим более километра, на берегу небольшой речки, куда дети с удовольствием ходили купаться. Вот только для воспитателей эти водные процедуры всегда были головной болью и нервотрёпкой, особенно по завершению этого процесса, когда они буквально вылавливали из речки непослушных воспитанников.

Дети с радостью, а воспитательницы с облегчением встречали воскресный день, когда приезжали родители, на которых можно было переложить ответственность, хотя бы в этот день, а дети получали большую свободу действий под присмотром родителей.

***

Наступил первый родительский день, то есть воскресение. Среди других на летнюю дачу приехала и мама хулиганистого Димы. Они вместе сходили на речку, где он вдоволь накупался, насобирали и наелись лесных ягод, которые в изобилии здесь произрастали: малина, земляника, клубника, костяника, смородина трёх цветов, черёмуха – всего и не перечислишь.

Нагулявшись в лесу, они вернулись в городок. Дима наловил громовиков на своём любимом дереве – огромном дубе и торжественно вручил маме, предварительно поместив их в банку, освободившуюся от съестных припасов, привезённых мамой и благополучно уже «уничтоженных». Она уже привыкла к таким экзотическим подаркам, привозила их домой и выпускала в комнате. Стрекозы неизменно летели на свет из окна, садились на тюлевые шторы, где и заканчивался их жизненный путь в виде высохших через определённое время мумий.

День за днём, месяц за месяцем пролетало лето, наступило время возвращаться в город. За месяцы, проведённые на летней даче, дети неплохо подзагорели, свежий лесной воздух способствовал хорошему аппетиту, благодаря чему, большинство поправилось, некоторые даже заметно подросли. Жалко, конечно, было покидать живописные места, но с другой стороны, за проведённое здесь время, все успели уже соскучиться по дому, родителям, а кто и по оставшимся в городе друзьям и подружкам.

***

Накануне сентября Дима с сожалением узнал, что ещё на один год остаётся в детском саду. Мама ему объяснила, что до семи лет ему не хватает почти двух месяцев, поэтому в школу его не берут. Позднее он узнает, что это мама убедила директора школы не забирать сына в школу в этом году. Несостоявшийся школьник продолжал ходить в детский сад. Как-то, открыв дверь и выйдя на крыльцо детского сада, он невольно услышал обрывок разговора между заведующей и воспитательницей.

– Вот ведь, одного «бандита» забрали в школу, а Димку ещё на год оставили нам «на голову»! – с видимым сожалением изрекла заведующая.

– Да уж, это его мама постаралась, как-то смогла убедить директора школы …, – согласилась с ней воспитательница и осеклась, увидев воспитанника, выходящего на крыльцо. Тот на мгновение замешкался, уловив, что разговор идёт про него.

– Ступай, ступай, горе ты луковое, – снисходительно обратилась к нему заведующая.

Дима прошёл мимо них во двор детского сада.

***

Потянулась обычная детсадовская жизнь. Первое время Дима скучал по своему закадычному другу, ушедшему в школу, но постепенно это чувство притупилось. Он заметно вытянулся, но в весе прибавил незначительно. Инстинктивно, подчиняясь каким-то внутренним потребностям растущего организма, он постоянно грыз кусочки мела, а в столовой, постоянно сметал со столов кости от рыб, оставшиеся после еды, с удовольствием кроша их острыми молодыми зубами. В отличие от большинства окружающих его детей, просто ненавидящих рыбий жир, регулярно входящий в рацион обязательного потребления, он не только без труда справлялся со своей порцией, но с удовольствием поглощал и те, которые ему доставались от других детей. К великой радости, детсадовская продлёнка для него, наконец-то, закончилась, необходимость в ней отпала, потому что мама ушла с работы на железной дороге и теперь трудилась посудомойкой в городской столовой. Её новая работа очень нравилась Диме ещё и потому, что можно было забежать к ней в столовую и неплохо покушать, к тому же, она находилась совсем недалеко от их дома. Вот и сегодня он выбрал момент и незаметно покинул детский сад, не дожидаясь прихода мамы, сам направился к ней в столовую. Пробегая мимо своего дома, подросток в последний момент заметил прямо перед собой лежащие на земле электрические провода, которые обречённо свешивались с ближайшего деревянного электрического столба. Пока Дима на бегу лихорадочно соображал, как ему миновать внезапно возникшую опасность, даже не поняв, как это произошло, упал и оказался на проводах. Сквозь его тело как будто прошла колючая волна, он сразу оцепенел, движения были полностью парализованы, невозможно было шевельнуть даже языком. Зато предельно обострились слух, зрение и обоняние. Мысли одна за другой пролетали в его просветлённом мозгу. Руки и ноги пронзительно жгло, в ноздри ударил приторный запах жареного мяса. Время как будто остановилось, ему казалось, что вокруг моментально образовалась толпа взрослых людей. Многие наперебой давали глупые советы, как ему выкрутиться из опасной ситуации. От этих советов охватила безумная, недетская злость, затем наступила полная апатия ко всему. «Неужели они не видят, что я даже языком пошевелить не могу? Хотя бы палками попытались освободить меня», – уже без всякой надежды мелькали грустные мысли в голове.

В это время у скопления людей остановилась машина, проезжавшая рядом по проулку. Из деревянной кабины видавшей виды полуторки выскочил водитель – мужчина средних лет, крепкого телосложения и стал продираться сквозь толпу зевак. Увидев, что на проводах, лежа-

щих на земле, скорчился в неестественной позе худощавый мальчуган лет семи, мужчина, не мешкая, на ходу бросив в толпу реплику: «Да что же это вы? Мать вашу так!» – подбежал к потерпевшему и резко рванул его на себя за майку, она затрещала, но выдержала. Из рук мужчины подростка перехватила пожилая женщина и кинулась с ним в ближайший подъезд дома, занесла в комнату, осторожно положила на кровать. Дима внезапно остро почувствовал нестерпимую боль, казалось, горит всё тело. Женщины суетились вокруг него, о чём-то причитали, что-то делали, стараясь хоть как-то обработать раны от страшных ожогов, зияющие на руках и ногах до самых костей. Дима закрыл глаза, пытаясь уснуть, уйти от боли. Вдруг до него донёсся знакомый голос, он открыл глаза, склонившись над ним, стоял его отец. «Ну что, сынок, болит? Потерпи, сейчас отвезу тебя в больницу», – участливо произнёс он, подхватил на руки и поспешил к выходу. У подъезда дома он едва не столкнулся с чрезвычайно взволнованной Катериной, спешившей своими глазами увидеть сына.

– Что с ним? – увидев его с отцом, с надеждой в голосе и во взгляде спросила она. – Мне тут такого наговорили! – с тревогой осматривая ребёнка, обратилась к нему: – Детка, как ты?

– Хорошего, конечно, ничего нет, но, слава Богу, самое страшное уже позади, – успокаивал её Николай. – Отправляюсь с ним в больницу, там осмотрят и помогут, не отчаивайся, Катя.

***

Прошло три недели. Раны от ожогов у Димы зарубцевались, на их месте образовалась тонкая, нежно-розоватая молоденькая кожица, которой так уже и не суждено будет сравняться по виду с неповреждённым кожным покровом. Шрамы, оставшиеся на всю жизнь, многие годы будут напоминать о случившемся в детстве происшествии, хотя и очень неприятном, но благополучно завершившимся для жизни мальчика.

Николай, по договорённости с Катей, приехал забрать сына из больницы. Дима с восторгом воспринял весть о возвращении домой, его жизнерадостная натура не могла примириться с вынужденным бездействием в опостылевших стенах больницы, когда на дворе стоят последние, запоздалые, теплые дни золотой осени. Выйдя из больницы, Николай подхватил сына и посадил себе на плечи. Поддавшись его восторженности, он решил пробежаться с ним вокруг здания больницы. Было смешно и весело смотреть на них со стороны, люди, проходившие мимо, невольно оборачивались и улыбались. Вдруг Николай почувствовал внезапную острую боль в районе шейных позвонков, он осторожно опустил сына на тротуар и пощупал ладонью на месте возникшей боли. Под ладонью ощутил липкую сырость и какой-то острый инородный предмет, попытка потрогать который вызывала болевые ощущения. Он опустил ладонь и увидел на ней следы крови. Догадка озарила его, в памяти возникли уже ставшие забываться страшные события, кромешный ад сталинградских боёв. «Вот оно – эхо войны! – промелькнула мысль. – Надо вернуться в больницу, пусть посмотрят врачи. А вдруг это как раз то, что вынудило меня полвойны скитаться по госпиталям!»

Дима вопросительно смотрел на отца, не понимая, почему так внезапно закончилась их весёлая затея.

– Сынок, – обратился к нему отец, – давай-ка вернёмся в больницу, – и, заметив сразу потускневшее лицо сына, успокоил его: – Ну-ну, не вешай носа, думаю, мы ненадолго. Мне по своим делам очень нужно. Лады?

– Лады. Только, если ненадолго, – с видимым сожалением ответил сын.

Взяв его за руку, отец направился к входу в больницу. Объяснив в регистратуре сложившуюся ситуацию и взяв направление, он пошёл на приём к хирургу. Оставив сына около дверей кабинета и взяв с него слово, что тот никуда уходить не будет, Николай Дмитриевич вошёл в кабинет. За столом, склонившись над какими-то бумагами, сидел худощавый пожилой муж-

чина в белом халате. Оторвавшись от их изучения, он поднял голову и вопросительно посмотрел на вошедшего посетителя сквозь стёкла очков в изящной металлической оправе.

– Здравствуйте, разрешите войти? – промолвил посетитель.

– Да-да, здравствуйте, проходите, – ответил врач. Пациент подошёл к столу. – Присаживайтесь, пожалуйста. Что у вас?

– Да вот, доктор, похоже, осколок выходит, – ответил Николай, машинально положив ладонь правой руки за голову на шею.

– Ну-кас-с, ну-кас-с! – встрепенулся врач, проворно встав из-за стола и подойдя к нему, скомандовал: – Снимите рубашку, сейчас посмотрим, что у вас там.

Николай Дмитриевич, расстегнув пуговицы, осторожно снял рубашку. Врач, зайдя к нему за спину, увидев небольшую кровоточащую ранку, осторожно пальцами стал прощупывать вокруг неё, периодически спрашивая пациента: – Так беспокоит, а вот так? – тот, соответственно своим ощущениям, отвечал на его вопросы. Закончив осмотр, врач поинтересовался: – Я так полагаю, что это у вас с войны подарок остался? А как случилось, что он вдруг проявился?

– С войны, с сорок второго года. Из-за него столько лет по госпиталям отлёживался. Так и остался он при мне. А тут вот сейчас сынишку решил покатать на шее, осколок неожиданно и дал о себе знать.

– Да-с, интересный случай, интересный! Что же, будем делать небольшую операцию по извлечению инородца. Будем надеяться, что ничего опасного уже не будет, осколок, похоже, сам нашёл безопасный выход.

– Как, прямо сейчас, что ли?

– А вы, как-с думали, батенька? Сейчас и непременно сейчас же, пока он там ничего лишнего не натворил!

– Доктор, у дверей кабинета мой сынишка сидит. Как с ним-то?

– Ничего страшного, мы его на время куда-нибудь определим. Думаю, если осложнений не будет, то через часик – полтора отпустим вас домой. Пойдёмте, не будем терять время.

Спустя час отец с сыном вышли из больницы. Остановившись на крыльце, Николай Дмитриевич вынул из кармана носовой платок и, развернув его, показал сыну небольшой, размером с копеечную монету, только значительно толще, кусочек шершавого металла тёмно-бурого цвета, с тремя острыми углами.

– Вот, сынок, смотри. Этот маленький осколок много лет назад мог стоить мне жизни, а теперь станет моей реликвией.

Дима протянул руку за осколком, взяв его, с любопытством стал осматривать со всех сторон, потёр пальцем его шершавую поверхность, осторожно пощупал углы, потом, взвесив его на ладони, проронил:

– Тяжёленький, – и вернул его отцу.

***

Вот и наступил этот яркий, но едва уже сохраняющий тепло уходящего лета, день 1960-го, високосного года, когда Дима вместе со своей мамой, наконец, впервые ступил на заветную территорию полноправным её хозяином. Многоголосый школьный двор расцвёл яркими красками от обилия букетов цветов, которыми наполнили его многочисленные первоклашки. Девочки в коричневых платьицах с ослепительно белыми, заботливо отглаженными школьными фартуками, ажурными белыми воротничками и манжетами. Праздничный вид многих из них удачно дополняли банты, которые, как огромные экзотические бабочки, разместились на их головках или на косичках. Мальчики, как будто все из инкубатора, в одинаковой школьной форме, по случаю торжественности происходящего, умерив затаённую на время

в них прыть, казались степенными петушками, мирно разгуливающими по многоликому двору. Родители первоклашек, преимущественно молодые женщины, по-праздничному ярко одетые, с ухоженными причёсками и лицами, опекали своих чад с новенькими, блестящими портфелями в руках. Учительницы сновали среди них, разыскивая своих подопечных, отмечали их в своих списках, давали наставления родителям по поводу дальнейшего распорядка дня. В результате их разъяснительной работы постепенно в ещё совсем недавно хаотичном движении стал выкристаллизовываться определённый порядок. К учительницам, ушедшим на площадку перед парадным крыльцом школы, стали подтягиваться школьники, в сопровождении своих родителей. Через некоторое время обширный школьный двор, за исключением площадки, опустел. На ней лицом к широкому парадному крыльцу здания школы, на некотором расстоянии от него выстроились стройные шеренги первоклашек, позади которых в небольшом отдалении стояли их родители. По обе стороны от крыльца выстроились небольшие, человек по десять в каждой, шеренги старшеклассников. В одной из них ученики в красных галстуках, в другой – с комсомольскими значками. С боков, по обе стороны площадки разместились остальные школьники. Наконец, раскрылись двери парадного входа, из которого вышла и разместилась на крыльце группа учителей и пионервожатых во главе с директором школы, серьёзным, каким ему и полагается быть, средних лет мужчиной в строгом тёмного цвета костюме, при галстуке. Не менее строгого вида, среднего возраста женщина, по всей видимости, завуч школы, объявила об открытии первой в этом учебном году торжественной школьной линейки по случаю начала нового учебного года и поздравления первоклассников. Началась череда выступлений. Выступали: директор, завуч, старшая пионервожатая, старейшая учительница начальных классов, лучшие ученики школы, представительница от родительского комитета. Все они поздравляли первоклассников со знаменательным для них днём, говорили много хороших слов о необходимости с самых первых дней учёбы с полной серьёзностью отнестись к этому очень важному и трудному занятию, давали советы и наставления. Когда все запланированные выступающие закончили свои приветствия, из парадного входа вышла пожилая женщина в синем халате со школьным медным колокольчиком, и заливисто прозвучал для первоклассников их долгожданный первый школьный звонок. После этого стройные ряды рассыпались и ученики, как будто неимоверно соскучившиеся за прошедшее лето по учёбе, уже не сдерживаясь, торопливо устремились к парадному входу в школьные классы.

Новоиспечённые первоклассники, по сравнению с другими учениками, на этот раз оказались самыми дисциплинированными. А как же могло быть иначе? Они ведь ещё не знали местонахождение своих будущих классов, поэтому, переждав, пока суета понемногу улеглась, последовали в школу за своими первыми учительницами. За ними направились родители.

В классе учительница рассадила учеников за парты по своему усмотрению. Так как свободных мест практически не осталось, родители вынуждены были довольствоваться стоячими местами по периметру класса, за исключением стороны, где размещалась школьная доска и стол учительницы. Когда все, наконец, заняли свои места, учительница, стоя у своего стола, осмотрела всех внимательным взглядом и произнесла:

– Здравствуйте, дети! – нестройным хором те ответили на приветствие. – Меня зовут Дарья Филипповна, я буду вашей учительницей первые четыре года обучения. Наш первый «б» класс расположен в этом помещении. А теперь давайте познакомимся. Я буду называть фамилию и имя, необходимо будет встать из-за парты и ответить – я. Всем понятно?

– Да-а-а, – опять нестройным хором ответили дети.

Учительница присела за свой стол, открыла новенький классный журнал и стала называть фамилии учеников. Каждый раз, внимательно посмотрев на вставшего ученика, чтобы запомнить его, она просила: «Садись», – прибавляя при этом имя очередного ученика.

Дима с нетерпением ожидал своей фамилии, а её всё не было и не было, он даже уже начал волноваться. «Не забыли ли меня?» – мысленно беспокоился он. Хотя ему уже менее чем

через два месяца исполнялось восемь лет, он ещё даже не владел азбукой, поэтому откуда ему было знать, что в классном журнале ученики записаны в алфавитном порядке, соответственно, фамилия Снегирёв значилась во второй части списка…

Очередная фамилия, озвученная учительницей, застала его врасплох.

– Снегирёв Дима.

От неожиданности перехватило дыхание, он, с грохотом поднимаясь из-за парты, звонким фальцетом воскликнул:

– Здесь я!

Учительница внимательно посмотрела на него, и, улыбнувшись, промолвила:

– Садись, Дима.

Перекличка подходила к концу, он, как и другие ученики, во все глаза рассматривал учительницу лет двадцати двух от роду, стройную женщину в простеньком, но аккуратном платье. Чёрные кудрявые волосы небольшими локонами ниспадали на её хрупкие плечи. Тонкие черты лица, слегка украшенного веснушками, широко открытые глаза располагали к доверию. Наконец, первое знакомство закончилось. Учительница закрыла классный журнал, рассказала первоклашкам о распорядке и правилах поведения в школе, а затем объявила, что сегодня занятий в школе не будет. Попросила учеников выйти на школьный двор, но далеко не разбегаться, пока она с родителями не обговорит некоторые вопросы. Ещё раз попросила далеко не уходить и добавила, что когда закончит беседу с родителями, они всем классом сфотографируются на память. Дети, накопив изрядное количество нерастраченной энергии, с шумом устремились к выходу из класса, а затем выскочили из школьного здания во двор. Девочки объединились в стайки недалеко от входа, а мальчики небольшими группами стали обследовать территорию школьного двора.

Через некоторое время, видимо, помня о предстоящем фотографировании и не желая пропустить столь занимательное мероприятие, мальчики стали постепенно подтягиваться к исходному месту. Вскоре из здания стали выходить родители, за ними показалась учительница и, окинув взглядом площадку, направилась к ученикам. Рядом шагал неопределённого возраста, худощавый мужчина с чёрным беретом на голове, увешанный фотопринадлежностями. Подойдя к детям, он сразу взял инициативу в свои руки и повёл всех к длинной деревянной скамейке, в числе других вкопанной на дальней стороне школьного футбольного поля. Невдалеке за ней росли высокие, уже тронутые разноцветьем наступающей осени, раскидистые тополя. Фотограф, с присущей ему профессиональной увлечённостью, скомпоновал школьников в трёхрядную группу, усадив часть из них с учительницей посередине на скамейку, наиболее рослых поставил вплотную за ними, а оставшихся разместил на корточках впереди скамейки. Какое-то время он ещё переставлял местами отдельных школьников, периодически отходил назад, примериваясь видоискателем фотоаппарата, затем, видимо, уже довольный проведёнными расстановками, не забыв напоследок обратить внимание на птичку, которая по его убеждению должна вылететь из объектива, щёлкнул несколько раз затвором.

Попрощавшись наперебой с учительницей, дети направились к своим родителям, которые наблюдали за происходящим в сторонке, и все, не торопясь, стали расходиться по домам.

***

В начале учёбы Диме очень нравились занятия в школе, всё было необычно, каждый раз он для себя открывал что-то новое, интересное. Постепенно, однако, стал понимать, что это всё-таки не игра и требует определённых усилий, выдержки и терпения. Особенно ему не нравилось чистописание, уж больно кропотливое это было занятие, выводить карандашом в тетрадке в косую линию разного рода палочки, завитушки да не абы как, а чтобы всё правильно, симметрично, аккуратно и каждую из них целыми строчками! А потом, когда вместо

карандаша стали писать чернилами, и вовсе начались сплошные мучения. То кляксу посадишь, то рукавом случайно заденешь и размажешь уже написанное, ну, прямо наказание сплошное! Какая уж тут аккуратность, самому противно смотреть на свою работу. Сначала хоть оценки не ставили, а потом в тетрадке стали появляться красные двойки, противные такие, жирные, он даже поначалу пытался их резинкой стирать, ничего не получалось кроме дырок на их месте. Хорошо, что хоть мама не часто заглядывала в его тетрадки, она прямо так ему и сказала в начале учёбы: «Сынок, я закончила пять классов и шестой коридор, поэтому плохой тебе помощник. Единственное, что могу посоветовать – учись хорошо, прилежно, в жизни это очень пригодится. Не ленись, и всё у тебя получится».

Дима сначала никак не мог понять, что это за шестой коридор такой мама заканчивала? Уже позже он понял иносказательный смысл этого выражения, посмеялся над своей недогадливостью, не лишний раз понял, что учиться-то действительно надо, чтобы хотя бы не попадать впросак в простых ситуациях. Понять-то он понял, но этого, увы, было недостаточно, напрягаться надо, отказывать себе в чём-то. Вот и сейчас, сидя дома над тетрадкой, размышлял:

«Мало того, что в школе всё это надоедает, а тут ещё эти домашние задания делать надо. Зимой проще. На улице мороз, ветер завывает, холодно, бр-р-р! Всё равно делать нечего. А в тёплое время? На улице друзья мяч гоняют или на промысел с рогатками вышли, да мало ли чего есть более интересного, чем корпеть над учебниками и тетрадками! Что там говорить, вон у тёти Маши с дядей Сашей из двадцатой квартиры телевизор появился, единственный во всём доме, интересный такой! Его то „комбайн“, то „квн“ называют. Так в нём всё есть: и радио, и пластинки, а главное – телеэкран! Интересно, вроде бы, сам небольшой, так перед ним линза большая, пузатая такая, наполненная прозрачной жидкостью, смотришь через неё и видишь изображение большое! Хозяева этой чудо-техники добрые, у них своих детей нет, хотя сами уже в возрасте, так они нас сами приглашают посмотреть телевизор, когда мы по коридору бегаем».

Он с тоской посмотрел в окно, потом на тетрадку, тяжело вздохнул и продолжил выполнять домашнее задание. Через полчаса терпение его иссякло, он сложил тетрадки и учебники в школьный портфель и вышел на улицу. Во дворе, как назло, друзей уже не было, побродил немного, заглянул в овраг и, никого не обнаружив, решил пойти в соседний квартал, где было несколько магазинов, почтамт и рынок. Он, как пошёл в школу, любил ходить по магазинам, разглядывал различные товары, цены на них. Память у него была очень хорошая, в ней без особого напряжения откладывалась довольно обширная информация по ценам на различные продовольственные и промышленные товары. Это достаточно быстро заметила его мама и нередко прибегала к его помощи, когда нужно было узнать цену на какой-нибудь товар.

Как-то, по случаю праздника в гости к маме пришли её подруги, все они были молодые, незамужние или разведённые, как и она сама. Решили устроить небольшой девичник, накрыли стол, сели праздновать. Дима в это время гулял во дворе дома, как раз под окнами комнаты играл в битки на спичечные этикетки. Игра распространённая и довольно простая, хотя и требовала определённой сноровки. Вырывалась небольшая ямка в земле, которая называлась котлом. В него участники игры клали этикетки в количестве по взаимной договорённости. Затем в порядке, установленном по жребию, каждый старался попасть своим круглым битком, отлитым из свинца, в котёл, в случае удачи забирал содержимое котла, и игра начиналась сначала. Если же первый игрок не попадал в котёл, то у следующего игрока был выбор: либо кидать в котёл, либо постараться «съесть» биток, не попавший в котёл. «Съесть» – это значит кинуть свой так, чтобы от него пальцами одной руки можно было дотянуться до края чужого, в этом случае хозяин «съеденного» битка должен был положить в котёл этикетки в количестве первоначального взноса. Если, при этом, биток бросающего игрока ещё задевал чужой, то его хозяин должен был положить в котёл удвоенное количество этикеток, а если накрывал другой, то в котёл нужно было положить утроенное количество этикеток. Игрок, который «съел» чужой

биток, кидал ещё раз. Если его биток, попав в котёл, выскакивал оттуда и, при этом, оттуда вылетали этикетки, то игрок забирал их, теряя право кидать ещё. Его биток оставался на месте и кидал следующий игрок. Игра продолжалась до тех пор, пока чей-нибудь биток не оставался в котле, в этом случае игрок забирал все этикетки в нём. После этого всё начиналось сначала. Игра шла в полном разгаре, когда из раскрытого окна Дима услышал голос мамы, которая подзывала его. Он подошёл к окну, мама обратилась к одной из женщин, сидевших с ней за столом:

– Спрашивай, Сима.

– Димочка, скажи, пожалуйста, сколько стоит футляр для очков?

– Это, смотря какой. Кожаный или твёрдый? – солидным голосом уточнил он.

– Ну, твёрдый.

– Они тоже по-разному стоят.

– Какой ты щепетильный. Самый дешёвый сколько стоит?

– Сорок одна копейка, – почесав затылок, ответил Дима.

Тут уже другая женщина спросила:

– А сколько стоят ножницы? – затем, видимо, учитывая опыт предыдущей подруги, уточнила. – Самые дешёвые.

– Двадцать пять копеек, – выпалил он.

Следом посыпались другие вопросы, на которые подросток едва успевал отвечать.

– Вот, что я вам говорила, убедились? Все цены знает! – перебив очередной вопрос, с гордостью промолвила мама.

– Булгартером, наверно, будет, – коверкая слово, с уважением высказалась одна из женщин, сидящих за столом.

– А ну, вас! – услышав незнакомое слово, показавшееся ему обидным прозвищем, пробурчал Дима и, махнув рукой, побежал доигрывать прерванную игру.

***

Дима лежал дома на кровати. Сегодня в школу идти во вторую смену, он с утра, кое-как сделав домашние задания, убивал время. Вдруг в дверь настойчиво постучали, подросток нехотя поднялся с кровати и пошёл открывать дверь. Когда она распахнулась, мальчик увидел отца. Тот нетвёрдой походкой прошёл в комнату и, тяжело усевшись на край кровати, подозвав и усадив рядом с собой сына, начал пространный монолог про свою нескладную жизнь. Сын мало, что понимал в его бессвязной, пьяной речи, одно ему было только ясно, что папе очень тяжело и тот не знает, как ему теперь жить. Дима долго его слушал, не перебивая, но когда папа вдруг заплакал, сын, неожиданно для себя, почувствовав какую-то щемящую жалость, вдруг предложил:

– Папа, давай возвращайся к нам вместе с Колькой!

Отец на полуслове прервал свой, казалось, нескончаемый монолог, даже протрезвев, спросил:

– А как же мама, она согласна? – и посмотрел на сына.

– Ну, не знаю, – задумался ненадолго тот и продолжил. – Я с мамой поговорю, постараюсь её убедить, только ты не пей больше, пожалуйста, хорошо?

Отец поспешил ответить:

– Да я, да я… Ты не подумай, что… Я ведь это так, вообще-то я не пью, ну, то есть, не часто. Поговори сынок с мамой, мы, знаешь, как заживём вместе!

Они ещё беседовали какое-то время, говорил-то в основном отец. О том, что они будут делать, как будут вместе отдыхать летом в лесу, где он давно приметил хорошее место на чудном, богатом разными ягодами полуострове, на берегу небольшой речки, в которой они будут ловить рыбу.

Дима, вспомнив про школу, вскочил с кровати, поглядел на часы, стоявшие на этажерке, и, всплеснув худыми ручками, воскликнул:

– Ой, папа, мне в школу пора, надо ещё успеть добежать, не опоздать!

Он схватил портфель и выскочил из комнаты, следом за ним вышел отец. С трудом сохраняя равновесие, он нагнулся к нему, положив тяжёлые руки на его хрупкие плечи и поцеловав, проговорил:

– Ты, сынок, с мамой не забудь поговорить, хорошо? Ну, беги давай, – и выпрямился, снимая руки с его плеч.

Подросток, закрыв дверь на замок, побежал. Этот день в школе он провел рассеяно, разговор с отцом сильно взбудоражил его, он с нетерпением ждал окончания занятий. Время тянулось нестерпимо медленно, наконец, уроки закончились, и он вернулся домой.

***

Вечером, пока мама готовила ужин, сын ходил вокруг неё, мешался под ногами и всё никак не мог начать разговор. Наконец, мама сама не выдержала и начала разговор первой.

– Детка, что ты сегодня трёшься вокруг меня, на улицу не бежишь, что-нибудь случилось? В школе, что ли, неприятности? А ну-ка, говори!

– Да нет, в школе всё нормально, – лихорадочно соображая, с чего начать, ответил он, оттягивая время, и вдруг неожиданно выдохнул: – Папа сегодня приходил, – и замолчал.

– Ну, и что? Приходил и приходил, – безразличным тоном ответила мама, занимаясь своими делами.

– Пусть папа с Колькой к нам возвращаются, – выдавил сын с облегчением.

– Что-о-о? – с удивлением воскликнула она и внимательно посмотрела на него.

Тут Диму прорвало, и он торопливо заговорил:

– Мамочка, он так хочет к нам вернуться, плакал, мне так его жалко. Мамочка, ну, пожалуйста, пусть возвращается!

– Детка, он же нас бросил, ему было не жалко! Я столько слёз выплакала, а теперь мы его должны пожалеть? Нет, вот к кому ушёл, пусть там и живёт, мы как-нибудь обойдёмся без него! Видишь ли, тяжело ему стало. Пусть теперь он помучается, – в голосе мамы проскользнули злые металлические нотки.

– Мамочка, ну, прости его, пожалуйста, прошу тебя, – со слезами на глазах, теребя её за подол, всхлипывал сын.

Она растерялась.

– Не надо, не плачь, детка, – успокаивала она, теребя руками его шевелюру. Дима заплакал навзрыд. – Ну, ладно не расстраивайся, обещаю с ним поговорить. Хорошо, договорились? – смягчившись, тихо спросила она. Сын поднял на неё полные мольбы, широко открытые, пронзительно-зелёные, большие глаза. – Ну, всё, давай садиться за стол, пора ужинать, – предложила мать.

Молча, поели. На Диму свалилась какая-то усталость, он разделся и лёг спать, но долго не мог уснуть. Перед закрытыми глазами всплывали: густой-густой лес, загадочная речка, многочисленные стайки рыб, слышался гомон птиц. Под эти видения он и уснул незаметно.

***

Через неделю комната Снегирёвых наполнилась суетой. Рядом с привычным для взора вещевым комодом появился большой деревянный сундук. Когда Дима первый раз увидел его содержимое, сознание охватил уважительный трепет. Такого количества всевозможных столярных и слесарных инструментов он никогда и нигде ещё не видел. Здесь было столько всего

необычного, можно сказать, изящного, даже в школьной мастерской не было такого многообразия инструментов. Каждый из них имел своё, строго определённое ему место – ячейку. Они были продумано сделаны, как в самом сундуке, так и на внутренней стороне его верхней крышки, таким образом, что при необходимости можно было без труда, не теряя лишнего времени, достать нужный инструмент, не перекладывая и даже не затрагивая другие. Рядом с сундуком стоял небольшой, плоский ящик, сработанный из дерева. Если откинуть верхнюю крышку и лицевую стенку, то взору открывались ряды ниспадающих ступеней с многочисленными ячейками, заполненными разноцветными тубами масляных художественных красок. По обе стороны от них размещались вертикальные пеналы, в которых уместились художественные кисти различного калибра. Внутренняя поверхность лицевой стенки, когда она откидывалась, выполняла роль палитры для смешивания красок. На задней стенке свисали заплечные лямки из толстого грубого брезента.

Появились в доме и музыкальные инструменты: гармошка, баян, аккордеон, кожаные меха которых источали дразнящий запах, сверкали перламутром многочисленные кнопки и клавиши. Нашла своё место на стене семиструнная гитара.

Когда вечерами папа брал в руки какой-нибудь музыкальный инструмент, комната наполнялась волшебными мелодиями. Играл он виртуозно, одинаково хорошо ему удавались, как незатейливые народные, так и другие мелодии. Особенно необычно было слышать в его исполнении на гитаре классические произведения, например, такие, как «Полонез Огинского».

Музыкальные инструменты магически притягивали к себе, возникало непреодолимое желание потрогать, погладить их и поиграть! Казалось, чего проще, нажимай на кнопки и клавиши, растягивай меха или перебирай пальцами струны, как это свободно, даже не глядя на руки, делает папа. Но, когда, с его великодушного разрешения, а порой и без спроса, Дима с вожделением, беря в руки какой-нибудь инструмент, пытался выжать из него какое-нибудь подобие мелодии, неизменно получалось несуразное рычание, визжание, бренчание – в общем, какофония какая-то, ничего общего не имеющая с музыкой. После очередной неудачи подросток огорчённо вздыхал, ставил на место инструмент и на несколько дней охладевал к нему. Отец только посмеивался над детьми, наблюдая за их бестолковыми потугами, но однажды вдруг предложил обучить игре на любом музыкальном инструменте, какой выберет каждый из них сам. Мама изъявила желание научиться играть на гитаре, Коля – на мандолине, а Дима – на балалайке.

Каждый выбрал инструмент из каких-то своих соображений. Димин выбор объяснялся просто. Всего три струны, инструмент небольшой, чего проще! Были куплены недостающие мандолина и балалайка, все приступили к освоению музыкальной грамоты. Теперь по вечерам все дружно усаживались со своими инструментами и под руководством главы семейства старались выводить нотные звуки. Очень быстро Дима понял, что с налёту эту технику не осилить. Пальцы на грифе балалайки белели и немели от прижимных усилий, их подушечки горели от струн. Тем не менее, вместо ожидаемого звонкого звука получалось какое-то глухое бренчание, даже не бренчание, а какой-то утробно противный, дребезжащий звук. Раньше всех к занятиям охладела мама. Если сначала она добросовестно старалась выполнять указания и с прилежанием каждый вечер осваивала технику игры, то чем дальше, тем реже брала в руки гитару. Потом и вовсе, по-видимому, решив, что такое титаническое упорство достойно лучшего применения, уже и не делала попыток возобновить занятия. Впрочем, у неё и без этого вполне хватало домашних, более насущных хлопот.

Братья долго не сдавались. С горем пополам осилив нотную грамоту, они даже научились кое-как играть одну песенку и по вечерам старательно дуэтом выводили: «Во саду ли, в огороде…» На большее их не хватило и они постепенно забросили изнурительные для них занятия. Дима перекинулся, было, на аккордеон. При игре на нём не было необходимости мучить пальцы. У него даже через некоторое время стало получаться что-то наподобие музыки,

но, когда дошло дело до аккордов, пальцы упорно не могли взять нужную комбинацию, и он счёл за благо прекратить бесперспективные занятия. Окончательно заброшенные музыкальные инструменты немым укором напоминали о позорной капитуляции горе-учеников, а им самим оставалось довольствоваться ролью слушателей, когда тот или иной инструмент брал в руки отец семейства.

***

1961-ый год ознаменовался двумя серьёзными событиями. Одно из них – денежная реформа, которая взбудоражила всю страну, особенно много эмоций, и не только их, она вызвала у детей. Те, кто постарше и сообразительней, не в лучшем понимании этого слова, воспользовались ею, отнюдь, не в бескорыстных целях. Тактика их поведения не отличалась особым изощрением. Увидев у младших ребятишек, например, новенькую двадцатикопеечную монету, новоявленный Остап Бендер предлагал обменять её на рубль старого образца. Не осознавая подвоха, малыш нередко соглашался на далеко не равноценный обмен. Эта сделка стоила ему горючих слёз, когда оказывалось, что рубля не хватало на любимое мороженное или на билет в кино. Нередко такие неравноценные обмены заканчивались нешуточными потасовками среди детей и даже ссорами родителей конфликтующих сторон.

В результате денежной реформы советский рубль потяжелел в десять раз и обогнал американский доллар, что немедленно было обыграно в сатирическом журнале «Крокодил», на обложке которого возмужавший советский рубль уверенно давал пинка испуганному американскому доллару. Когда хождение дореформенных денег было прекращено, ещё долгое время на улице можно было увидеть россыпи старых невостребованных монет, а мальчишки нередко успешно подкладывали их кондукторам в автобусах или подслеповатым старушкам, продающим семечки.

Второе знаменательное событие – запуск первого в мире космонавта на околоземную орбиту, ворвалось в анналы великих достижений мирового значения.

В этот солнечный весенний день братья с отцом возвращались с рыбалки. Они поднимались на высокий берег Болдина – широкого русла Оби под Барнаулом. В этом месте левый берег реки, как огромная гряда возвышается над водной гладью. Тропа, петляя, бежит вверх почти километр по крутому склону. Когда половина пути была уже позади, сверху из радиорепродуктора донёсся раскатистый голос знаменитого Левитана:

«Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! 12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник „Восток“ с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника „Восток“ является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич…»

Дима, ещё до конца не осознав смысл произошедшего события, остановился и вопросительно посмотрел на отца. Репродуктор продолжал торжественно греметь голосом Левитана, Дима смотрел на отца и увидел, как наполняется восторгом его лицо. Наконец, отец, бросив на землю удочки, подхватил его на руки, высоко поднял вверх и радостно воскликнул: «Дети, вы понимаете, что произошло вы понимаете?! Наши в космосе, первые в космосе!» Они с восторгом закричали, Коля запрыгал на месте, широко размахивая руками. Отец опустил сына на землю, подхватил удочки и они, уже не чувствуя усталости, которая как будто растворилась куда-то, с удвоенной энергией поспешили наверх.

Пока они добирались до дома, в автобусе у многих пассажиров светились радостью лица, все обсуждали неожиданную новость, разговоры не смолкали всю дорогу. По радио, на время, заслонив все остальное, почти беспрерывно обсуждалось свершившееся уникальное событие.

Когда Дима пришёл в школу, первое, что увидел – это огромную стенгазету, посвящённую первому полёту человека в космос. На учебном фронте у него, между тем, дела пошли хорошо и даже очень хорошо. Если в первом полугодии первого класса ему приходилось довольствоваться в основном тройками, то уже четвёртую четверть закончил без троек, то есть вышел в ударники, как тогда называли таких учеников. Со второго класса он и вовсе вышел в круглые отличники, его одним из первых в классе приняли в октябрята и стали ставить в пример другим ученикам, что, конечно, льстило детскому самолюбию.

***

Николай Дмитриевич решил построить для хозяйственных нужд приличный сарай. Хозяйственная постройка у Снегирёвых вообще-то уже имелась, но была совсем небольшой, притулилась на самом краю оврага, подобравшегося к ней вплотную за несколько лет. К тому же, этот сарай использовала для своих нужд соседка, проживающая напротив их комнаты. Она была одинокой женщиной средних лет, внушительно полной. На месте правой ноги, начиная с места повыше колена, у неё был простенький, конусообразный деревянный протез. Женщина была добрая и ласковая с детьми. Время от времени дарила Катерине простенькую одежду для детворы. Тётя Рая была хорошей портнихой, выполняла заказы для желающих что-нибудь сшить или просто обновить. Эти заказы были для неё неплохим подспорьем к небольшой пенсии по инвалидности. Приторговывала потихоньку она и самогоном, который гнала из бражки, настоянной на сушёных черносливах. Однажды жертвой отходов от бражки, выброшенных ею в овраг, стал петух, наклевавшийся их. Начисто потеряв ориентацию после хмельной закуски, он выписывал невероятные кренделя, бегая по двору, пугая кур из своего гарема, и даже кидался на беспризорных собак, попадавшихся на его пути. Те предпочитали не связываться с хмельным забиякой и, ворчливо огрызаясь, сторонились его. В конце концов, видимо, окончательно захмелев, он свалился у одного из сараев и уснул мертвецким сном. Для жильцов дома, включая Колю и Диму, по мере сил помогавших отцу строить новый сарай, в этот день распоясавшийся петух сотворил бесплатное и очень юморное представление.

Сарай, профессионально возведённый отцом по всем правилам строительного искусства из добротных деревянных щитов, выгодно выделялся на фоне окружающих его построек. При этом, Николай Дмитриевич, всегда отличавшийся щепетильной честностью, строительные материалы приобрёл недёшево у частных лиц, не подумав использовать немалые свои служебные возможности прораба крупного строительного треста. Даже достаточно внушительный погреб внутри сарая он вырыл и оборудовал собственными руками, если не считать толики помощи на подхвате своих сыновей. Вокруг стройки постоянно крутился Трезор уже преклонного возраста, удивительно умный и добродушный пёс – небольшая дворняжка огненно рыжей масти. Удивительно было наблюдать полную идиллию, когда он ел из одной тарелки одновременно с дымчато-полосатой кошкой.

Однажды Дима из открытого окна комнаты наблюдал забавную картину. Во двор заехала грузовая машина с будкой на месте кузова. Трезор в это время спокойно прогуливался по двору. Машина остановилась, из кабины вышли двое мужчин с большими сачками в руках. Специалисты по отлову бродячих собак и кошек направились в сторону Трезора. Заметив преследователей, тот остановился и сел, повернувшись головой в их сторону. Мужчины подошли к нему уже совсем близко и, видимо, уже предвкушали лёгкую добычу, но не тут-то было! Пёс, как бы нехотя, встал и, не торопясь, засеменил в сторону сараев, но, пробежав немного, остановился и вновь сел. Такая процедура повторилась несколько раз, пока собака не скрылась в нешироком проходе между рядами сараев. Обозлённые таким издевательством охотники, видимо, решили обязательно изловить наглеца и разделились. Один из них пошёл следом за собакой, другой решил обогнуть сараи с противоположной стороны и перекрыть псу

путь выхода. Все участники занимательного действа на некоторое время выпали из поля зрения Димы. Вдруг он неожиданно увидел огненно-рыжего Трезора, бегущего по крышам длинного ряда сараев в сторону дома, за ним с сачком в руке бежал один из преследователей, вдруг последний неожиданно исчез, вероятно, провалился. Пёс, благополучно достигнув края сараев, спрыгнул, пробежал немного по земле, остановился и сел, повернувшись мордой в сторону преследователей, которые показались в проходе, один из них сильно хромал. Увидев сидящую впереди злополучную собаку, они смачно выругались, один из них кинул в сторону неуловимого пса камень, подвернувшийся под руку, но промахнулся. Трезор продолжал сидеть, как изваяние. Горе-специалисты, махнув рукой на неуловимого пса, сели в машину и укатили, не солоно хлебавши. Трезор продолжил свою прогулку по опустевшему двору. Этот удивительно умный пёс был неистощимым выдумщиком на неожиданные представления и не раз доставлял удовольствие наблюдать за ним, жаль только, что недолог собачий век. Наступил конец и его жизни, он сдох тихо во сне, так и не проснувшись однажды. Дети очень переживали потерю верного друга. Вскоре отец на радость им принёс домой щенка. Это был забавный карапуз, стоячие уши и достаточно мощные передние лапы выдавали в нём, если и не совсем чистопородного пса, то никак не дворняжку. Отец сказал детям, что это восточно-европейская овчарка, собаке дали кличку Верный. Он рос быстро, что было не мудрено, аппетит у него был потрясающий! Через год забавный щенок превратился в рослого, красивого пса. Хорошо ещё, что мама работала в столовой, дети регулярно ходили к ней с восьмилитровым бидоном и возвращались домой с отборными отходами пищи, оставленной посетителями столовой. Держать дальше выросшего пса в комнате Катерина категорически не разрешила, дети собственноручно смастерили у сарая просторную будку, настолько просторную, что сами вместе с собакой помещались в ней. Однажды, когда Дима сидел вместе с Верным в конуре, вдруг обратил внимание, что на губах раскрытой пасти собаки имеются какие-то непонятные образования. Они были чем-то похожи на бородавки, такие же на вид постоянно образовывались на его собственных руках и ногах. Дима решил удалить их, сбегал домой за маминым пинцетом и принялся методически выщипывать непонятные образования. Верному эта процедура явно не нравилась, его губы изрядно кровоточили, и он, не выдержав такой экзекуции, сбежал из будки от новоявленного ветеринара. Откуда было знать Диме, что он выщипывал, отнюдь, не бородавки, а вкусовые рецепторы собаки! Хорошо ещё, что в результате этой болезненной для собаки процедуры, Верный не покусал его, да, и сам подросток, слава Богу, уже больше не возобновлял попыток закончить неприятную для собаки экзекуцию.

***

В доме, где жили братья, поселился пожилой мужчина, он был инвалидом, на месте одной из ног он носил деревянный протез. У него была собственная машина – горбатый «Запорожец». Это было огромным событием для детей, да, наверно, не только для них. Личная машина была редким явлением по тем временам. Кроме того, у инвалида была огромная собака непонятной породы. По внешнему виду она напоминала овчарку, но по величине просто несопоставима даже с довольно рослым Верным. Это был удивительно спокойный пёс, он разгуливал по двору, не обращая ни на кого внимания. Другие собаки, попадавшиеся на его пути, увидев такую громадину, истошно визжа и поджав хвосты, стремительно уносились прочь от неё. Дети сначала почтительно сторонились не в меру рослой собаки, но затем, постепенно осмелев, стали заигрывать с ней, пёс снисходительно принимал ласки. Дети постоянно донимали его, пытаясь покататься верхом, и так надоели ему, что тот стал сам сторониться их. На ночь хозяин оставлял собаку в «Запорожце», который стоял во дворе дома, она с трудом помещалась в нём.

Однажды утром все стали свидетелями забавного представления. Когда хозяин открыл дверь машины, находившиеся рядом зеваки увидели за рулём испуганного молодого человека,

сзади над ним нависла огромная голова собаки. Что испытал незадачливый воришка ночью в компании с таким монстром, известно только ему самому. Когда хозяин вызволил его из добровольного плена, молодой человек имел жалкий вид. Испуганный до бледноты на лице, в мокрых брюках и с крайне неприятным запахом, исходившим от него, он даже не пытался оправдываться, только дрожащим голосом просил не выпускать из машины собаку. Хозяин пожалел молодого человека и отпустил его с миром, решив, что тот и так достаточно наказан ночным сообществом с грозным псом.

К инвалиду не один раз приходили сотрудники милиции с предложением продать им удивительного пса, тот неизменно отказывал, о чём, наверно, пожалел, когда однажды собаку застрелили из ружья во время мирной прогулки пса на пустыре за оврагом, на котором к этому времени разрасталось стихийное строительство частных домов. Чего только не предпринимали местные власти, чтобы прекратить самовольное строительство, но застройщикам просто негде было жить, и они продолжали возводить строения. Постройки сносили бульдозерами, но люди, обивая пороги различных инстанций, продолжали строить, чиновники не сдавались. Наконец, власть имущие, устав от бесконечных тяжеб и жалоб, приняли решение, что дома со сложенной печью и трубой сносу не подлежат. Люди нашли ответный ход, строительство начиналось с кладки печи и трубы. Власти, наконец, смирились и узаконили строительство, после чего дома на пустыре стали расти, как грибы после дождя, а жителям близлежащих многоквартирных домов скоро пришлось разбивать свои огороды уже за застроенным пустырём, который в простонародье окрестили Нахаловкой.

***

От общения с беспризорными кошками у братьев на головах образовались стригущие лишаи. В больнице их постригли наголо и провели медицинское облучение, а затем начались большие неприятности, когда их головы стали намазывать йодом. Едкая жидкость жгла невыносимо, детям после каждой процедуры приходилось бегать по двору, чтобы обтекающий во время бега воздух хоть немного приглушал острое жжение. Однако это были цветочки, по крайней мере, для Коли. Как-то, когда ещё не был окончен курс лечения, братья вместе с друзьями по двору пошли купаться на Обь. Дима ещё плохо умел плавать, поэтому он не рискнул купаться в этой глубокой с быстрым течением реке и ограничился тем, что бродил по колено в воде на мелководье. Старший же брат купался, нырял с удовольствием и поплатился за это.

На следующий день после злополучного купания в реке у него по всей остриженной части головы стали образовываться крупные шишки, которые, вызрев, стали прорываться гноем. Голову стали покрывать мазью и забинтовывать. Когда периодически снимали прилипшие бинты, для Коли начинались настоящие мучения, от боли он жутко кричал, а отец, снимая повязку, приговаривал: «Терпи, казак, атаманом будешь!»

Младший брат с содроганием наблюдал за ужасно болезненной процедурой и благодарил Бога, что его миновала такая участь. После всех этих мучений Коля возненавидел беспризорных кошек так, что все его последующие встречи с ними заканчивались для бедных животных трагедией. Долгое ещё время, завидев Колю, кошки, стремглав, с ужасом в глазах убегали от него. Они получили передышку от преследования, когда отец вместе со своими сыновьями, захватив с собой Верного, на целый месяц уехали отдыхать в Бобровку.

***

Путешествие до места отдыха было приятным и увлекательным. Началось оно необычной прогулкой на теплоходе – речном трамвае по полноводному руслу Оби и продолжалось

более двух часов. Братья впервые в жизни испытали такое удовольствие. Сначала они обосновались на нижней палубе, и с удовольствием наблюдали через иллюминаторы за проплывающими мимо необычными картинами меняющихся пейзажей. Усидели на нижней палубе они недолго, при встрече с первым речным судном, взяв с собой Верного, выбежали на верхнюю палубу и уже с неё не спускались до прибытия в конечный пункт водного путешествия. Свежий речной воздух в летний день приятно освежал. При сближении на встречных курсах, речные суда приветствовали друг друга протяжными гудками. С проходящих мимо теплоходов доносились музыка и песни, пассажиры противоположных сторон взмахами рук приветствовали друг друга, особенно впечатляющими были встречи с крупными многопалубными теплоходами, заполненными многочисленными пассажирами на палубах, и трудягами-буксирами, за которыми тянулся внушительный шлейф увязанных плотов из брёвен.

Пологие берега сменялись высокими обрывами с группами деревьев и зарослями кустарника, которые порой отчаянно цеплялись корнями за ускользающую от многочисленных подмываний кромку берега. Время от времени на пологих берегах появлялись многочисленные стада крупнорогатого скота и отары овец. Нередко встречались рыбаки на лодках или на кромке берега. Иногда речной трамвай после продолжительного гудка пришвартовывался к очередной пристани у населённых пунктов. Пассажиры теплохода, прибывшие на место, сходили на берег, на смену им на палубу поднимались другие. Речной трамвай, отшвартовавшись, издавал гудок и продолжал свой намеченный путь. При подходе к очередной пристани с нижней палубы к братьям поднялся отец, известив, что здесь им нужно сходить на берег. Захватив с нижней палубы багаж и велосипед, направились к месту схода. Речной трамвай, издав традиционный гудок, причалил к пристани Бобровка. Николай Дмитриевич с детьми и собакой сошли на берег. Отец, закрепив на велосипеде багаж, направился с ним по неширокой грунтовой дороге, которая с небольшим подъёмом бежала в расположившуюся невдалеке деревню. В центральной её части глава семейства остановился у небольшого сельского магазина, оставив детей на улице, вошёл в продмаг и вскоре вышел с несколькими буханками белого хлеба, которые, в отличие от городского «кирпича», были раза в полтора больших размеров, верхняя часть буханки выглядела пышнее и привлекательней. Когда Дима взял в руки отрезанный отцом ломоть хлеба, то обратил внимание на непривычно крупную его ноздреватость, а, попробовав, ощутил кисловатый привкус свежеиспеченного деревенского хлеба.

Когда селение осталось далеко позади, Николай Дмитриевич немного ускорил ход велосипеда, пришлось прибавить и детям, чтобы не отстать. Верный, сильно натянув поводок, устремился вдогонку за велосипедом. Коля, не в силах уже сдерживать его предоставил ему свободу. Верный рванулся вперёд, обогнал велосипед, пробежал далеко по дороге, внезапно остановился, посмотрел назад, свернул в сторону соснового бора, вплотную обступившего дорогу с обеих сторон, и скрылся из виду. Через некоторое время он также внезапно, выскочив из леса, но уже позади путников, догнал, затем обогнал их. Заметив водную гладь старицы недалеко от дороги, пёс устремился к ней, с разбегу влетел в водоём, подняв разлетевшиеся в стороны брызги, стал жадно лакать живительную влагу. Утолив жажду, выскочил из старицы, интенсивно отряхнулся от воды и кинулся догонять ушедших вперёд хозяев. Внезапно Николай Дмитриевич остановился, слез с велосипеда, подождал, пока подтянутся дети, и сошёл с дороги в лес, ведя велосипед рядом с собой. Они шли едва заметной тропой сначала по сосновому бору, который затем плавно перешёл в смешанный лес с многочисленными, густыми кустарниками малины, смородины; нередко на пути попадались деревья черёмухи с раскидистыми ветвями, прогнувшимися от тяжести многочисленных ягод. Лес жил своей привычной жизнью, полной запахов, многоголосий птиц и лесных зверьков. Верный, обезумев от дразнящих лесных запахов, носился кругами между деревьями и кустарниками, вспугивая затаившуюся живность. С лаем, переходящим в восторженный визг, кинулся он за полосатым бурундуком, стремительно взлетевшего от него по стволу сосны и замершего на безопасном расстоянии. Пёс

не унимался, подпрыгивая на задних лапах, царапал когтями передних лап по стволу дерева и отчаянно лаял, задрав вверх полуоткрытую зубастую пасть.

Спустя два – три часа после схода на пристань, путешественники, наконец-то, прибыли на место назначения. Оно располагалось в глубине смешанного леса, куда, казалось, не ступала нога человека. Излучина небольшой лесной речки образовывала довольно внушительный полуостров, на котором лес подступал к самому краю обрывистого берега. Недалеко от берега, нарушая идиллию необитаемых человеком мест, полусферой возвышался рукотворный шатёр, покрытый зелёным брезентом. Этот шатёр Николай Дмитриевич соорудил заранее, использовав в качестве каркаса два небольших ореховых дерева, удачно подошедших для этой цели. Наклоненные и привязанные друг к другу их раскидистые кроны после удаления лишних ветвей образовали необходимую конструкцию, поверх которой был натянут брезент. Верный первый ознакомился с внутренней частью шатра и, по-видимому, убедившись, что хозяева намерены здесь остановиться, неспешно побежал обследовать близлежащую территорию. Глава семейства стал разбирать привезённый багаж, послав детей заготовить для костра сухой валежник. Пока он обустраивал внутреннюю часть шатра привезёнными вещами, дети натаскали большую кучу хвороста. Отец развёл костёр в оборудованном месте и повесил над огнем котелок с водой, принесённой из речки. Вскоре обед из пшеничной каши, заправленной салом, был готов. Дети с удовольствием накинулись на аппетитную, пахнущую дымком костра кашу, поглощая, при этом, вкусный деревенский хлеб. Когда они управились с кашей, уже был готов чай из свежих смородиновых листьев, сорванных с кустов, в изобилии здесь произраставших. Напиток получился душистый с необычайным привкусом. Верный, изрядно набегавшись по окрестностям, до блеска вылизал свою большую миску с кашей. Покончив с обедом, дети отправились осматривать близлежащие окрестности, а отец, смастерив удочки, пошёл на речку. Разгуливая по полуострову и вдоволь налакомившись лесными ягодами, братья спустились к реке, прогуливаясь вдоль берега, наткнулись на отца, увлечённого рыбалкой. К этому времени в ведре у него плескалась разнорыбица, заполнив его уже до половины. Здесь были: усатые пескари продолговатого вида, сверху зеленовато-бурого, с боков серебристого цвета с тёмными крапинками; краснопёрки с ярко-красными плавниками, высокими боками желтовато-золотистого отлива, коричневато-зелеными спинками и оранжевыми глазками; чебаки, внешне похожие на краснопёрку красноватыми нижними плавниками, но с не столь высокими серебристыми боками, тёмными спинками и такими же спинными плавниками; зеленовато-полосатые окуни с острыми спинными и красными нижними плавниками. На их фоне, небольшая стреловидная щучка выглядела сравнительно крупной рыбиной. Дети, с восторгом рассматривая улов, бросая односложные реплики, невольно поднимали шум в неподходящем для этого месте. Отец недовольный поднятой шумихой, тихо бросил им: «Так, посмотрели? И довольно. Отойдите по течению дальше, марш отсюда!

Дети притихли и пошли вниз по течению. Следом за ними увязался Верный. Пройдя метров двести, они остановились, сняли нехитрую одежду и стали резвиться в речке. Верный крутился возле них, нарезая круги на воде, подплывая к ним, царапался когтями передних лап. Мальчишки отгоняли его, брызгали в его голову водой, черпая её ладошками. Пёс фыркал, отплывал в сторону, а, улучшив момент, возвращался, и всё повторялось вновь. День был солнечный, жаркий. Из освежающей речной воды не хотелось выходить. Вдруг Дима почувствовал на боку внезапный острый укол. Он машинально хлопнул по месту укуса ладошкой и ощутил что-то под пальцами. Осторожно, стараясь не упустить это «что-то», он, сжав кулачок, поднёс его к своему лицу и начал разжимать перед собой.

– У-у-у, вот это муха, огромная какая, мохнатая, а глазища-а-а!

– Это слепень, – авторитетно заявил брат и, усмехнувшись, спросил участливо: – Больно?

– А то, – болезненно сморщившись, ответил тот и, потрогав пальцами руки место укуса, воскликнул: – Гля, какой шишак вскочил.

Коля, забрав у брата слепня, оторвал полосатое брюшко, поднёс его к своим губам и стал потихоньку посасывать.

– Фу, ты чего это? Такую гадость …, – сморщив нос, брезгливо проговорил братишка.

– Сам ты гадость, знаешь, сладенькое, как мёд, – парировал тот и кинул останки слепня в речку.

Не успели они проплыть по течению и нескольких метров, как на их месте случился всплеск, после чего на водной глади остались лишь расходящиеся круги. В это время над их мокрыми спинами закружили несколько прилетевших сородичей исчезнувшей мухи. Братья, отмахиваясь от них руками, поднимая брызги воды, побежали к берегу и стали быстро одеваться.

– Ну, их, пойдём лучше в шалаше посидим, – одеваясь, предложил Коля.

– Угу, – согласился брат.

В это время из речки выбрался Верный и, подбежав к ним, стал отряхиваться, окатывая их брызгами воды с ног до головы. «Верный, пошёл отсюда!» – отчаянными возгласами, размахивая руками, гнали они его от себя и, наконец, кое-как одевшись, побежали к шалашу. В нём после полуденного зноя было прохладно и уютно. Братья кувыркались на мягкой подстилке, за этим занятием их и застал вернувшийся с рыбалки отец.

Вскоре, весело потрескивая, заплясал языками пламени костёр. Николай Дмитриевич повесил над ним котелок с речной водой. Пока она кипятилась, отец принялся за приготовление ухи на ужин. Почистил несколько картофелин, две головки лука, небольшую морковку. Мелко порезал лук, морковку, петрушку; картофелины разрезал на четыре части. Всё это заложил в подсоленный кипяток, добавил партию неочищенной мелкой рыбёшки. Минут через двадцать выловил рыбу из котелка с бурлящим наваристым бульоном, отправив её в другую ёмкость для собаки. Снял пену, положил несколько лавровых листьев, петрушку, несколько горошин чёрного перца. Прокипятив бульон минут пять и, подкинув в костёр пищу для спадающего огня, опустил в котелок вторую партию рыбы, уже вычищенную и крупно порезанную. Минут через пятнадцать, подсыпав петрушку и укроп, снял котелок с огня, закрыл его крышкой и поставил на землю немного настояться. Уха получилась ароматная, аппетитная и вскоре совместными усилиями была подчистую поглощена.

День за днём пролетало время добровольного лесного отшельничества, насыщенное повседневными вылазками братьев в окрестности разбитого лагеря. Временами отец на своём велосипеде отлучался в деревню для восполнения иссякших запасов продовольствия. Дети, загоревшие, жизнерадостные целыми днями пропадали либо на речке, купаясь, либо, исследуя многочисленные колонии речных куликов, разместившихся в гнёздах-норах по обрывистым берегам. Бродили в различных уголках леса, лазая по деревьям и продираясь по кустам, поглощая до оскомины во рту ароматные лесные ягоды. В сырых впадинах лесного массива братья обнаружили густые заросли громадных папоротников, из толстых полых стеблей которых они наловчились делать насосы и, набирая ими речную воду, с восторгом устраивали водяные перестрелки между собой, а то изобильно поливали упругими струями Верного. Бедному псу до того надоели эти водные процедуры, что он, завидев озорных охотников с насосами в руках наперевес, недовольно ворча, пускался от них наутёк.

***

К великому сожалению братьев, наступил день, когда их лесная эпопея подошла к концу. Покинув насиженное место в глухом лесу, они с отцом отправились домой, в город.

Проходя деревню, отец неожиданно для детей завернул в один из дворов, судя по разговорам отца с хозяевами подворья, гостей здесь ждали. Братья и не подозревали, какой сюр-

приз им приготовил отец вместе с хозяевами дома. В избе в разгар лета издавала жар большая русская печь.

– Ну что, пострелы, купаться будем? – неожиданно предложил подросткам хозяин дома и продолжил, хитро подмигнув. – В печке когда-нибудь купались?

– В пе-е-чке?! – недоумённо взглянув друг на друга, ожидая какого-то подвоха, хором переспросили братья.

– Давайте раздевайтесь шустрее, да полезайте в печь, – скомандовал хозяин и открыл большую металлическую заслонку, за которой перед их взором открылось жерло печи, пол которой был застлан соломой. Раздевшись, братья в нерешительности переминались с ноги на ногу. Хозяин уверенно подсадил их одного за другим к зияющему проёму. Подростки осторожно, стараясь не задеть края входа, ползком проследовали вовнутрь печи, уселись на корточки и с интересом стали осматривать ограниченное пространство. Внутри печи было не очень комфортно, но вполне достаточно места для них обоих, чтобы не мешать друг другу, не задеть стены и свод, прокопчённые до черноты. Первым впечатлением было, что они находятся в парной бане, разморенная солома под ногами источала специфический кисловато-сладковатый привкус. Рядом стояли две деревянные шайки, наполненные умеренно горячей водой. Около них лежали кусок мыла и мочалка. Быстро освоившись в столь необычной обстановке, братья приступили к водным процедурам, тем паче, что достаточно жаркая атмосфера в печи располагала к этому. Закончив купаться, они, раскрасневшиеся и пропахшие разопревшей соломой, вылезли из печи. К этому времени их уже ждал накрытый стол. Подкрепившись у гостеприимных хозяев, гости попрощались с ними и вскоре уже отчаливали на речном трамвае от пристани.

Глава 3

В стране продолжалась хрущёвская оттепель, проходили крупные экономические и политические реформы.

На XXII съезде КПСС в октябре 1961 года была принята новая программа партии, которая предусматривала к 1980 году создание материально-технической базы коммунизма. В 1962 году была проведена реорганизация партийного аппарата, в каждой области (крае) появилось по два обкома (крайкома) – один по промышленности, другой по сельскому хозяйству, были образованы территориальные совнархозы.

Страна переживала противоречивый период. Наряду с крупными успехами в науке, промышленности, жилищном строительстве, медленно развивалось производство потребительских товаров, экономические трудности в сельском хозяйстве совпали с неурожаем 1963 года. Начались серьёзные перебои с хлебом, страна впервые была вынуждена закупать зерно за границей. Назревал политический кризис в руководстве страны и в октябре 1964 года Хрущёв был смещён со всех партийных и государственных постов. Первым секретарём партии стал Леонид Брежнев, председателем правительства – Николай Косыгин. Начался новый, почти двадцатилетний период, который впоследствии окрестили эпохой застоя.

***

Значительные перемены произошли в семье Снегирёвых. После очередного медосмотра у сорокатрёхлетнего Николая Дмитриевича был выявлен туберкулёз лёгких. Начались регулярные, два раза в год профилактические осмотры всех членов семьи.

Однажды после посещения туберкулёзного диспансера глава семейства пришёл домой. Дима в это время готовил домашнее задание и обратил внимание, как отец решительно достал с верха платяного шкафа большую картонную коробку, доверху наполненную пачками с сигаретами «Памир», которые он всегда курил и очень много, до четырёх пачек в день. Однако коробка была всегда полная, так как отец, каждый раз, возвращаясь домой, неизменно приносил авоську, изрядно наполненную новыми пачками сигарет. Достав коробку, он вышел с ней из комнаты, сын из любопытства последовал за ним. Выйдя во двор, он увидел, как отец, разведя у края оврага костёр, поставил на него коробку с сигаретами и сжёг всё. После этого случая Дима уже никогда больше не видел его с сигаретой.

Несмотря на интенсивное лечение, туберкулёз у Николая Дмитриевича не проходил, он стал часто и помногу прикладываться к спиртному и, в конце концов, был вынужден уйти с работы в стройтресте. После этого стал перебиваться заработками преподавателя в музыкальной школе. Свободного от работы времени у него стало больше, он увлёкся написанием картин и вскоре все стены в комнате были увешаны художественными полотнами. Особенно впечатляли две картины, размерами порядка десяти квадратных метров каждая. Одна изображала огромный водопад в окружении дремучего леса, другая – тундру с оленями, чумами и оленеводами. Несмотря на успехи его картин на городских выставках, серьёзного дополнительного заработка они не приносили, финансовое положение в семье ухудшилось. Николай Дмитриевич продолжал изрядно выпивать, между супругами стали периодически вспыхивать ссоры.

***

Дима сидел дома над тетрадками, вымучивая домашнее задание, так как мысли его были далеки от этого занятия, он откровенно скучал. Из другой половины комнаты к нему подошёл брат и предложил:

– Пойдём в клуб, кино посмотрим.

– Ага, а деньги где взять?

– Вот, смотри, – брат разжал кулачок, на его ладони красовался новенький, блестящий металлический рубль.

– Во, где добыл?

– Где взял, там уже нет. В пиджаке у папки нашёл, пошли.

– Колька, а я знаю, где денег больше этого будет.

– А чего молчишь? Давай показывай.

Дима соскочил со стула, открыл платяной шкаф и вытащил из кармана маминого зимнего пальто четыре хрустящие пятирублёвки.

– Вот это деньжищи! – с восхищением глядя на такое богатство, пуская слюну, воскликнул Коля и продолжил. – Эх, если узнают родители, нам несдобровать.

– Они столько месяцев здесь лежат, с зимы, наверно, про них уже, небось, и забыли, – возразил младший брат.

– Ну ладно, давай одну возьмём, а там видно будет, может и правда, что уже забыли, – согласился Коля.

Взяв пятёрку, братья пошли в город, то есть, в другой его квартал, где были сосредоточены магазины и разные учреждения. Посмотрели в клубе кино, наелись досыта мороженного, накупили разных безделушек, деньги незаметно разошлись. На следующий день такая же участь постигла вторую пятёрку. После этого решили денька два выждать, не хватятся ли пропажи родители. Всё было спокойно. Рассудив между собой, что, потратив десять рублей, кроме полученного удовольствия, они ничего материального не приобрели, решили потратить остальные деньги с толком. Взяв ещё одну пятёрку, отправились в центральную часть города и зашли в промтоварный магазин, где долго рассматривали товары на прилавках и, в конце концов, остановили свой выбор на пластмассовом катере, который работал на батарейках. Таких игрушек у них ещё никогда не было, не раздумывая, они купили его и испытали в овраге, где был небольшой водоём, не пересыхающий даже летом.

Ещё два дня братья увлечённо занимались на там с катером, пока не сломали его. Оставалась нерастраченной последняя пятёрка. На следующий день, взяв её, они опять поехали в центр города и зашли в спортивный магазин. В нём было много интересных для них товаров, но денег на покупку большинства из них уже не хватало. Дима обратил внимание брата на фотоаппарат, который стоил ровно пять рублей. Посоветовавшись друг с другом, решили купить его. Дима заплатил деньги в кассу, отдал чек продавщице и получил заветный фотоаппарат. Когда он открыл красивый кожаный футляр, то был разочарован, тот был пуст!

– А где фотоаппарат? – воскликнул он, обращаясь к продавщице.

– Какой фотоаппарат? – удивлённо взглянув на Диму, спросила та и пояснила: – Пять рублей стоит футляр.

Подросток, поняв, что опростоволосился, заявил:

– Нет, футляр мне не нужен, заберите его назад и верните мои деньги!

Слово за слово продолжалась его перепалка с продавщицей, пока он не почувствовал, как на его плечо легла чья-то тяжёлая рука. Дима повернул голову и обомлел, около него стоял милиционер. Продавщица объяснила стражу порядка ситуацию и высказала свои подозрения по поводу наличия такой суммы денег у мальчика. Милиционеру вернули пять рублей

и он, взяв подростка за руку, направился к выходу из магазина. Испуганный мальчуган рыскал по сторонам глазами, но брата так и не увидел. Мелькавшие в голове беспорядочные мысли не предвещали ничего хорошего, он понуро шагал рядом с милиционером. «Ну что, пострел, будем всё рассказывать или пойдём в милицию разбираться? – прозвучал вопрос. Дима тяжело вздохнул, идти в милицию совсем не хотелось, да и страшно было, слёзы разом предательски навернулись на глаза и, давясь ими, он сбивчиво всё рассказал. «Поехали тогда к тебе домой, «обрадуем» папу с мамой», – подытожил страж порядка. Они сели, в стоявший у магазина милицейский мотоцикл с коляской и тронулись с места.

В комнате Снегирёвых на настойчивый стук никто не отвечал, родители находились ещё на работе. Милиционер постучал в дверь напротив, за ней послышался приближающийся характерный, глухой стук, когда он прекратился, послышался женский голос:

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста, милиция!

Звякнула щеколда, дверь открылась, на пороге стояла тётя Рая. Увидев рядом с милиционером Диму, она, всплеснув руками, воскликнула:

– Боженьки ты мой! Что же такое случилось?

– Успокойтесь, пожалуйста, страшного ничего нет, но мне необходимо поговорить с его родителями, – ответил страж порядка.

– Так они же ещё на работе. Может быть, я могу чем-нибудь помочь? – засуетилась тётя Рая.

Милиционер открыл плоскую кожаную сумку-планшет, висевший на ремешке через плечо, извлёк из неё казённый бланк, авторучку и, уточнив у женщины фамилию и инициалы отца подростка, заполнил бланк. Попросил расписаться тётю Раю на отрывном талоне и вручил ей повестку, попросив отдать её сегодня же отцу подростка. Оставил его на её попечение соседки и, попрощавшись, удалился.

Когда милиционер ушёл, тётя Рая принялась расспрашивать Диму о случившемся. Тот отвечал уклончиво, ничего толком так и не поняв, она безнадёжно махнула рукой и, сказав в сердцах: «Ладно, пусть твой отец сам разбирается!» – отпустила его. Выйдя от неё, он зашёл в свою комнату, брат уже поджидал его там, между ними завязался разговор. Рассказав всё, как было, Дима сокрушённо подытожил:

– Всё, влипли мы-ы-ы …, чего делать-то будем?

Брат пожал плечами и предложил:

– Пойдём гулять, вернёмся сегодня попозже, а там видно будет, хотя чувствую, что порки нам не избежать, пошли.

Гуляли они до темноты, оттягивая, по возможности, неприятную встречу с родителями, и когда, наконец, зашли в комнату, то угрюмый вид отца, сидевшего вместе с мамой за столом, не предвещал ничего хорошего.

– Заявились, наконец? Ну, рассказывайте, как вы родителей обворовываете, – промолвил отец, стукнув кулаком по столу. Братья, понурив головы, молчали. – Как пакостить, так герои, а как отвечать, то языки, что ли, проглотили? Кто додумался? Отвечайте! – повысив голос, продолжал глава семьи.

– Я-а-а …, – заглатывая, хлынувшие слёзы, тихо ответил Дима.

Отец тяжело встал из-за стола, прошёл мимо них к своему сундуку с инструментами, достал из него кусок электрического провода, скрутил его вдвое и, подойдя к детям, промолвил:

– Ты, – обращаясь к младшему, – ступай к маме, – и скомандовал уже старшему сыну: – Снимай штаны и рубашку.

Тот, молча, стал раздеваться. Младший брат, повиснув на руке отца с проводом, запричитал, всхлипывая:

– Папочка, не надо, не бей Колю, это же я виноват.

Отец, стараясь освободиться от цепких рук сына, ответил:

– Ничего, он старший, ему и отвечать, а ты смотри, чтобы больше неповадно было.

Дима заплакал навзрыд, мама, не выдержав, подбежала и оттащила его от мужа. Провод в руке отца стал методично опускаться на спину Коли и ниже её. Тот сначала пытался терпеть, но обжигающая боль была невыносима, и он истошно закричал. Мама, не в силах более выдержать этого зрелища, с криком: «Прекрати! Что же ты делаешь?!» – подбежав, подхватила Колю на руки и скрылась с ним в другой половине комнаты. Отец бросил на пол провод и, хлопнув дверью, вышел в коридор.

***

Каждую субботу отец с сыновьями ходили в городскую баню. В доме всегда были берёзовые веники, заранее заготовленные для бани главой семейства. Он любил попариться. Замачивал веник в тазике с горячей водой, прыскал на раскалённые камни из пузырька специально заготовленные снадобья на этот случай, надевал на голову шапочку, а на руки – рукавицы и неистово хлестал себя, сидя на полке. Выйдя из парной, опрокидывал на себя тазик холодной воды, возвращался назад, ложился на полку, просил кого-нибудь похлестать его от души и выходил из парной раскрасневшийся, парящий, с налипшими по всему телу листьями берёзы. Дети же, заскакивая иногда в парную, наглотавшись обжигающего пара, пулей выскакивали в общий зал, который после парной казался удивительно освежающим.

Сегодня была суббота, Дима с отцом только что возвратились из бани, Коля же уже второй раз подряд её пропускал. Хотя боль от порки проводом уже прошла, но следы в виде полос на спине ещё проступали достаточно зримо, и ему было стыдно показываться в таком виде в бане.

***

Дима сидел в передней части комнаты и внезапно почувствовал запах дыма, доносившийся из-за перегородки в комнате, где в это время находился брат. «Странно, – подумал он. – Вроде бы, неоткуда ему взяться, форточка закрыта». Он заглянул во вторую половину комнаты и увидел необычную картину. Брат, лёжа на полу, что-то ковырял под ребристой батареей отопления, из-под неё поднимался уже нешуточный дым.

– Что случилось? – спросил Дима.

– Да вот, уронил карандаш за батарею, никак не мог нащупать его, решил подсветить. Зажёг трубочку из бумаги, пока высматривал, обжёг пальцы, выронил огарок, он, наверное, через щель в подпол провалился. Вот теперь там и дымит и горит, кажется.

Задымление становилось всё больше, в комнате на втором этаже затопали, видимо, дым дошёл уже и туда. Дима сбегал в переднюю половину комнаты, вернулся с кружкой воды и вылил её под батарею. В это время в коридоре раздался приближающийся топот ног, Дима защёлкнул дверной, английский замок на «собачку». Коля открыл форточку и стал вылезать из комнаты, брат последовал за ним, оказавшись на улице, они, стремглав, побежали к оврагу и скрылись в нём. Пробежав несколько сот метров, остановились, облюбовали подходящее скрытное место и затаились.

Вскоре они услышали рёв пожарных машин, подождав ещё минут сорок и, сгорая от любопытства, вернулись домой. Во дворе стояли две красные пожарные машины, в конце коридора дома собрались любопытные жильцы, дверь в их комнату была открыта, дверной замок взломан. Двое пожарных в брезентовых костюмах и металлических касках осматривали место потушенного уже возгорания, пол был грязный и мокрый.

– Что здесь такое происходит? – зайдя в комнату, с деланным изумлением спросил Дима.

– Действительно, что это? – поддержал его брат.

– Вот полюбуйтесь на них! – подперев руками бока, язвительно изрекла полная пожилая женщина из комнаты, которая находилась на верхнем этаже, прямо над комнатой Снегирёвых. – Сотворили стервецы пожар и ещё спрашивают! – продолжила она, не унимаясь.

Один из пожарников, увлечённых осмотром, оглянувшись в сторону соседки и появившихся мальчишек, поинтересовался:

– А вы, кто такие?

– Мы здесь живём! – хором ответили братья.

– А где вы были?

– Мы-то? – на мгновение замешкался Коля, но, быстро совладав с собой, продолжил. – Мы в городе были.

Брат добавил:

– С утра.

В это время другой пожарник, разглядывая обгоревший толстый электрический провод, прокинутый отцом семейства вдоль стены в качестве удлинителя из одной половины комнаты в другую, изрёк:

– Всё понятно, возгорание от короткого замыкания самодельной электропроводки. Составляем акт.

После составления документа и подписания его свидетелями, пожарники, передав один его экземпляр тёте Рае для передачи хозяину комнаты – виновнику пожара, вышли из дома, и вскоре пожарные машины уехали. Нехотя разошлись и жильцы дома.

Оставшись одни, братья перемигнулись.

– Слышал, что пожарник сказал? Короткое замыкание! Акт составили, так что ни гу-гу. Мы тут ни при чём. Понял? – спросил Коля.

– Конечно, всё понятно, – передразнивая заключение пожарника, язвительно ответил Дима.

Братья повеселели, потирая руки.

Первым из родителей домой пришёл отец, окинув взором комнату, он, удивлённый вопиющим беспорядком, спросил:

– Какой это здесь Мамай прошёл?

Коля, стараясь опередить брата, протараторил:

– Мы сами удивились, приходим домой, а здесь народу полно, комната открыта, пожарники. Спрашиваем, что случилось? А пожарник говорит, что возгорание произошло от короткого замыкания самодельной электропроводки. Акт по этому поводу составили и тёте Рае его для тебя оставили.

Только успел он закончить, как в комнату вошла соседка с актом в руках.

– А вот и тётя Рая! – обрадовался Коля и обратился к отцу: – Папа, мы тут уже полдня сидим, можно нам на улицу пойти?

– Да-да, конечно, идите…, – находясь в некоторой растерянности, разрешил отец.

Братьев как ветром сдуло. На улице Коля поучал брата:

– Ты же смотри, не проболтайся, у меня до сих пор спина ещё болит, и тебе может достаться.

– Да ты что, Колька, я совсем, что ли, рехнулся? – обиделся тот.

– Ладно-ладно, на всякий случай предупреждаю, – примирительно отозвался тот.

Когда они поздно вечером вернулись домой, в комнате уже всё было чисто прибрано, за столом сидели родители, отец, вяло ковыряясь вилкой в тарелке, доедал ужин.

Увидев сыновей, он внимательно посмотрел на них и проговорил: «Давайте мойте руки и садитесь за стол ужинать, не дождёшься вас, до темноты пропадаете». Братья, не ожидая

повторного приглашения, быстро помыли руки и уселись за стол. Мать поставила перед ними тарелки с ужином, вилки и хлеб. Подростки, сильно проголодавшиеся, накинулись на еду. Воцарившуюся тишину нарушил отец:

– Какое может быть короткое замыкание? Ерунда! Это же не просто провод, а экранированный кабель. Замыкания быть не может!

– Пожарники же в акте написали, значит, так и было, – не выдержав, прошамкал полным ртом Коля.

– Акт, увы, есть, лежит передо мной. Только вот поверить я не могу, ну, просто этого не может быть! – и вдруг неожиданно обратился к сыновьям с надеждой в голосе: – Ребятки, расскажите мне правду, как это всё произошло?

Братья замерли, не поднимая глаз от тарелок. Мать, почувствовав что-то неладное, бросила тревожный взор на мужа. Тот, перехватив её взгляд, улыбнулся и с неподдельной искренностью в голосе произнёс:

– Ну, не зверь же я, не трону никого, обещаю.

Обращаясь к детям, мать с теплотой в голосе, произнесла:

– Детки, под мою ответственность, скажите папе правду.

Братья обменялись взглядами, Дима, насупившись, опустил глаза. Коля, тяжко вздохнув, с обречённостью в голосе всё рассказал.

– Ладно, теперь мне всё понятно, – выслушав сына, сказал отец и скомандовал: – А теперь бегом спать!

Дети резво повыскакивали из-за стола, разделись и юркнули в постель.

***

Суровая, многоснежная зима не спешила сдавать свои позиции. Март в этом году в полной мере оправдывал известную народную поговорку – «пришёл марток, надевай сто порток». Дороги на улицах города представляли своим видом экзотическое зрелище: тоннели, пробитые в многометровой толще сугробов, по которым словно вагонетки в штольнях, предупредительно звеня и постукивая колёсами на стыках рельс, проносились городские трамваи.

По широкому руслу Оби, скованному льдом, в сторону городского берега двигалась ватага подростков. Среди них вышагивал Коля со своими сверстниками, его брат, увязавшийся за старшими подростками, замыкал шествие, изрядно подустав от многочасовой прогулки. Немного отстав от основной группы, он решил подтянуться к ним и побежал, срезав небольшой угол. Неожиданно, потеряв опору под ногами, он провалился в полынью, запорошенную снегом. Барахтаясь в воде, замешанной снегом, Дима пытался опереться на кромку льда, но тот обламывался. Намокшее пальтишко тянуло вниз, пальцы рук в ледяной купели быстро окоченели, он закричал. Подростки, обернувшись на крик, сначала оцепенели, затем осторожно стали подбираться к нему, озираясь по сторонам, пытаясь обнаружить какое-нибудь вспомогательное средство. Не обнаружив ничего подходящего на пустынном пространстве реки, скованной льдом и запорошенной снегом, один из них, сняв с себя длинное пальто, подполз насколько можно ближе к краю полыньи и, ухватившись за край полы пальто, прокинул другой его конец в сторону тонущего, крича ему: «Хватайся обеими руками и держи крепко! Ничего не делай, только держись!» Дима коченеющими пальцами мёртвой хваткой вцепился в край пальто, Ландыш (так между собой называли товарища его друзья), что было сил, потянул пальто на себя. Сначала движение пошло неплохо, но, когда утопающий упёрся телом в край полыньи, спасателя самого стало потихоньку подтягивать к ней. «Хватайте меня за ноги и тяните!» – крикнул он друзьям.

Общими усилиями подростки с трудом вызволили утопающего из полыньи. Он имел жалкий вид, намокшую одежду мороз прямо на глазах сковывал ледяным панцирем, подросток

дрожал от холода и от испытанного им страха. Глядя на него, Ландыш скомандовал: «Всё! Побежали к берегу! Дима, беги через не могу за мной! Не останавливайся, а то замёрзнешь! Я знаю здесь на берегу кузницу, там согреешься. Колька, а ты посматривай за братишкой, если что, помоги ему».

Дима бежал с трудом, скованная замёрзшей водой одежда, затрудняла движения. Ему казалось, что если сейчас остановится, то вновь бежать уже не сможет и, стиснув зубы, продолжал двигаться, не останавливаясь. Казалось, что берег приближается мучительно медленно, брюки, стоявшие колом, ужасно мешали, обжигали кожу, натирая её словно наждаком. Вот, наконец-то, и берег, но на него надо ещё взобраться, да и не разбежишься по крутому склону.

Всё, из последних усилий Дима буквально влез на обрывистый берег, невдалеке показались какие-то постройки. Ландыш уже бежал к одной из них, из трубы которой клубился дым. Дима, уже задыхаясь, казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, отрешённо устремился за ним. Из последних сил открыл тяжёлую дверь, отрывисто, с присвистом дыша, на «деревянных» ногах переступил порог. В помещении было необыкновенно жарко, подросток почувствовал, как от приятной тёплой волны его заиндевевшие брови и ресницы стали оттаивать и разлипаться, не успел он оглядеться, как услышал густой, басистый голос:

– Во! Это, что за снегурок к нам пожаловал? А ну-ка, ступай сюда! Откуда ты такой заиндевевший?

Дима, протерев глаза, ещё скованные тающим ледком, увидел перед собой двух крепких мускулистых мужиков, стоявших у наковальни. Тела их были, как будто, отлиты из бронзы, кожаные фартуки черного цвета, ниспадавшие с груди до колен, подчёркивали их почти сказочный облик.

– Провалился я в речке, весь промок и замёрз, – ответил подросток.

Один из кузнецов подошёл к нему, взял за руку и повёл к топчану, стоявшему в углу помещения.

– Ну, давай раздевайся быстренько, сейчас я тебе профилактику делать буду, пока не поздно.

Мальчуган стал расстегивать пуговицы, пальцы ещё плохо слушались, к тому же, отходя от мороза, они стали словно разрываться изнутри болью. Кузнец, увидев, с каким мучением подросток пытается расстегнуть пальтишко, стал помогать ему.

– Фёдор, – продолжая помогать мальчишке, обратился он к своему сотоварищу по ремеслу, – достань-ка из шкафчика нашу бутылочку с лекарством, я сейчас разотру его хорошенько. И стакан захвати.

Уложив разоблачившегося подростка на топчан спиной вверх, мужчина начал растирать его тело жидкостью из бутылки, принесённой ему товарищем. В тёплом воздухе кузницы стал растекаться специфический запах самогона. Дима, попав в могучие руки кузнеца, чувствовал себя игрушкой, которую, поворачивая с одной стороны на другую, мяли без сожаления. Тело его не то что согрелось, а горело, раскрасневшись от ладоней до пят. Закончив процедуру, кузнец усадил подростка на топчан и, сняв с вешалки овчинный тулуп, накинул ему на плечи. Налив в стакан самогонки, он протянул его и скомандовал:

– А теперь, болезный, давай немного изнутри согрейся!

Дима почувствовал у своего носа неприятный, незнакомый ему запах и, сморщившись, возразил:

– Не-е-ет, я такое не смогу!

– Давай-давай через не могу. Сколько сможешь, не отравишься. Или ты не мужик?

Подросток взял в руки стакан и, зажмурившись, перехватив пальцами ноздри, сделал несколько глотков, дыхание его спёрло, раскрыв рот, он стал ловить воздух. Кузнец, усмехнувшись, забрал у него стакан, протянул кусок ржаного хлеба со словами: «Занюхай и съешь, легче станет». Через некоторое время мальчуган почувствовал лёгкое головокружение, внутри

потеплело. Кузнец заботливо укутал его с головы до пят тулупом и, положив на топчан, скомандовал: «Теперь отдохни, пока твоя одёжка высохнет, а потом домой!»

Дима, закутанный в меховой тулуп, ещё некоторое время обрывочно слышал разговоры кузнецов с ребятами, пришедшими с ним, и, постепенно проваливаясь в небытие, незаметно уснул…

***

Зима, ещё огрызаясь морозами и неожиданными метелями, отступила только к апрелю. Весна, истосковавшись в ожидании своего времени, вступила в свои права решительно, стараясь наверстать упущенное. К двадцатым числам апреля уже нередко стояли погожие солнечные деньки, хотя для настоящего тепла время ещё не пришло.

В один из апрельских дней, приуроченных ко дню рождения вождя мирового пролетариата, в торжественной обстановке, на главной площади города у памятника В. И. Ленину октябрят принимали в пионеры. День был пасмурный, слегка накрапывал дождик. Энергичная девушка с пионерским галстуком на шее – старшая пионервожатая школы с вдохновением рассказывала вступающим в пионеры школьникам о славном пути советской пионерской организации, носящей имя Великого Ленина, и о той ответственности, которая ложится на них, будущих пионеров. Вдохновлённые речью пионервожатой, девочки-одноклассницы, стоявшие в задней нестройной шеренге рядом с Димой, тут же с серьёзным видом делились между собой домыслами о том, какая неизбежная кара ждёт того, кто, проходя мимо памятника Ленину, поведёт себя недостойно. Дима вмешался в их разговор.

– Ну, вы даёте, ерунда это всё! Вот я сейчас плюну здесь, и ничего не случится.

Одноклассницы возмутились, осмотрелись вокруг, увидели свою учительницу, недалеко стоящую от них, подошли к ней и пожаловались:

– Дарья Филипповна, Снегирёв говорит, что, он плюнет сейчас здесь у памятника, и ничего плохого ему не будет!

Учительница подошла к нему.

– Снегирёв, как тебе не стыдно, разве можно такое говорить? В такой ответственный день! Всё, в пионеры тебя сегодня принимать не будут!

Тот, опустив голову, промолчал. Когда учительница отошла на своё место, он, прищурившись, процедил одноклассницам: «Ябеды, вот и стойте здесь под дождём, а я пойду домой, мне всё равно здесь больше делать нечего!» – развернулся и ушёл.

***

На следующий день все одноклассники, кроме Димы, пришли в школу с повязанными на шее ярко-красными галстуками. Он весь день чувствовал себя незаслуженно оскорблённым. После уроков, по дороге домой решил немного подразнить одноклассниц, из-за которых его не приняли в пионеры. Пробегая мимо них, то дёргал за банты, чтобы развязать, то, ударяя рукой по портфелю одноклассницы, пытался выбить его. В конце концов, он вынул из своего портфеля игрушечный пистолет, прикидывая, чтобы придумать такое. В это время одноклассницы увидели на широком полукруглом крыльце почтамта, к которому они уже подходили, стоящую учительницу. Они хором закричали:

– Дарья Филипповна, а Снегирёв к нам пристаёт и пистолетом грозится!

Дима, стоявший спиной к учительнице, обернулся и, увидев её, быстро спрятал игрушку в карман. Учительница подозвала его и попросила открыть портфель, он исполнил её требование. Она внимательно осмотрела его содержимое, затем, махнув рукой, спустилась с крыльца и ушла. Ученик, ничего не понимая, произнёс вслух:

– Странно …, пистолет в кармане, чего она портфель проверяла?

– Не пистолет она искала, а свои перчатки!

Дима повернулся на голос. Справа, чуть сзади него стояла одноклассница Нинка Наумова.

– Какие перчатки? – в растерянности переспросил он.

– Какие-какие … – кожаные! Говорят же тебе, что перчатки она искала, их у неё сегодня в классе украли!

Подростка прошиб пот. «Ничего себе!» – подумал он и, зная, где живёт преподаватель, решительно направился к ней домой.

Учительница проживала в двухэтажном кирпичном доме, который находился сравнительно недалеко от почтамта, и минут через десять Дима уже стучал в дверь квартиры, звякнула щеколда, в проёме двери возникла знакомая фигура.

– Дарья Филипповна, – увидев её на пороге, быстро заговорил он, – я ваши перчатки не брал!

– А откуда ты знаешь, что именно их я искала у тебя?

– Мне Наумова Нинка сказала, я после этого сразу к вам пошёл. Не брал я перчатки!

Учительница, внимательно посмотрев на него, промолвила:

– Ладно, иди домой, потом разберёмся. Скажи маме, чтобы завтра пришла в школу в шесть часов вечера. Ступай, до завтра.

– До свидания, Дарья Филипповна, – ответил ученик и пошёл вниз по деревянной лестнице, на выход.

Вернувшись домой, он до вечера переживал о случившемся и перед тем, как ложиться спать, сказал матери, что её завтра на шесть вечера вызывают в школу. На вопрос, с какой целью, он, пожав плечами, ответил, что не знает.

***

На следующий вечер, после окончания уроков, Дарья Филипповна пригласила его вместе с матерью в учительскую, там уже была и Наумова Нина, за столом сидела завуч школы. Когда все расселись по местам, Дарья Филипповна сказала, обратившись к Диминой маме:

– Екатерина Арсентьевна, вчера у меня украли кожаные перчатки. Я никому об этом не говорила. Ко мне домой в этот же день, после занятий в школе пришёл ваш сын и сказал, что мои перчатки не брал. Пусть он скажет, откуда он узнал про кражу перчаток.

Мать посмотрела на сына и тихо обратилась к нему:

– Слышал, что спрашивает Дарья Филипповна? Давай рассказывай.

– А что рассказывать? Я уже вчера Дарье Филипповне ответил, что мне о краже перчаток сказала Нинка Наумова. Вот она, – кивнул он головой в сторону девочки.

– Ничего я ему не говорила, – невозмутимо возразила Нина.

Дима от неожиданности опешил и с возмущением закричал на неё:

– Ты зачем обманываешь? Вчера, когда мы возвращались из школы, я по дороге домой дразнил пистолетом Таню и Веру. Они увидели у почты Дарью Филипповну и пожаловались. Она стала обыскивать меня. Я очень удивился, что она не нашла пистолет, а, когда Дарья Филипповна ушла, ты мне сказала, что у неё украли перчатки, их-то она и искала у меня. Разве не так всё было?

– Ничего я тебе не рассказывала и не могла рассказать про то, чего не знала сама. Понятно?

– Дима, – обратилась к сыну мама, – если ты брал перчатки, то признайся.

– Я не знаю, почему Нинка врёт, но я никаких перчаток не брал! Дарья Филипповна, ну, зачем бы я пошёл к вам вчера домой, если бы Нинка мне не сказала, что вы искали у меня перчатки?

Детский вопрос, видимо, озадачил взрослых. Все молчали. Затем поднялась из-за стола завуч и подытожила:

– Так, спасибо, все свободны.

На следующий день Дима, встретив Нину в школе, возмущённо спросил её:

– Ты зачем вчера соврала?

– Что я – совсем бестолковая? Как бы я объяснила, откуда узнала о краже перчаток? Вот ты зачем к ней помёлся? Не пошёл бы, и не было бы всех этих разбирательств!

– Так, Нинка, сейчас пойдёшь к Дарье Филипповне и всё ей расскажешь. Понятно?

– Вот ещё, я же тебе сказала, что ничего и никому я рассказывать не буду!

– Ну, Нинка, твоё счастье, что ты девчонка. Была бы мальчишкой, я бы с тобой разобрался!

***

Пятый класс стал для Димы определённым испытанием. Всё было непривычно, вместо одной учительницы вдруг стало сразу несколько, появился в программе иностранный язык. Впервые он стал обладателем заветной авторучки, бывшей ещё редкостью в школе. Радость её обладателя омрачалась тем, что часто ни с того ни с сего она отказывалась писать. Приходилось её раскручивать, прочищать. После таких процедур пальцы оказывались безнадёжно испачканными чернилами. Постепенно его крупный красивый почерк перевоплотился в мелкий и корявый, да и в целом Дима стал сдавать позиции в учёбе, репутация отличника осталась в прошлом, хотя до троек опуститься он себе не позволил.

Между тем, в отношениях родителей напряжение всё больше возрастало. Туберкулёз у отца прогрессировал, с постоянной работой не получалось, всё реже его можно было увидеть трезвым. Развязка произошла, когда во время очередной ссоры, он, подвыпивший ударил жену, и она несколько дней ходила с синяком под глазом. Несмотря на неоднократные попытки со стороны мужа к примирению, супруга была непреклонна. До отъезда, между ними шла тихая тяжба по перетягиванию на свою сторону детей, каждый старался уговорить их остаться непременно с ним. В итоге отец уехал на Урал со старшим сыном, Дима остался с матерью.

***

Екатерина Арсентьевна работала в столовой уже поваром, поэтому особых проблем с питанием не было, сын каждый день приходил к ней на работу и довольно сытно обедал. Вечером, возвращаясь домой, мать неизменно приносила с собой что-нибудь поужинать. Сложнее было с одеждой и другими предметами обихода. Каждая обнова была для подростка большим радостным событием, увы, такие случаи бывали не частыми.

Будучи красивой, в расцвете лет женщиной, Екатерина Арсентьевна, конечно, страдала от не сложившейся личной жизни, да и нелегко было на небольшую зарплату повара выкроить даже небольшую сумму, чтобы хоть как-то самой приодеться и приукраситься, сына порадовать обновой. Хорошо, что ещё тётя Рая выручала её, за относительно небольшую плату обшивала её время от времени, впрочем, не только её одну, в доме проживало немало одиноких женщин разных возрастов, пользовавшихся услугами портнихи. Кто-то из них, как и Екатерина Арсентьевна, была разведённая, а кто- то и вовсе никогда замужем не была.

Как-то летом, в выходной день мать взяла с собой сына за город, на берег реки Обь. Поездка на служебном автобусе была организована для сотрудников совнархоза, где она рабо-

тала поваром в столовой. Там она познакомилась с водителем автобуса Владимиром Николаевичем. Это был холостой мужчина средних лет, крупный, добродушный. Красивая женщина приглянулась ему, и он целый день оказывал ей знаки внимания, не забывая подружиться и с её сыном. Возвращаясь после отдыха в город, он усадил в кабине, сверху просторного моторного отсека подростка, радости которого не было предела. Развезя всех сотрудников по домам, Екатерину Арсентьевну с сыном повёз домой в последнюю очередь. Высаживая их, он заметно волновался и мялся. Отметив про себя его нерешительность, хозяйка пригласила растерявшегося мужчину к себе на пресловутую чашечку кофе. Тот сразу согласился и в итоге остался у молодой женщины ночевать.

Утром, позавтракав, они вместе уехали на работу. После этого случая он ещё несколько раз приезжал вместе с ней с работы и оставался у неё дома до утра.

***

Пролетели лето и осень, однажды в выходной, погожий зимний день Владимир Николаевич пришёл к Екатерине Арсентьевне с цветами, которые вручил ей, а в придачу к ним подарил перчатки из чёрной лайковой кожи. Засуетившись, она дала сыну деньги и попросила его сбегать в магазин за продуктами. Тот, с вожделением глядя на блестящие перчатки, попросил у матери разрешения прихватить их с собой. Она растерялась от неожиданной просьбы.

– Катя, да пусть возьмёт, видишь, у него глазёнки как загорелись. Что с перчатками сделается? – поддержал мальчугана её ухажёр.

– Ладно, возьми, смотри только, не потеряй, – махнув рукой, разрешила мать сыну.

Он, прихватив новенькие перчатки, выскользнул из комнаты. Надев их на улице, всю дорогу до магазина любовался ими. Купив продукты, выскочил из магазина, пробежав вприпрыжку несколько десятков метров, вдруг почувствовал, как мороз прихватывает пальцы рук, и ужаснулся, перчаток на руках не было. На бегу развернувшись, он поспешил назад в магазин. Кинув взор на прилавок, небольшой подсобный столик, стоящий недалеко от него, и убедившись, что перчаток нигде нет, он с надеждой во взоре и голосе спросил продавщицу:

– Тётя, вы здесь перчатки не видели?

– Нет, – равнодушным тоном ответила продавщица.

– Ну, как же? Я их только что здесь оставил. Чёрные такие, блестящие.

– Мальчик, не мешай мне работать, я же сказала, что никаких перчаток не видела.

Дима опустил голову и побрёл из магазина. Домой идти не хотелось, он проклинал свою рассеянность, к ногам, казалось, были привязаны гири, слёзы предательски выступили из глаз, замораживая длинные ресницы. Возвратившись домой, положил сетку с продуктами на стол и быстро прошёл в дальнюю половину комнаты.

Посидев за столом ещё немного, взрослые засобирались. После того, как Екатерина Арсентьевна приоделась и приукрасилась, вместе со своим поклонником поспешила к выходу из комнаты. Спохватившись у порога, она спросила сына:

– Детка, а где же мои перчатки?

Дима ждал этого вопроса, как приговора. Выйдя из другой половины комнаты, он, опустив голову, проглатывая комок, образовавшийся от волнения в горле, приглушённо ответил:

– Мама, я их потерял в магазине.

– Как? – растерянно спросила та и продолжила. – Ты шутишь? – и, виновато посмотрев на своего спутника, вдруг с негодованием закричала на сына: – Ничего знать не желаю, вернусь, чтобы перчатки были на месте! Делай, что хочешь, ищи, где знаешь, но чтобы домой без перчаток не возвращался! Ты понял? – и, обращаясь уже к своему спутнику, скомандовала: – Пошли!

После их ухода Дима собрался и с тяжёлым сердцем пошёл в магазин. Там он битый час рассматривал прилавки, искоса наблюдая за посетителями, рассчитывая, что кто-нибудь оставит перчатки. В конце концов, потеряв всякую надежду на удачу, он поплёлся домой, размышляя, что же ему делать. Решение созрело, когда он вспомнил, что в овраге, на его крутом противоположном склоне, почти напротив их дома есть просторная пещера, вырытая мальчишками ещё летом. Сейчас она занесена снегом, значит, её надо откопать и переселиться туда. Зайдя в комнату, он стал искать ключ от сарая, перерыл все возможные места, ключа нигде не было. Подумав, он решил сходить к своему другу Вадьке, у него должна быть лопата. Друга дома не оказалось, но была его мать, которая дала ему ключ от своего сарая. Взяв в нём лопату, Дима спустился в овраг и, отыскав нужное место, стал откидывать снег. Часа через полтора пещера была освобождена от снега. Вернувшись домой, собрал необходимые вещи и перенёс их в пещеру. Закончив благоустройство своей обители, стал размышлять, не забыл ли он ещё чего-нибудь. В глубине пещеры подросток соорудил себе спальное место из матраса, подушки и одеяла, рядом поставил небольшой, сделанный ещё отцом, небольшой столик и низенький табурет. На столике лежала аккуратно сложенная школьная форма и полулитровая стеклянная баночка со свечкой, на табуретке – ранец со школьными принадлежностями, рядом со столиком обосновалась хозяйственная авоська с едой. Убедившись, что всё необходимое на месте, он расположился на своей импровизированной постели и под размышления о предстоящем отшельничестве незаметно уснул.

На улице сгустились сумерки. В это время его мать со своим спутником вернулись домой. Не обнаружив на месте сына, она подождала его ещё некоторое время, а потом, приглядевшись, заметила, что на его кровати кроме простыни ничего не осталось. Не было на привычном месте и школьного ранца, она забеспокоилась, размышляя: «Где же сынок? Уже и на улице стемнело, пора бы ему уже быть дома. На дворе-то зима!»

Подождав ещё немного, она решила сходить к его другу Вадьке. Поднявшись на второй этаж, она постучала в дверь комнаты. Вадька с матерью, они жили вдвоём, были дома.

– Вадик, ты Диму не видел? – прозвучал тревожный голос.

– Нет, я его вообще сегодня не встречал. Сам ещё подумал, куда это он запропастился.

– Что же это такое, куда он мог подеваться? – уже сильно забеспокоилась Екатерина Арсентьевна, собираясь уходить.

– Постой, Катя, – остановила её Мария Петровна и продолжила. – Он сегодня днём у меня лопату брал.

– Лопату? – удивилась гостья. – Зачем это она ему понадобилась?

– Да придёт он, ни куда не денется! – вклинился в разговор Вадик.

– Ну, ладно, пойду я, если он к вам заявится, то пусть сразу идёт домой.

– Хорошо, не беспокойся, Катя, я его сразу к тебе отправлю, – заверила её хозяйка.

Вернувшись в свою комнату, Екатерина Арсентьевна запричитала:

– Володя, что-то неладное, я чувствую. Представляешь, он у соседей зачем-то брал лопату. Ой, просто не знаю, что делать, может быть, в милицию сходить?

– Постой, зачем сразу в милицию? Давай ещё подождём. Ну, не может он никуда деться. Обиделся, наверно, вот и гуляет где-нибудь на свежем воздухе. На улице-то зима, замёрзнет и придёт.

– Нет, Володя, я его знаю, упрямый он, с этими перчатками ещё… Кто меня за язык дёргал? Надо его искать.

Успокойся, Катя, пойдём поищем, только куда идти-то?

– Знаешь, у меня из головы эта лопата не выходит. Что и где можно копать и для чего? Зимой-то!

– Да, действительно, странно всё это…

Они вышли во двор и в нерешительности остановились. Ночь была звёздная, морозная. Они походили вокруг дома, во дворе было безлюдно, подошли к краю оврага, Екатерина Арсентьевна, сложив ладони у рта рупором, стала протяжно звать:

– Ди-и-ма-а-а, Ди-и-ма-а-а…

Он в это время внезапно проснулся, было очень холодно, к тому же хотелось по малой нужде. Подросток, нехотя поднялся с постели и вылез из пещеры. Пытался расстегнуть брюки, закоченевшие пальцы плохо слушались. Стоя на краю обрыва, Екатерина Арсентьевна, внизу, на противоположной стороне оврага, в мерцающем лунном свете, на белом снегу заметила движение и закричала ещё громче:

– Дима-а-а!

Её спутник, тоже заметив внизу движение, стал осторожно спускаться в овраг. По мере приближения, он всё более отчётливо различал на белом снегу невысокую детскую фигуру, подойдя, он узнал Диму, взял его за руку, которая была ледяная. Подхватив замерзающего бедолагу на руки, он поднялся из оврага, и они уже все вместе пошли в дом. По пути мать всё пыталась расспрашивать сына и без злости поругивать его. Он же, промёрзший, почувствовал апатию ко всему происходящему и ни на какие вопросы не отвечал, ему страшно хотелось окунуться в тепло и спать…

***

На следующий день в школе, перед началом первого урока в класс, где учился Дима, вошла завуч, вместе с ней порог переступила девочка. Все дружно встали из-за парт. «Садитесь, – ответила на приветствие завуч. Все сели. – Познакомьтесь с новой одноклассницей, её зовут Светлана Конева. Она приехала из Братска. Прошу, как говорится – любить и жаловать, – и добавила, обращаясь уже к учительнице: – Определите девочке место и продолжайте урок».

Завуч вышла из класса, ученики снова дружно встали, затем по команде учительницы сели по местам. Преподаватель, окинув класс изучающим взором, произнесла:

– Снегирёв!

– Я! – откликнулся тот, вставая из-за парты.

Учительница, обращаясь уже к Свете, распорядилась:

– Будешь сидеть за партой со Снегирёвым Димой. Иди, присаживайся на своё место.

Света прошла по классу и села за парту. Любопытные взоры новых одноклассников и одноклассниц проводили её до места, да и на протяжении всего урока кто-нибудь нет-нет, да оборачивался в её сторону. Сосед по парте также искоса бросал изучающие взгляды на новенькую. Девочка была примерно его роста, яркая блондинка с шикарной косой, голубоглазая, стройная. «Симпатичная», – отметил он про себя. Новенькая ученица, ощущая на себе изучающие взгляды, старалась держаться ровно и независимо, однако украдкой тоже присматривалась к нему.

Среди одноклассников она освоилась достаточно быстро, помимо её привлекательной внешности, немаловажную роль в этом сыграли и её ученические способности. Между соседями по парте установились доверительные, дружеские отношения на основе взаимной симпатии.

***

Однажды, вернувшись домой из школы, Дима переоделся и побежал к Верному, но возле его будки сиротливо лежала цепь, собаки же не было. Он не придал этому особого значения, решив, что пса отвязал кто-нибудь из друзей. Но ни в этот день, ни на следующий Верный не вернулся. Только через неделю знакомый подросток, живший в Нахаловке, доверительно

сообщил ему, что Верного украли, и показал дом, в котором держат собаку. Дима установил слежку за этим домом и, дождавшись, когда все хозяева по своим делам покинули двор, решил вызволить своего пса. Зайдя во двор дома, он поднялся по ступенькам большого крытого крыльца и дёрнул за ручку двери, та открылась, он прошел вовнутрь, где была ещё одна дверь, ведущая непосредственно в жилую часть дома, но она оказалась закрытой на замок. Нежданный гость заглянул в небольшое окошко рядом с закрытой дверью и стал звать собаку. На его голос из глубины дома прибежал к окошку Верный, Дима стал лихорадочно соображать, как же его вытащить на улицу. Не придумав ничего лучшего, он просто выбил стекло окошка, в которое смотрел и стал звать собаку. Верный снова прибежал, крутился рядом, радостно вилял хвостом, но даже не пытался выпрыгнуть. Подросток сам влез через окошко, но, как ни пытался вытолкать пса тем же путём, ничего не получалось, Верный просто не хотел вылезать. Дима пробежал по комнатам, надеясь найти ключ от входной двери, увы, его нигде не было. Он по-всякому пытался убедить собаку проскочить в окошко, пёс никак не хотел этого делать. Опасаясь, что кто-нибудь из хозяев, вернувшись, застанет его в доме, Дима вылез из дома и, выскочив во двор, неожиданно столкнулся там с тремя подростками. Они были старше его года на три, двоих из них он знал хорошо, они жили в том же доме, где и он проживал. Это были: Ромка Шиханов, по прозвищу Шиха, и Виталик, а третий был, видимо, из дома, во дворе которого они сейчас находились.

– Ты чего здесь делаешь? – с возмущением спросил незнакомый подросток.

– Отдай мою собаку, я за ней пришёл! – ответил Дима.

– Какую собаку? А ну, пошёл отсюда! – закричал тот и влепил ему подзатыльник.

Дима, не дожидаясь, пока тот увидит разбитое окошко, выбежал со двора и пустился наутёк. Хозяин, обнаружив разбитое стекло, вместе со своими друзьями ринулся догонять беглеца. Тот, заметив погоню, бежал, не чуя земли под ногами, благополучно добравшись до своего дома, влетел в комнату и закрылся на замок. Через некоторое время в коридоре раздался топот бегущих преследователей, в дверь постучали, Дима не отзывался, притаился. Безрезультатно выждав некоторое время, непрошеные гости ушли, но вскоре в окно комнаты с улицы влетел камень, разбив двойное стекло. Выругавшись в адрес недосягаемого подростка, преследователи удалились.

***

В выходной день Дима возился в сарае с доставшимся ему от отца велосипедом, заглянул сосед по дому, четырнадцатилетний Вовка Арляпов или, как его прозвали сверстники – Арляпа. Он был старше Димы на два года, сколько помнил он, Арляпа всё время жил вдвоём с матерью, а года два назад у него появилась маленькая сестрёнка. Он всегда был предоставлен самому себе, худой, с нездоровым цветом лица, ещё с дошкольных лет, собирая на улице бычки, втянулся курить. В общем-то, подросток был безобидный, в драки ни с кем не ввязывался, не хулиганил, вот только о здоровье своём совсем не заботился и учился в школе на тройки.

– Диман, чем занимаешься? – полюбопытствовал он.

– Да так, велосипед ремонтирую.

– Слушай, сгоняем на городскую свалку. Там, говорят, неплохие вещи можно найти.

– Какие ещё вещи?

– Ну, не знаю …, там много всякого добра.

– У тебя же велосипеда нет.

– На твоём вдвоём и сгоняем. Я за рулём буду, а ты на багажник сядешь.

В это время в сарай вошёл ещё один подросток из их дома – Сашка Серёгин. Огненно рыжий подросток был на два года моложе Димы, крепенький такой и очень самолюбивый. Он

был сыном Александра Петровича от первого брака. От второго брака у Александра Петровича было ещё трое девочек – мал мала меньше. Он безумно любил своего сына и, держа в чёрном теле свою жену с тремя дочками, ни в чём не отказывал Сашке. Работал водителем на автокране, постепенно набирая запчасти, собрал недавно для сына спортивный велосипед, как его окрестили подростки – гоночный, с необычным рулём и несколькими цепными передачами. Услышав обрывок разговора, Сашка спросил:

– Куда это вы собрались?

– Арляпа предлагает на городскую свалку с ним съездить, присмотреть там что-нибудь интересное, – ответил Дима.

– А что? Неплохая идея. Делать всё равно нечего, я бы заодно и велосипед свой обкатал. Возьмите меня с собой.

– Ну, вот и решили! – обрадовался Арляпа.

Дима соорудил на багажнике мягкую подстилку и подростки, сев на велосипеды, отправились в путь. Городская свалка находилась далеко за городом. Проехав с километр вниз по улице Гоньбинской до большого железнодорожного моста, они свернули вправо на Павловский тракт. Сашка на своём гоночном велосипеде, да ещё без дополнительной нагрузки, вырвался вперёд, так они ехали по тракту километра три, вдруг Сашка остановился и слез с велосипеда, поджидая товарищей.

– Что случилось? – спросил Дима.

– С цепью нелады, плохо переключается.

Дима слез с багажника и они с Сашкой стали на обочине ремонтировать велосипед. Арляпа в это время невдалеке нарезал по дороге круги на другом велосипеде.

Мимо подростков, увлечённых ремонтом, на большой скорости проскочил грузовик «ЗИЛ-130», раздался визг тормозов, друзья, оторвавшись от ремонта, подняли головы. Метрах в ста пятидесяти по ходу движения стоял грузовик, позади него на середине дороги валялся велосипед, недалеко от него лежал Арляпа. Подростки кинулись к нему, он лежал на спине с неестественно подвёрнутой правой ногой, видимо, сломанной, из полуоткрытого его рта, пенясь, булькала ярко красная кровь, часть черепа была снесена, под ним расплывалась лужа крови. Жуткое зрелище. По телу пострадавшего прошли последние конвульсии, и он затих. К ним с обезумевшим взглядом, слегка пошатываясь, подходил пожилой полноватый мужчина – водитель грузовика.

Вскоре на место происшествия одна за другой подъехали машины скорой помощи и ГАИ. Тело погибшего подростка положили на носилки и погрузили в машину скорой помощи, которая тут же уехала. Инспекторы ГАИ, уже завершили осмотр места происшествия, необходимые замеры и допрашивали водителя грузовика. Тот им рассказывал, как и что произошло: «Ехал я со скоростью километров шестьдесят – семьдесят, вижу, недалеко впереди, на противоположной стороне дороги велосипедист неожиданно стал разворачиваться поперёк дороги. Я инстинктивно прибавил немного газу, намереваясь успеть проскочить мимо него, но не получилось, тот врезался передним колесом велосипеда в заднее колесо моей машины, отлетел и упал на дорогу».

Закончив разговор с водителем, инспектор стал расспрашивать подростков. Ничего конкретного о столкновении они рассказать не могли, так как этого момента не видели, будучи заняты ремонтом велосипеда. Записав то, что они смогли рассказать, милиционер отпустил их, сказав, что аварийный велосипед пока заберёт, как вещественное доказательство. Вручил повестку с адресом отделения милиции, где можно будет впоследствии забрать велосипед. Подростки под впечатлением страшного происшествия не стали завершать ремонт Сашкиного велосипеда и отправились домой пешком, ведя его рядом. Дома они рассказали о случившемся несчастье, печальная новость дошла и до матери Арляпы, убитая, горем она, заплаканная, прибежала в комнату Снегирёвых и стала расспрашивать Диму о подробностях трагического про-

исшествия. Он, уже заученно от неоднократных повествований, рассказал тёте Маше всё, что знал.

***

После похорон Арляпы, на поминках тётя Маша подошла к Диме и спросила:

– Там же, наверно, велосипед теперь ремонтировать надо, сколько нужно денег?

– Что вы, тётя Маша, какие деньги? Да и велосипед не очень-то пострадал, на переднем колесе восьмёрка, вот и всё. Я сам быстро его починю.

Скоро он забрал из милиции велосипед. Удивительно, но он действительно почти не пострадал, кроме переднего колеса. Дима открутил спицы от искривлённого обода и отправился на поиски подходящей замены, не закрыв на замок сарай. Вернувшись с ободом, он хотел тут же собрать колесо, но не мог найти снятую втулку, спицы были на месте, а втулка исчезла. Он стал рыться в разных ящиках, находившихся в сарае, в надежде, что сам случайно её куда-нибудь положил, но поиски были безрезультатными. Прекратив их, он задумался, почёсывая затылок. В этом состоянии его и застал Сашка, зашедший к нему.

– Чего это ты такой расстроенный? – с ходу поинтересовался он.

– Никак не могу втулку от переднего колеса найти, снял её, пока ходил искать обод на замену, втулка куда-то девалась.

– Никуда она не девалась, я знаю у кого она!

– У кого?

– Вадька её украл, я видел!

Дима опешил от услышанной новости. С Вадькой они уже давно были закадычными друзьями, никогда друг для друга ничего не жалели и не давали в обиду. В общем, были, как говорится, не разлей вода, а тут вдруг… Дима знал, что Сашка всегда завидовал их дружбе, поэтому не исключено, что специально хочет поссорить их.

– Не веришь? – перебил его мысли Сашка и продолжил. – Вадька сейчас в своём сарае, пойдём к нему, убедишься!

Диме вдруг стало почему-то тоскливо, он даже представить себе не мог, что его друг на такое способен. «Что я ему могу сейчас сказать, спросить? Да у меня язык не повернётся обвинить его в том, что он украл у меня эту злополучную втулку», – лихорадочно соображал он. Сашка, между тем, не унимался:

– Пойдём, чего ты боишься? Ведь не ты же украл.

Дима почувствовал, как у него внутри начинает подкатываться неосознанная злость, и он решительно согласился:

– Пошли.

Когда они вошли в сарай и увидели в нём Вадьку, Диму внезапно осенило, он подумал, что нашёл правильные слова, чтобы спросить и ненароком не обидеть друга.

– Здорово, Вадька! – выпалил он и продолжил. – У тебя нет втулки на переднее колесо?

Тот агрессивным фальцетом закричал:

– Не брал я твою втулку!

Дима сразу сник, он понял, что втулку у него украл его лучший друг. У него защемило где-то в груди, неожиданно спокойно он ответил:

– Я этого и не говорил, – развернулся и пошёл прочь.

Нужную втулку он так и не смог отыскать и взамен её приспособил втулку заднего колеса. Недели через две Вадька принёс-таки ему нужную втулку, сказав, что достал её по случаю. Димка промолчал, понимая, что проштрафившийся друг просто не может сказать правду, но сам мысленно был рад, что тот нашёл возможность исправить свой проступок. Но радость

его была недолгой, ещё недели через две друг забрал её назад под предлогом, что ему обязательно надо её кому-то отдать.

***

Как-то, выйдя из книжного магазина, находившегося недалеко от его дома, Дима увидел прислоненный к стене здания новенький велосипед. Инстинктивно он огляделся, вокруг никого рядом не было, видимо, владелец велика зашёл в магазин. В голову ударила шальная мысль: «Угнать велосипед!» Он решительно подхватил его, оседлал и, что было сил, понёсся по дороге, совсем в другую сторону от своего дома. Опомнился он, когда проехал с полкилометра, если не больше, затем свернул с основной дороги и помчался в сторону оврага. Осторожно спустившись, он по дну его повёл велосипед в сторону своего дома. Добравшись до сарая, трясущимися руками от пережитого страха быть пойманным, стал разбирать украденный велосипед. Снятые новенькие запчасти переставил на раму своего старенького велика, предварительно сняв с него старые детали. Оставшуюся раму от разобранного велосипеда он спустил в погреб. Выведя из сарая собранный агрегат, Дима опробовал его на ходу и остался доволен своей работой, хотя совесть грызла его, он представлял себе состояние хозяина украденного велосипеда, когда, выйдя из магазина, тот обнаружил пропажу. В эти минуты он жалел о своём необдуманном поступке, но понимал, что ничего уже не изменит.

Катаясь, он повстречался с Вадькой и остановился возле него. Тот сразу обратил внимание на обновлённый велосипед и поинтересовался, откуда такой взялся, Дима, не мудрствуя лукаво, всё ему рассказал.

– Ничего себе! Как это ты решился на такое, а если бы поймали?

– Если бы да кабы, – передразнил его друг и отшутился: – Теперь уже не страшно, а сначала всего трясло!

Недели через две Вадька попросил у него велосипед съездить к матери на работу, Дима дал. Где-то через час он встретил своего друга, испуганного, взвинченного.

– Что случилось, где велосипед? – поинтересовался Дима.

– Слушай, вот страху я натерпелся! – начал тот и продолжил. – Не успел я доехать до места, как остановил меня милиционер. Стал осматривать велосипед, вопросы задавать, а потом и вовсе предложил проследовать за ним. У меня душа в пятки ушла. Вот думаю – влип! Короче, улучшил момент и сбежал от него, до сих пор трясёт! – и со злостью добавил: – Ты не думай, верну тебе велосипед, вот угоню и верну!

Дима вдруг впервые сильно испугался, он вспомнил, что, когда разбирал украденный велосипед, заметил с внутренней стороны большой звёздочки пометки голубой масляной краской. Он ещё тогда подумал, что надо бы стереть эти метки. Подумал и забыл это сделать, он вдруг остро осознал, что был сегодня на грани разоблачения, и размышлял: «Рама-то хоть и своя, но остальные части совсем новые, это же сразу в глаза бросается, а тут ещё метки …, хорошо, что Вадьке удалось сбежать, не зря же милиционер после осмотра велосипеда повёл его с собой». Мысленно рассуждая, Дима вдруг внимательно и серьёзно посмотрел на друга и твёрдо сказал:

– Слава Богу, что ты смог убежать, чёрт с ним, велосипедом! И не вздумай ничего угонять! Понял?

На том и решили…

***

Друзья гуляли во дворе дома, когда к ним подбежал Сашка и таинственно, с придыханием проговорил: «Ой, что я сейчас ви-и-дел! Пойдём вместе посмотрим, не пожалеете!» Они,

переглянувшись, пожали плечами, но за Сашкой последовали. Он повёл их стороной дома, обращённой к оврагу, остановился у одного из окон на первом этаже. Дима сообразил, что это окно комнаты, в которой жила тётя Тоня. Худощавая женщина лет сорока, жила одна, семьи и детей у неё не было, вела она довольно странный образ жизни. В последнее время нигде не работала, часто выпивала, курила, причём, пила она всё подряд, без разбора, включая одеколон. Когда однажды он с Вадькой лазали, исследуя подполье дома, и оказались под её комнатой, то были шокированы, обнаружив, выброшенные под пол, несколько десятков пустых флаконов из-под тройного одеколона. Нередко к ней домой захаживали незнакомые ребятам мужчины и женщины, тогда у неё в комнате звучали пластинки и раздавались звуки веселья.

«Залезай и посмотри в окно», – зашептал Диме на ухо Сашка. Тот осмотрелся вокруг, никого поблизости на этой стороне дома не было, он ухватился за подоконный карниз из жести и осторожно, чтобы не греметь, опираясь коленями на выступающий цоколь фундамента стены, подтянулся к окну. Небрежно задёрнутые занавески оставляли свободное пространство между ними, что позволило ему беспрепятственно заглянуть в комнату. У подростка перехватило дух, когда его взор неожиданно остановился на разобранной постели в ближнем правом углу полутёмного помещения, где в страстном порыве переплелись два обнажённых тела. Активное совокупление мужчины с женщиной, в упор созерцаемое им, жутко возбуждало и завораживало. Вадька, догадавшись, что происходит в комнате, нетерпеливо дёргал друга за штанину. Тот же, увлечённый необыкновенным зрелищем, не в силах был оторваться от окна и буквально пожирал глазами происходящее в постели. Словно почувствовав посторонний пристальный взгляд, женщина, приоткрыв смеженные до того веки, выглянула из-за плеча мужчины. Взгляды подглядывающего и тёти Тони, а это была именно она, неожиданно встретились, подросток растерялся, отпрянул от окна и под грохот жестяного карниза сорвался вниз. Через несколько секунд занавески за окном зашевелились, открытое пространство между ними исчезло. Вадька, раздосадованный неудовлетворённым любопытством, эмоционально выговаривал другу за допущенную им оплошность. Подростки ещё какое-то время покрутились под окном. Затем, не выдержав, Вадька осторожно взобрался к оконному проёму, сосредоточенно обследовал его, пытаясь найти между занавесками какую-нибудь щель, и, потерпев неудачу, спустился на землю. Сокрушённо вздохнул, разведя руки в стороны, и с огорчением произнёс: «Всё, пошли, кина не будет».

По дороге от злачного места неожиданно их нагнал долговязый Шиха, широко раскинув свои длинные руки, как бы пытаясь обхватить их сзади по-дружески за плечи, поинтересовался:

– Что это вы в окна заглядываете?

– Никуда мы не заглядываем, – нехотя ответил Дима.

– Ну-ну, а то мы с Виталиком с балкона не видели, как ты прилип к окну, а затем, видимо, замеченный из комнаты, загремел вниз. Давайте колитесь!

– Да, …, – без энтузиазма начал Дима, – Сашка, привёл нас кино посмотреть.

– Какое кино? – не поняв, переспросил Шиха.

Дима, лихорадочно соображая, как бы выразить увиденное, и скороговоркой выпалил:

– Тётя Тоня там с каким-то дядькой в постели, это, ну,…

– Понятно, – догадавшись, перебил Шиха и снисходительно, похлопав его по плечу, с чувством собственного превосходства, продолжил: – Слюнки, небось, пускали малолетки? Бабам-то в сладость совсем другое снадобье по вкусу! Я их сладострастие к перепихиванию уже не один десяток раз удовлетворял! И не только таких тёртых кобыл, как Тонька, охаживал, были и молоденькие тёлочки!

– Треплешься ты, – раздражённо перебил его Вадька.

– Чего-о-о? – возмутился Шиха. – А вот это видел?! – и вытащил из кармана руку, на раскрытой ладони которой лежал сдвоенный бумажный пакетик.

– Что это такое? – с показным безразличием спросил Вадька.

– Эх, темнота желторотая, – презрительно скривившись, процедил сквозь зубы Шиха. – Гондон называется, – поучительным тоном произнёс он. – В аптеке продаётся, если интересуетесь.

– Ну, и что? – тупо уставившись на пакетик, и пожав плечами, произнёс Вадька.

– Что-что, – искренне удивляясь полной неосведомлённости собеседников и, даже немного растерявшись, продолжал ликбез Шиха.

– В общем, это резинка такая, которая надевается, чтобы это… детей не было. Да ну вас! Замучался я уже говорить с вами, пусть вас родители просвещают! – презрительно сплюнув, он пошёл прочь от них.

Находясь под впечатлением подсмотренного таинства и просветительской беседы с Шихой, Дима чувствовал себя необычайно взбудораженным и неудовлетворённым. Расставшись с друзьями, он, ещё не понимая зачем, отправился в город. Выйдя на угол Гоньбинской, увидел на противоположной стороне улицы вывеску «Аптека» и, уже не задумываясь, направился прямиком к ней. В аптеке он внимательно рассматривал на прилавках под стеклом лекарственные препараты, выискивая пакетики, которые показывал им Шиха. Наконец, в разделе «противозачаточные средства» он среди прочих товаров увидел знакомые пакетики. «Кондом, – прочитал он. – 4 копейки», – и удивился такой доступной цене. Засунув руку в карман, нащупал мелочь, её хватило бы на несколько таких пакетиков. Они как будто гипнотизировали его, так хотелось стать их обладателем, хотя он абсолютно не представлял себе, что будет с ними делать. Долго крутился вокруг прилавка, но так и не решился купить такой специфический товар, даже не представляя себе, как сможет вообще назвать его продавщице.

Вечером дома, сев за стол ужинать, он в задумчивости, как наваждение, тихо произнёс:

– Кондом…

– Что-что ты сказал? – с удивлением спросила мать.

Не растерявшись, сын ответил:

– Сегодня в аптеке увидел лекарство в пакетиках с таким названием и стоит всего четыре копейки. Интересно, что это такое?

– Вот у продавщицы бы и спросил! – усмехнувшись, ответила мать.

***

В колхозе имени Ленина высадился трудовой десант школьников, закончивших шестой «б» класс, в котором учился Дима, они приехали в трудовой лагерь. Школьников разместили в просторном спортивном зале сельской школы. Быстро обустроившись, ученики уговорили свою классную руководительницу Галину Ильиничну, сходить искупаться на речку, которая протекала совсем недалеко, её было видно даже со школьного двора.

Шумная ватага подростков, сопровождаемая физруком их школы – Петром Ивановичем, поспешила к речке. Когда девочки разделись до купальников, Дима невольно обратил внимание на их стройные фигуры и впервые в жизни ощутил их необычайную притягательность. В новом свете предстала перед ним Светлана, он ревниво сравнивал её с одноклассницами и остался доволен тем, что своими девичьими формами она явно никому из них не уступает, а многих заметно превосходит. Тем временем, все ринулись в прохладную свежесть речной воды, полетели брызги, образуя радуги на полуденном солнцепёке, над речкой заметались переливы звонкого смеха, прерываемого порой отчаянным визгом девчат, донимаемых одноклассниками.

Вдоволь накупавшись, жизнерадостные подростки с ощущением приятной свежести возвратились на школьный двор. Образовав широкий круг, стали пасовать руками друг другу кожаный школьный мяч, играя в известную всем игру – картошку. Неудачно принявший мяч,

садился в центр круга и, если кто-нибудь из стоявших в кругу игроков, решался пробить мячом по сидевшему игроку и не попадал в него, то присоединялся к нему. Задачей последнего было либо уклониться от мяча, либо поймать его в руки. Если сидящему игроку удавалось поймать мяч, из центра круга выходили все, в нём сидевшие, а неудачно пробивший занимал их место.

После игры все, изрядно пропотевшие и уставшие, снова побежали купаться на речку. К вечеру пришла колхозная машина, был откинут задний борт её кузова и тучная женщина, видимо, колхозная повариха, принялась выкладывать из большого термоса в тарелки, аппетитно пахнущий ужин. Затем она разлила по стаканам компот из сухофруктов, а одноклассницы, тем временем, разносили наполненные тарелки и стаканы, порезанный хлеб и вилки на сооружённый во дворе школы длинный деревянный стол под навесом.

Вадька, ковыряя вилкой в тарелке, вдруг громко произнёс:

– А чего это мясо с костями?

Дима, у которого мама уже многие годы работала поваром, блеснул обретёнными познаниями в кулинарии, нравоучительно пояснив:

– Это блюдо называется рагу, оно и должно быть с костями.

– Рагу – дураку! – скаламбурил в ответ Вадька, рассмешив всех, сидящих за столом.

***

На следующее утро бортовая, колхозная машина под звонкие, задорные песни трудового десанта привезла всех на бескрайнее поле. Колхозный бригадир показал фронт работ, ребята присвистнули. Огромное поле, засеянное луком, насколько хватало глаз, густо заросло высоким сорняком. Чтобы распознать в нём перья зелёного лука, надо было хорошо приглядеться. Молодёжь, вооружённая остро заточенными тяпками, широким фронтом двинулась в поле, работа закипела. Сначала, пока полевой труд был в охотку, все пропалывали аккуратно, за их спинами проявились стройные ряды зелёного лука. К концу трудового дня уже изрядно все подустали. Ненавистный сорняк уже плыл перед глазами, начисто скрывая заросший лук. Трудовой энтузиазм у многих испарился и их острые тяпки мелькали, уничтожая всё подряд и сорняк и лук. Заметив явно неаккуратную работу, бригадир дал отбой: «Всё, на сегодня закончили! Отдыхайте, минут через двадцать придёт машина». Подростки с облегчением побрели с разных точек обширного поля к месту сбора. Дима вдруг вспомнил, что совсем недалеко от поля, на опушке леса он видел кладбище, мимо которого они сегодня утром проезжали. Подросток повернул в его сторону. Он всегда не упускал случая побывать на кладбище, с интересом рассматривал кресты и не часто встречавшиеся надгробные плиты и памятники. Читая даты рождения хронологии девятнадцатого века, мысленно пытался представить себе жизнь этих, уже давно умерших людей, которые жили в одно время с великими, знаменитыми, всем известными личностями прошлого. В такие минуты перед ним неожиданно открывалась бездна времени, он почти физически ощущал, как мимо пробегают годы, десятилетия, века…

Насмотревшись на немногочисленные могилы, похоже, уже заброшенного старого кладбища, он, проходя по опушке леса, набрёл на поляну, густо покрытую ослепительно белым ковром крупных ромашек. Нарвав огромную охапку цветов, источающих тонкий, приятный аромат, Дима, заметив клубы пыли, поднимаемые приближающейся машиной, поспешил к месту сбора.

– Ай, да Снегирёв! – воскликнула Галина Ильинична, увидев его с большим букетом ромашек. – И кого же ты собираешься осчастливить?

Он напрямик подошёл к Свете и вручил ей цветы со словами:

– Держи, это тебе!

Её одноклассницы ахнули разом и зашушукались между собой. Девочка, внезапно оказавшаяся вдруг в центре всеобщего внимания, слегка зарделась, не зная, как вести себя в этой ситуации, и, стараясь выглядеть независимой, слегка пожав плечами, просто ответила:

– Хорошо, подержу.

После этого случая за Димой и Светой негласно в умах одноклассников закрепилась репутация влюблённых.

***

В конце пребывания в трудовом лагере физрук Пётр Иванович провёл сдачу норм БГТО. В беге на дистанцию шестьдесят метров лучшее время показали Вера Шаркова и Дима Снегирёв, между ними физрук провёл дополнительный забег для выявления абсолютного победителя. К финишу они пришли нога в ногу, лавры победителя физрук присудил Вере, мотивируя это тем, что её грудь на финише оказалась немного впереди. Вадька не преминул с сарказмом высказать своё мнение: «Конечно, у неё же такие здоровенные сисяки!» – и едва успел увернуться от подзатыльника Веры. Шаркова была самой рослой среди своих одноклассников, даже с учётом того, что она появилась в их классе, оставшись на второй год, выглядела не по годам физически развитой и на удивление сформировавшейся девушкой. Злые языки распускали слухи о том, что она уже вовсю гуляет с взрослыми парнями. Возможно, под этими утверждениями и была какая-то почва, а может быть, и нет. Сама Вера к этим наветам относилась равнодушно. Дима некоторое время чувствовал себя не вполне комфортно, когда испытывал на себе повышенные знаки внимания с её стороны. Не единожды, выбрав момент на перемене, когда в пустом классе он задерживался, сидя за партой, она вдруг подсаживалась к нему с пустяковыми вопросами, нередко угощая какими-нибудь сладостями, к которым, впрочем, он с самого раннего детства был равнодушен. При этом, она вплотную придвигалась к нему, обжигая жаром своего тела даже через его брюки. В такие моменты ему казалось, что у него вот-вот закружится голова, его охватывали какие-то, неведомые ему, пока ещё дремлющие, скрытые инстинкты, готовые неожиданно взбунтоваться. Во рту внезапно пересыхало, им овладевало несвойственное ему косноязычие. Он в эти минуты мысленно молил судьбу о том, чтобы Света не застала их вместе в такой, как ему казалось, двусмысленной ситуации. С облегчением выдыхал, когда Вера, помучив его таким образом, вставала из-за парты и отходила от него уж совсем не детской, дразнящей походкой.

***

Мария Петровна получила на своей работе две путёвки в пионерский лагерь, одну для своего сына, вторую для его друга. В противном случае, то есть без него, Вадька ехать в пионерский лагерь категорически отказывался. Пионерский лагерь располагался почти в черте города, в районе местной ВДНХ или, как ещё называли в простонародье это место – на горе. Называли так, потому что, действительно, по сравнению с основной частью города, этот район смотрелся необычайно высоким плато, впечатление усиливала длиннющая лестница – эстакада, ведущая от подножия на самый верх плато. Здесь, в окружении живописного соснового бора, на берегу небольшой речки, на площадке, огороженной забором, среди небольших групп деревьев уютно расположились аккуратные свежеокрашенные домики из деревянных щитов. В одном из них и обосновались друзья вместе с другими пионерами из их отряда.

Жизнь в пионерлагере проходила по строго установленному распорядку, который начинался с утреннего подъёма под звуки голосистого горна, далее: умывание, утренняя линейка с торжественным поднятием флага, завтрак. После него, в зависимости от запланированного: или игры, или поход за пределы лагеря, в том числе и на речку. Затем все дружно

спешили на обед, а за ним наступал полуденный тихий час, продолжительностью в два часа, которые, впрочем, далеко не всегда получались тихими. После его окончания проходили различные мероприятия до самого ужина, по завершении которого можно было идти на киноплощадку посмотреть художественный фильм, привезённый передвижкой. После него проводилась вечерняя линейка с подведением итогов дня и опусканием флага. Затем, если это было запланировано, вспыхивал могучий пионерский костёр, после того, как он затухал, звучал, наконец, отбой.

***

Тихий час подходил к концу, завершение ненавистного для большинства пионеров времени, ознаменовалось в домике, где проживали Дима и Вадик, яростным подушечным боем. Голова у Димы, как, впрочем, и у всех, участвующих в этом побоище, вертелась, как на шарнирах. Не очень хотелось получить неожиданный удар подушкой по голове, которые летали по комнате с разных сторон, нередко сталкиваясь друг с другом на встречных курсах, добавляя в воздух, и без того насыщенный перьями и пухом, очередную порцию. Одна из подушек, неловко выпущенная чьей-то рукой, вылетела в открытое окно и опустилась прямо на голову старшей пионервожатой, проходившей в этот момент рядом с домиком. Она оторопела от неожиданности и стала озираться вокруг. Наконец, заметив открытое окно, подняла с земли подушку и, вбежав на крыльцо домика, резко открыла входную дверь. Перед её взором открылась плачевная картина результатов подушечного боя. Заведённые азартом участники, застигнутые врасплох, замерли, кто на полу, кто на кроватях. Картину дополняли разбросанные в разных местах подушки, усеянный перьями и пухом пол, на который ещё редкими снежинками медленно оседало, недавнее содержимое подушек.

«Через две минуты всем построиться на линейке!» – гневно скомандовала пионервожатая и, хлопнув дверью, вышла из комнаты. Все кинулись одеваться, на ходу завязывая пионерские галстуки, они выскакивали из домика. Дима немного замешкался, не обнаружив на месте своего галстука. Пробежав между кроватями, нашёл чей-то, изрядно помятый, как будто пожёванный галстук, повязал его и последним выскочил из комнаты. Когда он прибежал на линейку, все уже построились. Увидев его, пионервожатая скомандовала: «Снегирёв, подойди ко мне! – Дима подошёл. – Встань лицом к строю! – он выполнил команду. – Посмотрите на этого, так называемого, пионера! – обращаясь уже к нему, продолжила: – Как тебе не стыдно! Довести до такого состояния красный галстук! Да тебе не место в пионерской организации, встань в строй!» Дима присоединился к остальным.

– Сегодня на вечерней линейке ваше безобразное поведение во время тихого часа будет предметом серьёзного обсуждения! Совет отряда примет решение о наказании, а пока я даю вам задание по уборке территории лагеря. Старшим назначается Вадим Малков. Вопросы есть?

– Не-е-т …, – нестройным, унывным голосом ответили пионеры и по команде стали расходиться. Диму душило негодование за публичный позор из-за галстука, который ему не принадлежал, у него уже созрело решение, что в лагере он не останется и сегодня же убежит домой. Не теряя времени и забрав свой чемодан с вещами, он перелез через забор лагеря и покинул его.

***

Сергей Алексеевич Андреев ещё одиннадцать лет назад служил в армии кадровым офицером в г. Выборге. Однажды, возвращаясь поздно ночью с дружеской вечеринки подвыпившим, заметил за собой, как ему показалось, преследование. Он не стал прояснять ситуацию мирным способом, достал табельный пистолет и выстрелил в преследователя, который в результате был убит наповал. Действительно ли тот имел в отношении Сергея Алексеевича

неблаговидные цели или нет, суд не установил, но приговорил Андреева к десяти годам лишения свободы за умышленное убийство. К этому времени он был женат и имел малолетнего сына. После приговора жена расторгла с ним брак, не желая ждать его десять лет. Отбывая срок заключения, он заочно окончил строительный техникум и даже успел в тюремной зоне поработать несколько лет по своей строительной специальности. Освободившись после отбытия наказания, около года назад приехал жить и работать в село Верх-Ануйское, Быстроистокского района, в Алтайском крае, где жили его многочисленные родственники. Устроился в совхоз на работу мастером по строительству.

В Барнаул Сергей Алексеевич приехал по служебным делам. Проголодавшись, он зашёл в Чебуречную пообедать. Посетителей, кроме него, в зале не было, Раздатчица – миловидная женщина лет сорока, стоя за прилавком и откровенно скучая без дела, изучающим взглядом посматривала на одинокого посетителя, сидевшего за столом, и мысленно оценивала его: «Выше среднего роста, подтянутый, привлекательный, на вид лет сорок ему».

Посетитель, между тем, покончив с горячими блюдами, взял в руку стакан с кефиром, отпил глоток, поставил стакан на стол и, повернув голову в сторону раздатчицы, обратился к ней с вопросом:

– У вас булочек или пирожков нет?

– Почему же нет? Есть булочки с маком.

– Дайте, пожалуйста, одну.

Раздатчица, захватив одну булочку, вышла из-за прилавка и подошла к столу посетителя.

– С вас пять копеек, – известила она, протягивая ему булочку.

Мужчина, достав из кармана пиджака пятикопеечную монету, отдал раздатчице и, забрав булочку, стал поедать, запивая кефиром. Женщина вернулась на своё рабочее место и поймала себя на мысли, что, стоя у стола посетителя, она невольно отметила для себя отсутствие у того обручального кольца и задалась вопросом: «Стоит или не стоит с ним познакомиться, а что? На вид мужчина серьёзный, в расцвете сил. Только вот, действительно ли, он свободный? Отсутствие обручального кольца, ещё не факт одиночества. Да и, вообще, внешность обманчива, неизвестно ещё, что у него там за душой. Вот ведь Володька жил со мной в моём доме больше года, клялся, что любит меня и только меня одну, а вышло что на поверку? Это же надо, однажды среди бела дня, во дворе совнархоза случайно застукала его с Нинкой, горячо развлекающихся прямо в салоне его служебного автобуса, совсем стыд потеряли! Хорош оказался шелудивый кобель! Да и Нинка – сучка драная, тоже мне, подруга называется. Ведь знала же, что он со мной живёт и на тебе! Наверняка, сама же и напросилась, не силком же он её в автобус затащил. Ведь молодая, симпатичная девка, только-только двадцать годков стукнуло. Ей бы со сверстником своим романтичную любовь закрутить, а она под мужика, который ей в отцы годится, подставилась бессовестным образом, обидно. Тяжело, конечно, без мужика жить, но не могла же я после того, как застукала его с Нинкой, у себя дома оставить. К тому же, вполне возможно, что он таким же нехитрым образом, далеко не одну бабу в городе уже пользовал, а после того без стыда и совести ещё и ко мне в постель залезал. Сына тогда было жалко, он привык уже к нему. А мне каково? Годы проходят, через год уже стукнет сорок лет, а надёжного спутника жизни так до сих пор и не встретила».

Её размышления прервал мужской голос:

– Извините, пожалуйста. Я по командировке на две недели в город приехал. Не можете ли вы мне подсказать, где бы я смог на это время снять угол?

Перед ней, у прилавка стоял всё тот же посетитель. Застигнутая вопросом врасплох, раздатчица лихорадочно соображала, как использовать неожиданно сложившуюся ситуацию в свою пользу. «Так, значит, командированный, хочет снять угол. Ах, ещё неизвестно что, а может, и кого он снять хочет. Что же ответить-то? Не предлагать же незнакомому мужчине, в конце концов, место в своей кровати. – тут её неожиданно осенило: – Раскладушка!

Конечно же, раскладушка! По крайней мере, и деньги не лишние, а там видно будет, как дальше сложится, всё-таки две недели…» Она приняла решение и, сразу успокоившись, пожав плечами, с наигранным безразличием ответила:

– Ну, не знаю …. Если вас устроит раскладушка, я бы могла предложить. Живу вдвоём с сыном, комната большая.

– Вполне-вполне, – торопясь согласиться и, выражая искреннее удовлетворение, начал он и, не останавливаясь, продолжил: – Спасибо! Извините, как вас зовут? А то, как-то…

– Екатерина Арсентьевна, – перебила она его и машинально, забыв, что на голове поварской колпак, попыталась поправить свою причёску.

– Очень приятно. Сергей Алексеевич к вашим услугам, – галантно, слегка склонив вперёд голову, произнёс он.

Раздатчица слегка улыбнулась, подумав: «Ишь, как хвост распушил, не рановато ли?» – а вслух произнесла:

– Сергей Алексеевич, если договорились, то вам придётся подождать. Я имею в виду то, что пройдите пока куда-нибудь, погуляйте, что ли, ну, не знаю …, а к шести вечера подойдёте сюда, и мы с вами поедем ко мне домой.

– Хорошо-хорошо, – поспешно согласился тот и уточнил: – Значит, в восемнадцать ноль-ноль я буду здесь, – повернулся и вышел из Чебуречной.

Когда рабочий день подошёл к концу, Екатерина Арсентьевна прошла к входной двери и перевернула табличку, теперь она со стороны улицы извещала возможных страждущих зайти надписью – ЗАКРЫТО. Когда последние посетители, находившиеся в зале, закончили подкрепляться и вышли, работница заведения, переодевшись и традиционно захватив две увесистые продовольственные сетки, направилась к выходу. На улице, у входа в Чебуречную её уже поджидал новоиспечённый квартирант. «Екатерина Арсентьевна, разрешите, я вам помогу», – участливо предложил он свои услуги и, не дожидаясь ответа, уже перехватывал в свои руки авоськи. Освободившись от груза, женщина, приосанившись, направилась к расположенной неподалёку автобусной остановке, её спутник последовал за ней. Спустя несколько минут подкатил автобус, на котором они вскоре доехали до остановки Гоньбинская, сошли и минут через десять уже входили в комнату хозяйки.

***

Прошло несколько дней, квартирант уже немного освоился, возвращаясь из города, непременно приносил в дом какие-нибудь продукты для готовки и столовался у хозяйки утром и вечером. Ночевал он на раскладушке, которую хозяйка ему поставила и застелила в дальней половине комнаты, у окна. Порой, по ночам хозяйка слышала, как постоялец нарочито ворочался в постели, наверняка, пытаясь привлечь её внимание, но большего себе не позволял.

Как-то, возвратившись в очередной раз из города, он выложил на стол продукты, которые в повседневной жизни Снегирёвой редко его украшали. Здесь были: и копчёная колбаса, и сыр «Российский», и разнообразные фрукты, и даже баночка с красной икрой. Вслед за деликатесами он извлёк и поставил рядом бутылку дорогого креплёного вина. Увидев всё это на столе, хозяйка, всплеснув руками, воскликнула:

– По какому случаю такое изобилие?

– Екатерина Арсентьевна, у меня сегодня день рождения, вот я и решил, если вы не возражаете, немного отметить его в вашем обществе.

– Понятно, поздравляю вас!

– Спасибо!

Хозяйка принялась накрывать праздничный стол. За разговорами ужин затянулся. Дима, налакомившись, первым покинул стол и лёг спать. Взрослые ещё некоторое время продолжали

застолье, за которым из разговора с постояльцем хозяйка узнала историю жизни собеседника, поведав ему затем вкратце, без излишних подробностей, и свою. После завершения ужина, она убрала со стола, и вскоре все улеглись на ночь по своим местам. Женщину уже начала одолевать дремота, когда услышала знакомые звуки, которые снова стал издавать беспокойный постоялец. Выпитое хмельное вино слегка кружило голову и обостряло восприятие сложившейся ситуации, она улыбнулась в темноте и, решившись, негромко проговорила: «Ну, что ты ворочаешься, дурачок, мужик ты или нет? Иди ко мне, Серёжа, за подарочком, ты ведь у нас сегодня именинник!»

После её слов на несколько мгновений в комнате воцарилась напряжённая тишина, затем послышался резкий скрип раскладушки. Постоялец встал с неё и, пригнувшись, словно крадучись, направился к кровати хозяйки. Когда он подошёл, она приподняла край одеяла, и мужчина быстро юркнул в раскрытую постель, под бочок желанной женщины. Катерина затрепетала, сразу же почувствовав на своём теле сильные и решительные мужские руки…

После совместно проведённой бурной ночи, между ними установились тёплые, ровные отношения, раскладушка была сложена и задвинута в дальний угол за ненадобностью. Сергей с удовольствием переместился в постель к хозяйке, и несказанно был доволен предоставленной ему возможностью еженощно забавляться с благосклонной к нему женщиной.

Последняя ночь перед отъездом квартиранта протекала особенно насыщенно, словно участники любовных забав стремились впрок насытиться их дарами. К утру между ними состоялся серьёзный разговор, инициатором которого выступил мужчина. По его предложению было принято решение о создании совместной семьи и переезде на его малую родину – в село Верх-Ануйское, где, по его заверению, они сразу получат двухкомнатную квартиру в совхозном доме на двух хозяев. Дату переезда определили декабрём месяцем, ближе к Новому году. На дворе стоял сентябрь…

***

В декабре Дима, под впечатлением часто обсуждаемой на страницах газет и по телевидению пользы занятий бегом, решил приобщиться к нему. По утрам он облачался в хлопчатобумажное трико, в тёплых комнатных тапочках бегал от своего дома до почтамта и обратно. Общая дистанция составляла пятьсот – шестьсот метров. Было, конечно, холодно, но терпимо. Очередной раз утром он вышел на привычную пробежку, преодолев метров пятьдесят, почувствовал, что ледяной воздух буквально сковывает тело, ноги деревенеют, а уши и нос вообще перестают ощущаться. Заподозрив неладное, он повернул домой, но времени, проведённого на улице, да ещё при беге, оказалось вполне достаточно, чтобы серьёзно отморозить уши. Отогревшись в тепле, они невыносимо болели и так сильно распухли, что казались несуразно большими, как будто искусственно увеличенными. Как оказалось, в это утро температура воздуха доходила до минус пятидесяти шести градусов по Цельсию! На этом бесславно закончилась для него на некоторое время эпопея приобщения к бегу.

***

Однажды мама сказала сыну, что они в скором времени переезжают из Барнаула в село, где будут теперь жить. Неожиданное известие было совсем не радостным для него. «А как же друзья, а Света?» – подумал он, на душе стало сразу тоскливо. Эту новость он рассказал подруге и предложил переписываться, она без особых раздумий согласилась. Друзья, особенно Вадик, известие об его переезде восприняли без энтузиазма.

В один из последних предновогодних дней, перед отъездом Дима сидел, как всегда, за одной партой со Светой. Шёл урок пения, по классу под аккомпанемент баяна метались слова новогодней песни:

«В пять минут решают люди иногда,
Не жениться ни за что и никогда,
Но бывает, что минута
Всё меняет очень круто,
Всё меняет раз и навсегда…»

В этот момент Света слегка наклонилась к его уху и неожиданно тихим, но твёрдым голосом произнесла: «Дима, я переписываться с тобой не буду!» – и продолжила петь, как ни в чём не бывало.

На него как будто вылили ушат холодной воды. Всё случилось так неожиданно, и была непонятна причина такого её решения, что он сначала просто растерялся. «Почему, что случилось?» – стучало в его висках, эти же слова, обращённые к Свете, прозвучали и вслух.

Она спокойно ответила:

– Ничего не случилось. Просто я подумала и решила – зачем? Может быть, мы с тобой никогда больше не увидимся, к чему тогда эта глупая переписка?

– Почему не увидимся? Я же могу иногда приезжать.

Она едва заметно усмехнулась и сказала, как отрезала:

– Дима, я же сказала, что переписываться с тобой не буду! Всё, закончим этот никчемный разговор.

Глава 4

Наступил 1967 год. Советский Союз готовился торжественно отмечать полувековой юбилей Великой Октябрьской Социалистической Революции. Стране было чем гордиться. Околоземное космическое пространство уже регулярно бороздили пилотируемые космические корабли и многочисленные искусственные спутники Земли. Вступали в строй крупнейшие в мире гидроэлектростанции. Высокими темпами развивалась ядерная энергетика: расчищая ледяные торосы северного морского пути, проводил караваны морских судов атомный ледокол «Ленин», вырабатывали электрическую энергию атомные реакторы. В военном отношении был обеспечен паритет с ведущими ядерными державами неспокойного мира. Советский Союз мог гордиться высокими спортивными достижениями и образовательным уровнем населения. Хотя и медленными темпами, но всё-таки росло благосостояние советского народа.

В то же время, разбуженное хрущёвской оттепелью самосознание вольнолюбивой части советских людей постепенно вновь подверглось жёсткому ограничению и целенаправленной обструкции. В кулуарах общества всё чаще звучали и обсуждались такие явления и понятия, как, например, права человека, самиздат, диссидентство и т. п. Широко задуманные и запущенные в реализацию смелые экономические реформы Председателя Правительства страны Н. Косыгина, которые по его замыслу должны были скинуть с предприятий и организаций оковы, отягощающие дальнейшее их экономическое развитие, постепенно выдыхались. В советской экономической науке и практике, как в стахановском движении, появлялись новые имена и направления, разрабатывались, широко пропагандировались и буквально насаждались в невероятном количестве и удивительные по изобретательности целые системы по планированию, качеству, управлению, оплате труда. Безусловно, они давали какой-то экономический эффект, но были бессильны сломить становой, заскорузлый хребет жёсткой административно-командной экономики. Впрочем, о такой крамольной мысли, тем более что о таких действиях никто и не помышлял, все эти искания и нововведения ограничивались горячим желанием власть имущих облагородить, поддержать на плаву действующую систему, в конце концов, подвигнуть советских людей работать более эффективно.

Советские граждане по путёвкам и приглашениям периодически просачивались за рубеж в приоткрывшиеся щели «железного занавеса», с удивлением для себя они открывали новый мир – общество потребления. Коммунистическое изобилие, которое обещали им многие десятилетия и даже уже провозгласили конкретную дату его создания, там, за кордоном было уже осязаемо! Они чувствовали себя обманутыми, рождались саркастические, блуждающие по кухням выражения типа: «Вы делаете вид, что платите нам зарплату, тогда мы делаем вид, что работаем!»

Стал постепенно подрастать уровень заработной платы, пропорционально стали расти очереди за вожделенными талонами на дефицитные товары и за импортными вещами. В ответ на появление у населения невостребованных предложением денежных накоплений, зарождался чёрный рынок со своими цеховиками, фарцовщиками, валютчиками. Все эти процессы неумолимо разлагали систему изнутри, пышным цветом разрастались коррупция и мздоимство. Эпоха застоя медленно, но неуклонно вползала на вершину своей стагнации…

***

Село Верх-Ануйское, одно из самых больших сёл Быстроистокского района. Оно расположилось в предгорьях, на увалисто-холмистой местности, по левому берегу реки Ануй – одного из левых притоков Оби.

Приземистые, подслеповатые деревенские избы из деревянных срубов, огороженные неказистыми, но крепкими заборами, дымили трубами, утопая в сугробах. Время от времени, справные лошади, с заиндевевшими от дыхания на морозе мордами, лихо проносили розвальни по укатанной колее улиц.

Пробегали дни зимних школьных каникул. Дима знакомился с родственниками отчима, в том числе с его племянниками, своими сверстниками. От общения он получал массу необычных впечатлений. Манера их поведения, специфический деревенский говор, особенно одного из них – Петра, как будто на машине времени, уносили его на несколько сотен лет назад. Порой он просто не мог понять собеседника. С другой стороны, такая манера, этот необычный говор завораживали. Всё для него после привычной городской жизни было удивительно и ново. Он обратил внимание, что все без исключения входные двери в избы открывались только вовнутрь. Как ему объяснили, это в условиях снежных зим жизненная необходимость, иначе, проснувшись однажды утром, просто невозможно было бы выйти из избы, дверь будет заблокирована наметёнными за ночь сугробами, которые порой достигают крыши избы. Ни одного замка на дверях он не увидел. Если хозяев дома нет, об этом извещала возможных посетителей метла, лопата или просто палка, приставленная к двери. Печи топили не только дровами, но и кизяками, которые прессуют в небольшие кирпичики из навоза с примесью соломы, практически в каждом дворе можно увидеть штабеля из них.

***

Петя – один из племянников Сергея Алексеевича, пригласил Диму в баню, тот охотно согласился, его распирало любопытство увидеть, какая же баня в деревне. Захватив с собой смену нижнего белья и полотенце, он отправился вместе с Петром к нему домой. Пройдя в калитку, они направились в глубину двора, к бревенчатой избушке с подслеповатым окошком. Открыв входную дверь, попали в предбанник с двумя простыми вешалками на несколько крючков, закреплённых на стенах напротив друг друга, под ними на деревянном полу стояли лавки. Раздевшись, ребята, открыв смежную дверь, вошли непосредственно в баню, в ней было жарко натоплено. Первое, на что обратил внимание Дима, стены и потолок были закопчены до черноты. Справа от входа, на некотором расстоянии от смежных стен находилась конструкция, сложенная из грубых камней, не очень высокая, чуть выше пояса, но достаточно широкая, чтобы на ней мог разместиться внушительный, металлический, в форме полусферы чан с горячей водой, обложенный кучей крупных галек. Недалеко от неё стоял вместительный деревянный жбан с холодной водой. Далее от стены до деревянного пола, в форме двух широких и высоких ступеней, опускались деревянные пологи, на одном из которых стояли два оцинкованных тазика с ручками. В одном из них в горячей воде томился берёзовый веник. В бане висел приятный устойчивый запах, исходящий от прогретых бревенчатых стен, замешанный на запахе распаренного берёзового веника. Так и не увидев, сколько не присматривался, дымовой трубы, Дима понял, почему стены и потолок так сильно закопчены, и спросил:

– А почему трубы-то нет? Копоти сколько!

– Э-э-э, – протянул Петя и пояснил: – В этом-то и прелесть вся. Баня эта по-чёрному топится. Чуешь, запахи какие? Да и топить её надо не более трёх часов, а, если бы с трубой была, то целый день топить надо бы, сколько жара в трубу тогда бы вылетело.

Он налил ковшом в свободный тазик горячую воду, разбавил кипяток холодной водой и окатил из него полки. Затем плеснул пару ковшей холодной воды на раскалённые камни, от них с шипением поднялся пар, заполняя пространство и обжигая обнажённые тела. «Ложись на полку!» – скомандовал Петя. Дима послушно лёг животом вниз на верхнюю полку. Напарник надел на руки рукавицы, лежавшие на подоконнике, и стал сначала осторожно, а потом всё сильнее и сильнее охаживать его спину распаренным веником. Казалось, что жар, беспре-

пятственно проходя через кожу, доставал уже до костей и до самих внутренностей. Не в силах больше терпеть, он перевернулся на спину и веник с новой силой стал охаживать, обжигая кожу. «Всё, достаточно!» – завопил Дима, не чувствуя уже на себе живого места. Петя отложил веник, поменялись местами. Размахивать веником в жарко натопленной бане, да ещё при поддатом паре, было тоже не очень-то приятно. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди, наконец, Петя остановил его. Он кинулся в предбанник, напарник за ним. После распаренной бани, прохладное помещение показалось райским местом, Дима с наслаждением присел на лавку и с удивлением увидел, как его визави, не задерживаясь, выскочил нагишом во двор и сходу зарылся в сугробе. Как не было боязно, Дима не мог не последовать за ним. Словно тысячи иголок вонзились в разгорячённое тело. Покувыркавшись некоторое время в снегу, они ринулись обратно в баню и продолжили горячие водные процедуры. После окончания помывки, Дима, выйдя из бани на морозный воздух, почувствовал такую лёгкость в теле каждой своей клеточкой, что, казалось, взмахни руками и полетишь.

***

По окончании зимних каникул Снегирёв пошёл в свою новую школу, она находилась на центральной улице села, в полукилометре от их дома и представляла собой двухэтажное длинное здание, облицованное вагонкой, покрашенной в зелёный цвет.

Ученикам класса, с которыми ему предстояло учиться, его представила завуч школы – дородная женщина средних лет. Пока она его знакомила с ними, те с интересом поедали глазами «городскую штучку». Дима заметно отличался от своих новых одноклассников не только более цивильной одеждой, но и всем своим обликом, сформированным условиями городской жизни.

Очень скоро всем ученикам и учителям стало понятно, что по школьным знаниями и умению их преподнести новый ученик заметно опережал подавляющую часть одноклассников и одноклассниц. В свою очередь, Дима отметил для себя, что преподаватели сельской школы, по крайней мере, не уступали в своих познаниях учителям, которые его учили в городской школе, а по умению дойти до каждого ученика отличались в лучшую сторону. Средний уровень знаний сельских школьников был несколько ниже уровня городских учеников, скорее всего, потому что у сельских подростков было домашних забот намного больше, чем у городских, да и возможностей расширения общего кругозора в городе всегда объективно больше, чем в селе. Только одна девочка в классе – Таня Дашкова, училась без троек и даже с преобладанием отличных оценок, хотя было заметно, что учителя всё-таки «тянули» её. Ещё одна девочка – Фурсова Нина, хотя училась относительно неплохо, но без троек не обходилась, как бы доброжелательно учителя к ней не относились.

Надо сказать, что сельские преподаватели ко всем ученикам относились доброжелательно, это Дима ощутил и на себе, привыкший в городе к достаточно высокой требовательности. Здесь, в сельской школе учиться ему было значительно легче, особо не утруждаясь, он всегда получал хорошие и отличные оценки, которые, например, Тане стоили несравнимо большего прилежания. К тому же, у него стали проявляться способности психологического характера. При ответах у доски он старался делать акцент на тех особенностях в понимании вопроса, которые подмечал у своего преподавателя. Это невольно льстило самолюбию учительницы, она с удовольствием ставила ему отличные оценки.

Серьёзные школьные успехи представителя именно мужской половины класса, были столь необычны для одноклассников, что они невольно прониклись уважением к новому ученику. К тому же, и на баскетбольной, и на хоккейной площадках он не портил погоды. За быстрый бег и высокие прыжки одноклассники прозвали его – длинноногий.

Наступил день, когда он вместе с другими сверстниками поехал в районный центр Быстрый Исток, где их в райкоме должны были принимать в комсомол. На заседании райкома было устроено настоящее чистилище, претенденты даже несколько приуныли, но в итоге всё закончилось благополучно, если не считать, что в комсомол не приняли двух одноклассников, успехи в учёбе которых, мягко говоря, оставляли желать много лучшего.

***

Заканчивался учебный год в седьмом классе, всем уже было известно, что Таня и Дима претендуют на поездку во всесоюзный пионерлагерь «Артек» на Чёрном море, как лучшие ученики школы, по путёвкам, выделенным РайОНО.

Случилось неожиданное, Дима умудрился за четвёртую четверть получить тройку по геометрии. Раздосадованная безалаберным отношением его к этому предмету, учительница по математике, она же и классный руководитель, выставила ему тройку и за полугодие, и за год. В результате, в «Артек» вместо него поехала Нина Фурсова, хотя у неё было две годовых тройки, да и другие оценки были явно ниже, чем у него. Вероятно, Вера Николаевна в воспитательных целях решила устроить Диме, для его же пользы на будущее, показательный урок. Наверно, ей это удалось, по крайней мере, он, уязвлённый произошедшим, в дальнейшем, вплоть до окончания школы, таких провалов больше себе не позволял.

В один из последних учебных дней года, Дима на большой перемене, зайдя из коридора в свой класс, застал странную картину. Верхом на парте сидел Сашка Ковалёв – невысокого роста одноклассник, перебивавшийся в учёбе с двойки на тройку, который вслух упоённо что-то зачитывал с тетрадного листка. Его с разных сторон обступили одноклассники и одноклассницы, внимавшие его повествование с блуждающими улыбками на лицах. Рядом, за своей партой сидела Нина Фурсова, лицо её было пунцовым. Вообще-то, она была, безусловно, самой красивой девочкой в классе. Мальчишки не раз пытались добиться её расположения, но безуспешно, она знала себе цену. Увидев Диму, вошедшего в класс, как-то странно посмотрела на него, быстро выскочила из-за парты и выбежала в коридор, тот с недоумением спросил:

– Что здесь происходит-то? Чего это она, как ошпаренная, выскочила?

– Да вот, читаем твоё любовное письмо к ней, – с ехидцей в голосе ответил Сашка, потрясая листком бумаги из тетрадки.

– Вот ещё придумал. Никому писем я не писал, любовных, по крайней мере, – спокойно ответил Дима, искренне удивившись такой глупой новости, – поразмыслив, добавил: – А нука, дай его сюда, по почерку-то определить можно.

Сашка охотно передал письмо. Почерк, конечно, был не его, но кто-то старательно пытался его подделать. Он бегло пробежал глазами по строчкам, что-то показалось ему знакомым, он даже несколько озадачился и вдруг понял, что кто-то сочинял письмо, используя известные литературные произведения, вот только ошибок допустил многовато.

– Нет, столько ошибок я сделать не смог бы, – с уверенностью в голосе произнёс он.

Одноклассники, зная, что Дима пишет вполне грамотно, потеряв интерес к обсуждению письма, стали расходиться.

Придя домой из школы, он обнаружил в почтовом ящике письмо из Барнаула от Светы Коневой. «Сработало!» – радостно подумал он, вспомнив, что в одном из писем своему другу Вадику, попросил того переговорить со Светой и убедить её написать ему письмо. Он с нетерпением вскрыл конверт и развернул тетрадный листок в линию, на половинке страницы которого уместилось всё послание Светы.

«Здравствуй, Дима.
Ну, что ещё писать?

Я живу по-старому. Учусь немного хуже, почти ничего не учу. О жизни класса Вадька тебе, наверное, пишет. Этим летом мы опять будем в трудовом. Вообще-то это неплохо.

Честное слово, не знаю, что писать.

Я не хочу с тобой ссориться, но не думай, пожалуйста, что я пишу тебе, потому что… Я пишу просто, как хорошему знакомому.

Ну, пиши.

Света»

«Да-а, не густо и не очень обнадеживающе. Хотя, как говорится, лиха беда – начало, – подумал он и успокоился.

***

В один из солнечных дней уходящей весны Сергей Алексеевич принёс в дом двух щенков, внешне похожих на породу восточноевропейской овчарки. Обе были сучки, одна, которая крупнее – чёрного цвета, другая – светло-коричневая. Дима, любивший собак, как и других животных, очень обрадовался и с удовольствием проводил со щенками свободное время. Вскоре светло-коричневого щенка Сергей Алексеевич, куда-то отнёс, оставшуюся сучку назвали Веда. Она росла смышленой собакой, Дима старательно дрессировал её на выполнение различных команд.

Однажды, с наступлением лета и окончанием учебного года, отчим предложил Диме поработать на стройке, к труду приобщиться и денег на личные нужды заработать. Он согласился, переговорил с соседским подростком Павлом, который был годом старше его, и они уже на следующий день прибыли в распоряжение Сергея Алексеевича, который работал мастером на объектах строительства совхозных двухквартирных домов. Им предстояло рыть погреба внутри уже возведённых срубов. Получив лопаты и кирки, они с нерастраченной энергией принялись за дело. Сначала работа шла споро, но через полметра углубления пошла прессованная глина, пришлось работать в основном кирками, а выгребать совковыми лопатами. Темп работы заметно снизился, да и сил уходило много. Подростки, порядком намучавшись махать кирками, принялись натачивать напильниками штыковые лопаты. Вскоре те были так остро заточены, что впору было выстругивать ими поделки из дерева. Дело пошло веселее, они наловчились копать ступеньками. Самое трудоёмкое здесь было начало первой ступеньки, а затем остро заточенными лопатами до противоположной стенки ямы глину срезали аккуратными пластами по двум ступенькам, одна за другой. Поработав таким образом месяц, подростки хорошо подкачались физически и заработали больше сотни рублей каждый.

Дима был очень горд своим заработком, он впервые держал в руках столь крупную сумму денег. Мама, увидев сияющее лицо сына, посоветовала ему съездить в районный центр Быстрый Исток и купить себе что-нибудь из промышленных товаров на своё усмотрение, поразмыслив, он так и сделал.

***

Приехав в Быстрый Исток, Дима битый час ходил по универмагу и приценивался к товарам на прилавках. Соблазнов было много и, в конце концов, он остановил свой выбор на приобретении фотоаппарата «ФЭД-2Л». До этого у него был фотоаппарат «Смена-6», но этот казался ему, по сравнению с ней, просто чудом техники, правда, и стоил он недёшево – сорок три рубля, чуть более трети его заработка. Тем не менее, деньги ещё оставались, да и времени до начала нового учебного года также было предостаточно. Поразмыслив, Дима, отпросившись у матери, отправился в Барнаул проведать друзей и, конечно же, Свету.

Из Быстрого Истока до Барнаула он впервые в жизни летел на самолёте. Небольшой с дюжиной мест биплан «АН-2», словно птица парил над землёй. Прильнув к иллюминатору, подросток с замиранием сердца наблюдал, как под крылом самолёта величаво проплывали четырёхугольники полей и лесов, ленты автомобильных дорог, извилистые русла рек и блюдца озёр, как будто нарисованные на карте населённые пункты. Порой самолёт неожиданно проваливался вниз, в эти моменты создавалось ощущение невесомости, какой-то комок подкатывал к горлу. Некоторые пассажиры в такие минуты, доставали специальные, бумажные пакеты, раскрывали их и подносили ко рту.

Внизу показались кварталы большого города, самолёт стал снижаться и по мере его приближения к земле, они разрастались до невероятных размеров, заполняя всё пространство обзора. Самолёт опустился совсем низко, перед глазами замелькало большое зелёное поле, после удара колёс о землю, движение резко замедлилось, через некоторое время самолёт, зарулив на отведённое ему место, остановился.

Проезжая на автобусе по городу, Дима со щемящим сердцем смотрел на знакомые ему с детства места, а когда ступил во двор бывшего своего дома, радости его не было предела. Он уверенно вошёл в подъезд, на одном дыхании вбежал на второй этаж и постучал в знакомую ему комнату с номером девятнадцать. Из-за двери приглушённо донеслось:

– Входите, открыто!

Он толкнул от себя дверь, она со скрипом отворилась. В левом дальнем углу комнаты, на заправленной ворсистым одеялом кровати лежал его друг Вадим. Подогнув в коленях ноги и положив их одна на другую, он читал книгу.

– Здорово, Вадька! – крикнул с порога Дима.

Тот оторвался от книги, увидев друга, резко соскочил с кровати и ринулся ему навстречу со словами:

– Ничего себе! Откуда ты свалился!

– А вот с неба и свалился! – скаламбурил тот.

Они крепко обнялись, потрясли, помяли друг друга и прошли вглубь комнаты.

– Подожди минутку, – вспомнив про фотоаппарат, воскликнул Дима и достал его из сумки.

Привинтил к нему штатив и, прикрепив к крышке стола, навёл видоискатель, взвёл самопуск и вдвоём друзья сели на кровать. Раздалось жужжание, а затем щелчок затвора. Вадим подошёл к фотоаппарату и, разглядывая его, произнёс:

– Классный фотик!

– Да вот, заработал денежки, купил его и сюда приехал, вернее, прилетел на самолёте, – с нескрываемой гордостью ответил Дима.

– Да ну, прямо на самолёте летел?

– А на чём же ещё летают?

– Надо же, я в жизни на самолёте не был. Интересно, наверно?

– А то, знаешь, такое ощущение, земля просторная, на ней всё, как игрушечное!

Долго они ещё разговаривали, делились новостями и, наговорившись, побежали на улицу к друзьям. Весь оставшийся день они пробегали во дворе, поиграли в футбол. Вечером мать Вадима накормила их, и они улеглись спать.

***

На следующее утро, проснувшись, Дима сказал другу:

– Вадька, сегодня меня, наверно, целый день не будет. Схожу до Светки, сам понимаешь, а завтра вместе в город смотаемся. Хорошо?

– Да чего там, всё понятно, беги до своей зазнобы!

Позавтракав, они расстались.

Света жила в частном секторе, вниз по Гоньбинке, к железнодорожному мосту, на Кирсараевской улице, недалеко от того места, где протекала речка Барнаулка. Она была мелкая и, сколько помнил Дима, очень сильно загрязнённая отходами завода, не то кожевенного, не то пивного, а может быть, и того, и другого вместе взятых. Во всяком случае, даже проходить мимо неё было совсем неприятно, цвет воды грязно-жёлтый, а запах просто жутко смердящий. Пройдя по лабиринтам улочек и переулков, он подходил к нужному дому. Возле его ограды, на лавочке сидела в простеньком ситцевом платьице Света с малолетней девочкой. В руках у неё была гитара, из которой она старательно пыталась выдавить подобие музыки, однако ничего путного из этого не получалось. Увлёкшись, девушка и не заметила, как к ней подошёл Дима.

– Здравствуй, Света!

Она подняла голову, её глаза, и без того большие, округлились от удивления.

– Дима? Вот это сюрприз!

Тот к этому моменту уже расчехлил фотоаппарат, висевший через плечо, и, отойдя на необходимое расстояние, щёлкнул затвором. Расплывшись в улыбке, он подошёл и присел к ней на скамейку.

– Ты какими судьбами, давно приехал, по какому поводу? – засыпала она его вопросами.

– Вчера я прибыл, решил друзей проведать, с тобой встретиться. Вот я и здесь!

– Как же, вот просто так, взял и приехал? Это же далеко всё-таки, да и деньги нужны…

– А что тут такого? – с бравадой в голосе, не дав ей договорить, ответил Дима и продолжил. – Купил билет на самолёт за пять рублей, полтора часа лёту, и я в Барнауле! А деньги, что? Заработал, вот фотоаппарат купил, и ещё достаточно рубликов осталось. Кстати, пришёл пригласить тебя. Съездим давай в город, погуляем, в кино сходим.

– Глянь-ка, приехал кавалер из деревни! А куда отправимся?

– Давай на Ленинский проспект или ещё куда, ну, не знаю, там видно будет.

– Так, ладно, ты посиди пока здесь, я заскочу в дом, переоденусь и поедем. Жди! – выпалив скороговоркой, она подскочила с лавочки и скрылась за калиткой.

Минуты тянулись мучительно медленно, он извёлся, ожидая подругу. Она появилась из калитки неожиданно и, как отметил про себя Дима, очень нарядно приодетая. Минут через двадцать они, доехав на автобусе до площади Ленина, не торопясь, пошли вниз по Ленинскому проспекту. Подросток чувствовал себя, словно на крыльях, впервые вдвоём с девочкой он прогуливался, при этом, сознавая, что в состоянии оказать ей знаки внимания, не особо стесняясь в деньгах. Стоило им повстречать на пути лотки с мороженным, газированными напитками или с какими-то другими лакомствами, он тут же предлагал Свете угощения. Душа ликовала, время от времени они фотографировались. Дойдя до кинотеатра «Россия», повернули к нему, взяли билеты и вскоре вошли в фойе. Погуляли в зале ожидания, рассматривая портреты киноартистов, развешанные по стенам, отведали ещё мороженного и с первым звонком вошли в зрительный зал. Медленно потух свет и, после показа киножурнала «Фитиль», начался художественный фильм «Королевство кривых зеркал». Сначала юный кавалер, сидя рядом с подругой, физически ощущая её близость, дыхание, чувствовал себя необычайно скованно. Случайное соприкосновение с ней коленками обжигало его, словно пронизывало электрическим током, голова слегка кружилась. Фильм, однако, постепенно захватывал, они увлеклись, вместе со всеми в зале сопереживали перипетии сюжета, веселились, напряжение незаметно улетучилось. После просмотра кинокартины, не спеша, походили по тенистым аллеям города, нагуляв на свежем воздухе аппетит, перекусили в кафе. Исчерпав импровизированную культурную программу, к вечеру он проводил спутницу до дома.

Погостив в Барнауле ещё два дня, Дима решил возвратиться домой, купил билет на утренний рейс самолёта. Ночь перед отлётом случилась какая-то тревожная, снились сум-

бурные сны. Проснувшись утром, он успел ухватить в памяти только обрывок сновидения, как будто самолёт, на котором он летел, загорелся, больше в памяти ничего не осталось. Глянув на часы, ужаснулся, времени оставалось очень мало, чтобы успеть добраться до аэропорта, не опоздав на свой рейс. Он лихорадочно собрался, не позавтракав, попрощался с другом и выскочил на улицу. Ему повезло, только успел подбежать к дороге, как увидел приближающееся такси с зелёным огоньком. Таксомотор домчал его до аэропорта, выскочив из машины, бросил взгляд на часы, до отлёта оставалось несколько минут. При выходе из аэропорта на лётное поле, он столкнулся с женщиной в униформе – работницей аэропорта и с надеждой в голосе спросил:

– Скажите, пожалуйста, самолёт на Быстрый Исток ещё не улетел?

Женщина, посмотрев на подростка, ответила:

– Пока ещё нет, но можешь опоздать, беги, вдруг успеешь!

Он рванул на зелёное лётное поле, окинув его взором, увидел два самолёта в разных его концах. На мгновение замешкавшись, побежал к тому из них, посадка на котором уже закончилась, по трапу спускалась девушка-проводница. Дима, подбежав к самолёту, закричал:

– Подождите!

Проводница поторопила его, пропуская мимо себя.

– Давай быстрее поднимайся! – затем, спохватившись, попросила парнишку на всякий случай: – Дай-ка билет! – посмотрев в него, воскликнула: – Мальчик, тебе же не на этот самолёт, он летит совсем в другую сторону, вот бы сейчас улетел!

Дима, схватив билет, побежал к другому самолёту, но было уже поздно, тот тронулся с места и стал выруливать на взлёт. Он уныло побрёл в сторону здания аэропорта, на глазах выступили слёзы. Сотрудники аэропорта, разобравшись в ситуации, успокоили подростка и проштамповали билет на следующий рейс.

Уже на подлёте к аэропорту в Быстром Истоке, Дима боковым зрением увидел, как за иллюминатором проскользнула струйка дыма, он заглянул в него и обомлел. Со стороны носа самолёта тянулась густая чёрная струя дыма. «Ни фига себе, сон в руку!» – мысленно ужаснулся он. В это время из кабины самолёта вышел один из пилотов и обратился к пассажирам: «Граждане, пристегните ремни, самолёт идёт на посадку». «АН-2» начал снижение, Дима снова глянул в иллюминатор, лётное поле аэропорта неумолимо приближалось, до него уже оставалось несколько десятков метров, когда в ровном до того гуле двигателя самолёта послышались сбои. Пассажиры забеспокоились, пилот, который, войдя в салон, уже не покидал его, ровным голосом успокаивал пассажиров: «Ничего серьёзного, с мест без разрешения не вставать, мы уже почти на земле». Как бы в подтверждение его слов, произошёл характерный толчок от соприкосновения колёс с землёй, самолёт пробежал по полю и, наконец, остановился. Дима глянул в иллюминатор, к воздушному судну уже подъезжали пассажирский автобус и пожарная машина. Пассажиры благополучно покинули самолёт, сели в автобус, который тут же помчался к зданию аэропорта…

***

Дима собирал в огороде помидоры для салата, когда во двор вошли двоюродные братья Пётр и Семён.

– Здорово, Дима! – поприветствовали они его.

– Пошли в лапту играть, – предложил Семён.

– В какую ещё лапту?

– Не играл, что ли, никогда? – с недоумением спросил Семён.

– Первый раз слышу про такую игру.

– Да…, в общем, это когда одна команда из так называемого города бьёт палкой небольшой мячик, подброшенный в воздух, в сторону поля, а другая команда пытается его поймать, если поймает, то команды меняются местами. Если игрок поля осалит мячом в бегущего игрока города, то команды тоже меняются местами. При этом, игроки поля, должны успеть перебежать в город. Понятно?

– Не очень, – признался Дима.

– Ладно, пойдём играть, на месте разберёшься.

Пустырь, где уже собрались подростки (мальчики и девочки) играть в лапту, находился недалеко от дома Димы, между ними расположился небольшой сквер. Разбившись на две команды, человек по десять в каждой, начали играть. Дима удивлялся, как это, такой битой (палкой), диаметром не больше пяти сантиметров, можно попасть (и попадают!) в мячик из каучука, величиной с мячик для большого тенниса. Когда подошла его очередь бить, он с двух разрешённых попыток так и не смог попасть в подброшенный вверх мячик. Сначала он вообще путался в правилах этой игры, но через некоторое время освоился и даже стал попадать битой в мяч. Игра была очень увлекательная и динамичная, за игрой незаметно пролетели несколько часов. После игры, вернувшись домой, он испытал приятную усталость.

***

На следующий день к Диме зашёл сосед по дому – Павел и предложил сходить на речку, половить рыбу бреднем, он с удовольствием согласился. Взяв бредень, навёрнутый на палки, и, взвалив его на плечи, друзья пошли к реке.

Выбрав подходящее место, они развернули пятиметровую снасть и стали бороздить прибрежные воды. Часа два они, как бурлаки, тягали бредень, уже изрядно подустали, но рыбы было совсем немного. Выйдя из воды, бросили на берегу снасть и сели на песок отдохнуть. Мимо них с удочкой на плече и небольшой котомкой в руке проходил сухонький старичок, известный всем в селе заядлый рыболов и знаток рыбных мест. Поравнявшись с подростками, он остановился и с беззлобной, едва уловимой ехидцей обратился к ним:

– Что, на дурнинку не идёт? Зря стараетесь, рыба сейчас вся в ямах да корягах. Если хотите быть с рыбкой, идите во-о-он туда, – показал он рукой на противоположный обрывистый берег.

– Дед Силантий, всё шуткуете? Под тем берегом, во-первых, глубина, а во-вторых, коряги, там с бреднем делать нечего!

– Эх, соколики, зачем бредень-то? В корягах налимы обитают, да и в норах тоже, вот и вытаскивайте их оттуда. Ручками, ручками надо это делать, только носки на них надеть надобно, не забудьте, скользкий он, налим-то, однако. Был бы я чуток моложе …, – и, не закончив фразу, махнув рукой, старческой походкой пошёл дальше вдоль берега.

Незадачливые рыбаки переглянулись. «А что, давай попробуем? Не поймаем, так нанырямся вдоволь!» – предложил Павел. Натянув на руки носки, они широкими саженями устремились к противоположному берегу. Не доплыв до него метра два, они разом нырнули. Дима вынырнул первым, увы, с пустыми руками, впрочем, он изначально скептически отнёсся к этой затее, да и ныряльщик из него был не ахти какой. Он, было, направился к берегу, решив немного передохнуть, как из воды, отфыркиваясь, с сияющим лицом показался Павел. В поднятых над его головой руках, не очень-то и трепыхаясь, был зажат налим, длиною полметра. Выбравшись на берег, они, повеселевшие, стали разглядывать добычу.

Внешне налим похож на сома, казалось, только уступает ему в размерах, но, при внимательном рассмотрении всё-таки имеет свои особенные отличия. Спинных плавников у него два, первый от головы маленький, второй спинной доходит до хвостового плавника, но не сливается с ним. Голова несколько приплюснутая. Верхняя челюсть выдается вперед, на подбо-

родке хорошо развитый усик. Тело продолговатое, покрыто мелкой чешуей, глубоко сидящей в коже, выделяющей обильную слизь. Спинка зеленая, испещрена черно-бурыми пятнами и полосами, горло и брюхо – серые.

Насмотревшись на добычу, а заодно отдохнув, повеселевшие рыбаки продолжили свой экзотический промысел. Уже через час на берегу красовались шесть налимов, на удивление, все они были одинакового размера, как из инкубатора. Двух из них добыл Дима, чем был чрезвычайно доволен. Поныряв ещё немного и убедившись в бесплодности дальнейших усилий, подростки, вполне довольные уловом, поспешили домой.

***

Перевалил за экватор сентябрь месяц, казалось, лето отошло в прошлое. Закончилась традиционная для школьников практика – помощь совхозу, на этот раз по уборке картофеля. В период практики погода не баловала. Дождь со срывающимся снегом-крупой, слякоть, непролазная грязь, и вдруг, совсем неожиданно, как будто не догуляв, возвратилось лето. Наступила настоящая жара, температура, порой, доходила до тридцати градусов. В один из таких дней Дима, не спеша, прогуливался по берегу реки. Солнце палило нещадно, берег реки был безлюдным, уже давно никто не купался в реке. Вода в ней была изумительно прозрачна и прямо манила в неё окунуться. Подросток скинул сандалий и пополоскал ступню в воде, она освежала прохладой, но казалась вполне терпимой. Он решился, быстро раздевшись, с разбегу нырнул в речку. Первым впечатлением было, что его словно сжало тисками и обожгло, казалось, ледяная вода дошла до самых костей. Не задерживаясь более, пулей выскочил на берег, контраст был ошеломляющий. Под палящими лучами солнца быстро согрелся, обсохнув, оделся и направился домой. Завтра идти в школу, этот учебный год особенный, год подведения итогов восьмилетней учёбы, как-то он сложится и что будет после него. Дима, впрочем, не особенно задумывался над этим вопросом, для него вполне естественным было продолжение учёбы в школе после окончания восьмилетки. В отличие от него, многие его одноклассники и в мыслях не держали продолжение учёбы в школе после окончания восьми классов и получения заветного свидетельства об образовании. В лучшем случае, некоторые из них планировали продолжать учиться в местном СПТУ. В этом решении их поддерживали и их родители, и руководство совхоза, последнее рассчитывало с помощью этого профессионально-технического училища вырастить для совхоза квалифицированные рабочие кадры, в том числе и механизаторов. В этом направлении местное СПТУ, изредка меняя своё название, но не предназначение, имело богатейший, многолетний опыт, известный далеко за пределами не только села, но и района. А пока и будущие его воспитанники, и остальные восьмиклассники мечтали об одном, как быстрее и, насколько это возможно, успешнее завершить этот ответственный для них учебный год.

***

Наступили зимние каникулы, в один из этих дней к Диме домой с мороза зашли шестеро его сверстников и с места в карьер заявили, что пришли за ним, чтобы пойти купаться на речку. У того от неожиданности округлились глаза, он спросил:

– Вы шутите, какая речка? Зима на дворе!

– Ну и что? – вопросом на вопрос спокойно ответил Пётр и продолжил. – Ты же сам летом говорил, что собираешься «моржом» стать, то есть обещал в проруби искупаться. Вот и пришло время, в самый раз моржевать!

Дима всё понял. Действительно, летом, под влиянием многочисленных обсуждений в прессе и по телевидению вопроса о пользе купания в проруби, он заявил своим сверстникам,

что с наступлением зимы приобщается к этому полезному делу. Его пытались урезонить, но он и слушать никого не хотел и рвался на спор, что все они зимой убедятся в этом. Вот и зима в самом разгаре, наступил час истины. Цепляясь за ускользающую надежду достойно выйти из этой щекотливой ситуации, он с напускным безразличием заявил:

– А что? Я и не отказываюсь от своих слов, готов хоть сейчас! Но при одном условии…

– Какое ещё условие? – перебил его Пётр, ожидая подвоха.

– Ну, сами должны понимать, на реке лёд и достаточно толстый, я не подряжался его долбить!

– А-а … – с удовлетворением произнёс Пётр. – Это не проблема. Мы тебе вшестером любую прорубь обеспечим, а уж там дело за тобой.

Дима смирился с неизбежным событием, облачился в овчинный тулуп, захватил с собой махровое полотенце и в окружении сверстников вышел на улицу. Друзья распределили между собой подсобные для предстоящего дела инструменты, предусмотрительно прихваченные дома, и все дружно зашагали к речке. Оттягивая время, в надежде, что друзья сами откажутся от предстоящей затеи, Дима скрупулёзно подыскивал место для купания, все терпеливо следовали за ним. Наконец, он указал место в небольшом заливе, выбранное здесь для того, чтобы не мешало течение. Пётр обратился к нему:

– Так нам начинать, ты купаться не передумаешь?

– Давайте долбите два на два, – стиснув зубы, процедил Дима.

– А зачем такую большую-то? Чтобы окунуться и метровой проруби за глаза хватит.

– А что мне окунуться? Я поплавать хочу! – перебивая Петра, с вызовом ответил он.

– Ну-ну, – ухмыльнувшись, проронил сверстник. – Смотри, не прыгнешь в прорубь, мы тебя сами туда бросим!

– Ладно-ладно, – примирительно ответил Дима. – Давайте начинайте скорее, а то тут с вами и без проруби замёрзнешь!

В его словах была доля истины. Мороз стоял не выше минус тридцати пяти градусов, да ещё тянул приличный ветерок. Работа закипела. Одни крошили пешнёй лёд, другие выгребали специальной хваткой куски льда. Уже образовалось внушительное углубление во льду, а воды всё не было. Глядя на работу друзей, Дима вдруг вспомнил, как он, ещё в бытность проживания в Барнауле, как-то зимой пошёл на Обь в районе Болдина. Упорно долбил лунку где-то посередине русла реки, метра полтора пробил, вспотел от усердия и добрался в результате до… песка! На косу песчаную, как оказалось, попал, вот досада была. Как бы и тут такого не вышло, а то ещё до купания неприятностей не оберёшься.

«У-у-ф, наконец-то!» – прозвучал возглас облегчения Ивана. Это его пешня, пробив последний слой льда, провалилась остриём в воду. Работа пошла веселее. Глядя, как постепенно внушительная прорубь очищается ото льда, Дима некстати вспомнил своё жуткое купание в сентябре при тридцатиградусной жаре и невольно поёжился. Разгорячённый работой вид сверстников не вызывал у него сомнения, что водной процедуры сегодня ему при любом раскладе не избежать. Закончив утомительную работу, все разом обратили свои взоры на новоявленного «моржа». Не дожидаясь от них приглашения, тот, уже без лишних слов, быстро раздевшись, с отчаянным криком: «Пошё-о-ол»! – прыгнул в воду. Психологически уже готовый к самым неприятным ощущениям, он сначала даже ничего не понял. Конечно, определённый дискомфорт был, но, по сравнению с сентябрьскими, сегодняшние ощущения были вполне приемлемыми. Он даже позволил себе, под изумлённые взгляды друзей, сделать в проруби три круга почёта. Выбравшись из проруби, ощутил неприятностей куда больше, мороз буквально кусался, особенно доставалось пальцам ног. Он стал неистово растираться полотенцем, затем быстро оделся, обулся и побежал домой.

***

На следующий день к Диме заглянул Пётр.

– Ну, как самочувствие после ледяной купели? – поинтересовался он.

– Как видишь, даже насморка нет! – парировал вчерашний «морж».

– Ну, ты всё-таки молодец, не сдрейфил! Я, честно говоря, думал, что откажешься, а когда ты прыгнул в воду, даже немного испугался, подумал, не дай Бог, что-нибудь случится, нам бы тогда всем влетело.

– Да ерунда всё это! Я тоже опасался, что добром это купание не закончится, а оказалось, что не так уж и страшно. Потом ещё рассудил, что температура воды-то не ниже, чем плюс четыре градуса, а на воздухе – все минус тридцать пять, поэтому получается, что в воде-то намного теплее! Вот когда из проруби вылез на мороз, это посерьёзней, знаешь, как он хватал?!

Пётр, озадаченный доводами друга, почесал затылок и спросил:

– Действительно, что же это выходит? Купаться зимой в реке теплее, чем ходить по улице?

– Да нет, конечно. Ходишь-то тепло одетый, а купаешься в одних трусах. Представь себе, что ты в них поздней осенью или ранней весной по улице ходишь, а?

– Да ну тебя, совсем запутал. Ладно, я, чего пришёл. Если у тебя всё нормально, пойдёшь с нами завтра на охоту, на зайца?

– У меня же ружья нет, что я за зайцем вместо собаки, что ли, бегать буду?

– Брось ты вредничать, ружьё тебе дам. Стрелять-то умеешь?

– На охоте ни разу не был, но у меня диплом первой степени по стрельбе из пневматического оружия имеется. На городских соревнованиях в Барнауле сорок девять очков из пятидесяти возможных выбивал!

– Это, конечно, хорошо, но охота – это тебе не соревнование. Здесь, понимаешь, азарт, неожиданность. Короче, завтра сходим, сам прочувствуешь. Мы за тобой к девяти утра зайдём. Лыжи-то есть?

– Лыжи есть, я с собой ещё собаку возьму.

– Бери, хотя она охоте не обучена, может и помешать.

Попрощавшись, Пётр ушёл.

***

На следующее утро, как и договаривались, за Димой зашли друзья. Пётр вручил ему одностволку, полтора десятка патронов, и все двинулись на охоту, Веда побежала вместе с ними. Вскоре деревня осталась позади. Перед ними до самого горизонта простиралась бескрайняя волнистая степь, на которой отдельными группами возвышались берёзовые колки и осиновые рощицы. На снегу, сверкающем свежей белизной, стали встречаться заячьи петли, но сами зайцы не попадались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.